

ISSN 2587-7402

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ОРДЕНА ЖУКОВА
ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ,
КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА
ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ
(ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
(ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

№1 (18)–2022

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 2587-7402 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал находится
в открытом доступе
и индексируется в системе
Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)
лицензионный договор
с Научной электронной
библиотекой eLIBRARY.ru
от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- ЛЫСЕНКОВ С.Г.** 5
Войска и органы правопорядка Петрограда в период становления Советской власти и Гражданской войны
- НИКОНОВ Д.А.** 11
Понятие и виды актов российского чрезвычайного военного законодательства

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- ЕВСТРАТОВА Ю.А., ЛИХАНОВА И.И.** 16
Правовое значение прогнозирования и предупреждения убийств с использованием современных технологий
- СПИВАКОВ П.А.** 22
Изучение насильственных преступлений массового характера, совершаемых подростками, на примере «скулшутинга» и возможность выделения самостоятельного квалифицирующего признака
- ШАПОШНИКОВ А.А.** 29
Перспективы использования искусственного интеллекта при проведении психофизиологических исследований

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

- АВДИЕНКО Г.Ю.** 33
Роль психологического тренинга в сплочении воинского коллектива
- МАРКЕЛОВА Т.В., БУРОВА Е.А.** 39
Психологические характеристики эмоциональной устойчивости сотрудника силовых структур
- ПАШКИН С.Б., ГОНЧАРОВА С.Ю.** 43
Понятие удовлетворенности трудом в психологических исследованиях
- ШЛЕНКОВ А.В.** 50
Факторы, влияющие на эмоциональное выгорание военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

- ВОДОПЬЯНОВА Н.Е., ЧЕСНОКОВ В.Б.** 58
Специфические риски выгорания специалистов IT-сферы: факты, гипотезы, перспективы исследования
- ДЬЯЧКОВ А.А., МУТОВЧИ М.А.** 63
Соотношение самооценки и познавательной деятельности курсантов военных институтов
- ПОЛУШИНА О.Б., ЧИЧКИН А.С.** 68
Особенности локус контроля курсантов военного института
- ТУРЧИН А.С., АКИМОВ Д.Д.** 71
Психолого-методологические аспекты изучения мотивации курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии
- ЧЕРНЫХ А.К., ЗОЗУЛИН И.Н.** 76
Психологическая поддержка населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЛЫЧАГИНА С.В., СТЕПАНОВ Д.Д. 83
 Исследование самооценки военнослужащих Росгвардии

ФИЛИМОНЦЕВ Н.М. 88
 Социально-психологические особенности личности командира как субъекта управления войсками

ШАБАНОВ А.В. 93
 Типы стратегий как социально-психологический феномен принятия решения

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

ФИЛИМОНЦЕВ Н.М. 103
 Педагогические особенности руководства курсантским коллективом

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

БОЙКОВ А.В., ЕРМАКОВ С.А. 109
 Активные формы обучения при подготовке военных специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации

КОСТЮК А.В., ЕПАНЕШНИКОВ Н.М. 115
 Повышение эффективности обучения в системе дополнительного профессионального образования

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

ВОРОНОВ С.А. 121
 Стендовый моделизм и создание военно-исторических миниатюр как форма военно-патриотического воспитания

КРАВЧЕНКО А.В., ОРЛОВ С.В. 125
 Активные формы обучения при подготовке военных специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации

ПРОКОПЕНКО В.В., ЕФИМОВ В.В. 130
 Особенности организации и проведения попутной физической тренировки при передвижении курсантских подразделений в пункт временной дислокации

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

КОСАРЕВ А.С., ПУЧКОВА А.Р. 138
 Психологические особенности лиц, оказавшихся в заложниках

МОЛДАВСКИЙ М.В., ТЕПЛЯКОВ О.В. 142
 Использование психологических аспектов поведения толпы при обеспечении правопорядка на массовых общественно-политических мероприятиях

НИКИТИН Д.В., ОДИНОЦОВА Д.Д., ЯКОВЛЕВ А.А. 146
 Психологический портрет личности преступника, совершающего преступления против собственности

ПУЧКОВА А.Р., КОСАРЕВ А.С. 149
 Психологические особенности личности террориста

ТЕПЛЯКОВ О.В., МОЛДАВСКИЙ М.В. 153
 Афганский наркотерроризм как современная угроза странам – членам Содружества Независимых Государств

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
обязательна.

Редакция вправе сокращать
и литературно обрабатывать
принятые к публикации тексты.

Материалы должны
соответствовать одному
из научных направлений
(по отраслям наук),
определяющему
направленность
(профильность) журнала:
педагогические,
психологические
и юридические науки.

Издание осуществляет
рецензирование всех
поступающих материалов,
соответствующих
тематике журнала, с целью
их экспертной оценки.
Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов,
имён собственных,
неразглашение тайны
отвечают авторы публикаций.

FEDERAL STATE OFFICIAL MILITARY
 ESTABLISHMENT OF HIGHER EDUCATION
 «SAINT-PETERSBURG MILITARY
 ORDER OF ZHUKOV INSTITUTE
 OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
 OF THE RUSSIAN FEDERATION »

Saint-Petersburg Military
 Order of Zhukov Institute
 of the National Guard Troops
 of the Russian Federation

Network scientific journal

ISSN: 2587-7402 (online)

Journal is published since
 December, 2017

Journal is published
 on quarterly basis

Journal is included
 in the system
 of the Russian Scientific
 Citation Index (RSCI)

license agreement
 with the Scientific Electronic
 Library eLIBRARY.ru dated
 13.02.2018 No. 52-02/2018

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- LYSENKOV S.G.** 5
 Troops and law enforcement agencies of Petrograd during the formation of Soviet power and the Civil War

- NIKONOV D.A.** 11
 The concept and types of acts of the Russian emergency military legislation

CRIMINAL LAW SCIENCES

- EVSTRATOVA J.A.J., LIHANOVA I.I.** 16
 The legal significance of forecasting and preventing murders using modern technologies

- SPIVAKOV P.A.** 22
 The study of violent crimes of a mass nature committed by teenagers on the example of "school shooting" and the possibility of highlighting a qualifying feature

- SHAPOSHNIKOV A.A.** 29
 Prospects for the use of artificial intelligence in psychophysiological research

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

- AVDIENKO G.YU.** 33
 The role of psychological training in the cohesion of the military team

- MARKELOVA T.V., BUROVA E.A.** 39
 Psychological characteristics of the emotional stability of a law enforcement officer

- PASHKIN S.B., GONCHAROVA S.JU.** 43
 The concept of job satisfaction in psychological research

- SHLENKOV A.V.** 50
 Factors affecting the emotional burnout of military personnel (employees) of the National Guard Troops of the Russian Federation

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

- VODOPYANOVA N.E., CHESNOKOV V.B.** 58
 Specific risks of burnout of IT specialists: facts, hypotheses, research prospects

- DYACHKOV A.A., MUTOVCHI M.A.** 63
 Ratio of self-assessment and cognitive activity of military institute cadets

- POLUSHINA O.B., CHICHKIN A.S.** 68
 Features of the locus of control of cadets of the Military Institute

- TURCHIN A.S., AKIMOV D.D.** 71
 Psychological and methodological aspects of studying the motivation of cadets of military educational organizations of higher education of the National Guard Troops

- CHERNYKH A. K., ZOZULIN I. N.** 76
 Psychological support of the population and military personnel of the National Guard Troops of the Russian Federation during the counterterrorist operation

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY	
LYCHAGINA S. V., STEPANOV D. D. Self-assessment study of the servicemen of the Russian Guard	83
FILIMONTSEV N. M. -psychological features of the personality of the commander as a subject of command and control	88
SHABANOV L.V. Types of strategies as a socio-psychological phenomenon of decision-making	93
GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION	
FILIMONTSEV N.M. Pedagogical features of the leadership of the cadet collective	103
METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION	
BOIKOV A.V., ERMAKOV S.A. Active forms of training in the training of military specialists in the military institutes of the National Guard Troops of the Russian Federation	109
KOSTYUK A. V., EPANESHNIKOV N. M. Increasing the efficiency of learning in the system additional professional education	115
THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)	
VORONOV S.A. Bench modeling and the creation of military-historical miniatures as a form of military-patriotic education	121
KRAVCHENKO A.V., ORLOV S.V. The role of personal qualities and values of the future commander in the process of training cadets in a military educational organization of higher education	125
PROKOPENKO V.V., EFIMOV V.V. Peculiarities of organizing and conducting physical training during the movement of cadet units to the point of temporary deployment	130
OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGISTS AND PEDAGOGICAL SCIENCES)	
KOSAREV A.S., PUCHKOVA A.R. Psychological characteristics of the hostages' personality	138
MOLDAVSKIY M.V., TEPLYAKOV O.V. use of psychological aspects of crowd behavior in law enforcement at mass socio-political events	142
NIKITIN B.V., ODINTSOVA D.D., YAKOVLEV A.A. Psychological portrait of the personality of a criminal who commits crimes against property	146
PUCHKOVA A.R., KOSAREV A.S. Psychological characteristics of the terrorist's personality	149
TEPLYAKOV O.V., MOLDAVSKIY M.V. Afghan drug terrorism as a modern threat to the member countries of the commonwealth of independent states	153

When reprinting materials,
a reference to the journal
is required.

The editorial board has the right
to shorten and literary process
the texts accepted
for publication.

Materials must correspond
to one of the scientific directions
(by branches of science),
which determines the direction
(profile) of the journal:
pedagogical, psychological
and legal sciences.

The publication reviews
all incoming materials
corresponding to the subject
of the journal for the purpose
of their expert assessment.
Manuscripts are not returned.

The authors of the publications
are responsible for the reliability
of the facts, proper names,
and non-disclosure of secrets.

ВОЙСКА И ОРГАНЫ ПРАВОПОРЯДКА ПЕТРОГРАДА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Сергей Геннадьевич Лысенков

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, sergey.lysenkov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа нормативных правовых актов, документов и материалов, содержащихся в государственных и ведомственных архивах, раскрывается процесс становления и развития органов ВЧК, милиции и войск внутреннего предназначения Петрограда, их служебно-боевой деятельности по борьбе с внутренней контрреволюцией, преступностью в городе, белогвардейцами и интервентами.

Ключевые слова: революция, ВЧК, милиция, войска ВОХР, борьба с преступностью, Гражданская война

Для цитирования: Лысенков С. Г. Войска и органы правопорядка Петрограда в период становления Советской власти и Гражданской войны // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 5–10. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/001.pdf>.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

TROOPS AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF PETROGRAD DURING THE FORMATION OF SOVIET POWER AND THE CIVIL WAR

Sergei G. Lysenkov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, sergey.lysenkov@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of normative legal acts, documents and materials contained in state and departmental archives, the article reveals the process of formation and development of the organs of the VChK, the militia and the internal troops of Petrograd, their service and combat activities to combat internal counterrevolution, crime in the city, White Guards and interventionists.

Keywords: revolution, Cheka, police, VOHR troops, crime control, Civil War

For citation: Lysenkov S. G. Troops and law enforcement agencies of Petrograd during the formation of Soviet power and the Civil War // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 5–10. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/001.pdf>.

© Лысенков С. Г., 2022

Введение

Победой Февральской революции 1917 года завершилась эпоха самодержавия в России. В течение восьми месяцев власть в стране принадлежала Временному правительству, показавшему российскому народу свою несостоятельность. В октябре того же года Временное правительство было свергнуто и в результате вооруженного восстания в Петрограде к власти пришли советы рабочих и солдатских депутатов, руководимые большевиками во главе с В. И. Лениным. Установление советской власти вызвало отчаянное сопротивление отстраненных от управления страной и лишенных

собственности различных классов, сословий и социальных групп. Пытаясь вернуть утраченные позиции, они оказывали вооруженное противодействие новой власти. Ожесточенная борьба при активном участии империалистических государств в 1918 году переросла в гражданскую войну и иностранную военную интервенцию.

Основные положения

В рядах внутренних врагов революции были не только представители свергнутых классов. Противниками большевиков выступали контрреволюционные партии, белое

офицерство, церковь, деклассированные и преступные элементы. Один из деятелей Белого движения В. И. Игнатьев отмечал: «Петроград кишел всякими организациями, в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана и, несмотря на общность непосредственной цели – сломить большевиков, ненавидящих друг друга, не верящих друг другу, готовых при первом стремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по-своему, перегрызть друг другу горло...» [1, с. 5]. Бандитизм, погромы, грабежи, убийства, по существу, были одной из форм борьбы свергнутых классов и их пособников против диктатуры пролетариата.

Поэтому необходимым условием защиты революции в сложившейся ситуации было установление и поддержание твердого правопорядка. В Петрограде эту задачу решали Центральный и районные комитеты революционной охраны, созданные в соответствии с постановлением наркомата внутренних дел (НКВД) от 28 октября 1917 г., в дальнейшем преобразованные в комендатуры революционной охраны. В ведении Центральной, 14 районных и 49 подрайонных комендатур находилась наружная охрана города и борьба с преступностью [2].

Через полтора месяца после Октябрьской революции 7 декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. Для обеспечения своей деятельности 11 декабря 1917 г. коллегия ВЧК приняла решение об организации вооруженного формирования, в которое последовательно были включены отряды петроградских красногвардейцев, революционных рабочих, солдат Сведборгского полка, 1-го самокатного батальона и матросов. Объединение всех отрядов в единый боевой отряд ВЧК произошло 1 марта 1918 г. Численность его достигала 1 соединения тыс. человек. Воины-чекисты сразу же включились в борьбу с контрреволюцией, саботажем и бандитизмом [3, с. 44–45].

В связи с переездом правительства республики в Москву 9 марта 1918 г. встал вопрос о создании Чрезвычайной комиссии в Петрограде. В этот день исполкомы районных советов Петрограда получили срочные телефонограммы, направленные Петросоветом, в которых им ставилась задача прислать в здание ВЧК своих представителей для формирования Чрезвычайной комиссии Петрограда по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Образованная решением президиума Петроградского совета 10 марта 1918 г. Петроградская Чрезвычайная комиссия (Петрочека) разместилась в доме № 2 по улице Гороховой, в помещениях, освободившихся сразу же после отъезда ВЧК в Москву.

С первых дней существования Петрочека, чекисты Петрограда активно работали по пресечению враждебной деятельности со

стороны иностранных разведок. В августе 1918 года был ликвидирован «Заговор трех послов» – купирована подрывная деятельность против молодой Советской республики, осуществлявшаяся английской и французской разведками под дипломатическим прикрытием.

Одновременно с формированием Петрочека проходило строительство вооруженных формирований и органов охраны общественного порядка Петрограда, на которые возлагалась защита граждан от «преступников и насилий всякого рода, ограждение народного добра от расхищений».

Численность личного состава данных подразделений на территории Петрограда и Петроградской губернии к концу 1918 года достигла 17 649 человек, в том числе в Центральной комендатуре революционной охраны Петрограда 8 тыс. человек, в губернии 5 248 человек, в полку по охране Петрограда 2 522 человек, в рабоче-крестьянском полку революционной охраны 1631 человек, в школе дружинников 218 человек, в городе было также 150 конных милиционеров [4].

Организационный период для городской милиции и вспомогательных войск был наиболее сложным. Неблагоприятными факторами, оказавшими негативное влияние на их служебно-боевую деятельность, были почти полное отсутствие опыта борьбы с преступностью, неудовлетворительное комплектование подразделений, нехватка транспортных средств, трудности с продовольственным снабжением, слабое вооружение. Например, на 500 человек подразделений охраны Василеостровского района имелось всего 80 русских, немецких, австрийских и японских винтовок, 59 револьверов шести систем, 3 пулемета и 15 шашек. Все оружие было старым и часто выходило из строя [5].

Названные причины не могли не сказаться на росте преступности. В Петрограде только в июле 1918 года было совершено 16 убийств, 965 краж, 48 человек пропали без вести, 2 267 человек были задержаны за совершение различных правонарушений. В августе обстановка в городе еще более обострилась [6, с. 310].

Начавшийся белый террор и резкий рост преступности побудил Совет комиссаров Союза коммун Северной области принять чрезвычайные меры. Был подготовлен и 20 августа 1918 г. опубликован декрет, согласно которому контрреволюционеры, шпионы, спекулянты, грабители, налетчики и погромщики, задержанные на месте преступления, подлежали немедленному расстрелу [7]. В Нарвском районе с 1 по 7 сентября 1918 г. было задержано свыше 800 подозрительных лиц, из которых «60 самых активных контрреволюционеров, белогвардейцев, бандитов и налетчиков были расстреляны» [8]. Таким образом, в ответ на белый террор в Петрограде, как и в других российских городах, начался красный террор.

Продовольственные трудности, возникшие в результате мировой войны и разрухи, особенно

усилившейся с началом гражданской войны, обусловили установление в Петрограде в ноябре 1918 года жесткой карточной системы и перевод всего трудящегося населения на общественное питание. Ситуацией воспользовались спекулянты, которые, скупая на железнодорожных станциях, речных причалах и пристанях продовольствие, продавали его городскому населению по значительно завышенным ценам, обрекая тем самым горожан на голод и нищету.

Войска и органы правопорядка начали беспощадную борьбу со спекулянтами на железной дороге и водном транспорте. Специальные летучие отряды из рабочих, матросов, красногвардейцев организовывали подвоз хлеба в Петроград, осматривали вагоны и суда, прибывающие в город, вылавливали мешочников и спекулянтов. В результате проведенных в ноябре 1918 года оперативно-розыскных мероприятий были обнаружены десятки потайных складов с продовольственными и промышленными товарами, изъято у спекулянтов Морозова, Кондратьева и Калашникова 700 т пшеничной муки, 70 т сахара, 2 тыс. литров растительного масла, большое количество промышленных товаров [9, с. 39–40].

Процесс создания воинских формирований внутреннего назначения в Петрограде в 1919 году был в основном завершен. Постановлением Совета обороны Республики от 28 мая 1919 г. все вспомогательные войска переходили в подчинение НКВД и переименовывались в войска внутренней охраны Республики (войска ВОХР). Их численность в Петрограде на 1 июня 1919 г. составляла: в войсках ВЧК – 7 257 человек; в караульных и конвойных войсках¹ – 7 766 человек; в пограничных войсках – 3 972 человек; в войсках судоходной охраны – 778 человек; в войсках Продармии – 145 человек [10].

В апреле 1920 года было принято Положение о войсках внутренней охраны, в котором определялись их основные задачи:

- а) вооруженная борьба с контрреволюцией во всех ее видах внутри страны;
- б) охрана транспорта и транспортирования;
- в) охрана производства страны;
- г) охрана таможенных границ [11].

Войска ВОХР, дислоцированные в Петрограде, выполняли задачи по охране мостов, предприятий, объектов железнодорожного и водного транспорта. На них возлагалась борьба со спекуляцией, саботажем, контрреволюцией. Только за октябрь 1919 года войсковыми нарядами было задержано 2 008 человек, из них за агитацию против советской власти – 33 человека, за нарушения постановлений власти – 36 человек, за спекуляцию – 89 человек, за торговлю неразрешенными товарами – 242 человека, за мошенничество – 60 человек, за пьянство в общественных местах – 235 человек [1, с. 420].

Решительная борьба с правонарушениями, а также профилактические мероприятия войск и органов правопорядка привели к резкому

сокращению преступлений в Петрограде. Число убийств, грабежей, налетов сократилось в 15 раз, а общее количество преступлений уменьшилось в два раза [12].

Укрепление общественного порядка привело к некоторой нормализации оперативной обстановки в городе и создавало благоприятные условия для мобилизации людских и материальных ресурсов на разгром белогвардейцев и иностранных интервентов в ходе продолжавшейся гражданской войны.

1919 год был одним из самых тяжелых для Советской страны и для Петрограда. Именно в это время белогвардейские и белоэстонские войска под общим командованием генерала Н.Н. Юденича трижды пытались взять город. В апреле 1919 года на Петрозаводском направлении стала наступать белофинская Олонецкая добровольческая армия, которая вышла к Лодейному Полю. Продвижение названных войск к Петрограду сопровождалось усилением подрывной деятельности внутренней контрреволюции [13, с. 227]. Вновь резко возросло количество преступлений. В марте 1919 года в Петрограде было совершено 15 убийств, 37 разбойных нападений, 281 кража со взломом, 1 153 прочих преступлений [6, с. 321–322].

Угроза Петрограду со стороны интервентов и белогвардейцев, рост преступности потребовали принятия чрезвычайных мер по укреплению обороны города и поддержанию в нем революционного порядка. Среди таких мер было объявление города на осадном положении, создание 2 мая 1919 г. Комитета обороны Петрограда и Петроградской губернии.

Город и его окрестности в радиусе до 15 верст превращались в укрепленный район. Управление укрепрайоном возлагалось на Военный совет, который принимал необходимые меры по подготовке обороны города, организации борьбы с контрреволюцией и охраны общественного порядка. Комендантом и членом Военного совета назначался Я. Х. Петерс. Двух других членов совета назначал Реввоенсовет 7-й Армии, оборонявшей Петроград, по согласованию с Петросоветом [14].

Значительная часть работы по организации обороны Петрограда возлагалась на районные революционные тройки, состав которых с введением в городе осадного положения назначался Петроградским комитетом Российской Коммунистической Партии большевиков (РКП(б)) из числа членов райкомов и райисполкомов. Петросовет расширил сеть троек, образовав их на крупных предприятиях города. К тройкам переходила вся власть на местах. Необходимо отметить, что эти тройки в отличие от репрессивных органов с таким же названием, действовавших в 1930-е годы, имели, в основном, распорядительные, административные функции и в меньшей степени карательные функции.

Чрезвычайная революционная тройка была создана и на Петроградском железнодорожном узле. Ей подчинялись чрезвычайные комиссары,

¹ Конвойные войска не входили в состав войск ВОХР (прим. автора).

которым принадлежала административная власть над всеми видами охраны и поддержания порядка в полосе отчуждения железной дороги, организация заградительных отрядов особого назначения.

В распоряжении комиссаров находились железнодорожная милиция и уголовный розыск, воинские подразделения, выделенные для охраны железнодорожных сооружений. За неподчинение комиссарам, невыполнение их приказов, уклонение от своих обязанностей виновные доставлялись в чрезвычайную революционную тройку, которая в условиях осадного положения имела полномочия по применению высшей меры наказания [15].

В этот период остро встала проблема укомплектованности милиции кадрами. Более четверти ее личного состава находилось на фронте. Сложность службы, непрерывные мобилизации, рост служебной нагрузки требовали срочного пополнения милицейских подразделений. По этим причинам в Петрограде на службу в милицию стали принимать женщин.

Комитет обороны 2 мая 1919 г. возбудил ходатайство перед НКВД об организации в городе в качестве эксперимента «Женской милиции». Разрешение было получено, и 23 мая Комитет обороны объявил о наборе в милицию женщин-работниц на добровольной основе. Принимались представительницы пролетарского происхождения по рекомендациям партийных, советских органов и общественных организаций, обязательно грамотные и прошедшие медкомиссию. Для отобранных женщин были организованы двухнедельные курсы при Рабоче-крестьянском университете. Поступившие на службу 350 женщин выполняли обязанности постовых милиционеров, охраняли общественные учреждения и другие объекты. Проверки показывали, что «женщины несут службу толково, обязанности выполняют добросовестно и аккуратно» [16].

В городе усилилась борьба с внутренней контрреволюцией. В ночь с 12 на 13 июня 1919 г. 12 тыс. рабочих под руководством сотрудников ВЧК и милиции провели обыски в вызывавших подозрение домах и квартирах. Через две недели в повторном обыске приняло участие уже 15 тыс. петроградских рабочих. В ходе обысков было изъято такое количество оружия и боеприпасов, что удалось вооружить свыше 5 тыс. рабочих, проходивших военное обучение [17].

Проведение подобных операций было вызвано необходимостью наращивать силы обороны города в связи с тяжелой обстановкой на Петроградском фронте, который Центральным Комитетом РКП(б) был признан первым по важности среди всех фронтов гражданской войны.

Осложнили ситуацию на фронте: неудавшееся наступление в конце мая 7-й Армии в районе Ямбурга в результате предательства начальника штаба этой армии, бывшего подполковника

царской армии В. Э. Люндеквиста², измена 3-го стрелкового полка, перешедшего в полном составе на сторону врага. Войска Юденича, пользуясь перевесом сил, прорвали фронт и к 12 июня подошли к фортам Красная Горка и Серая Лошадь, где 13 июня вспыхнул контрреволюционный мятеж. Специально сформированная Береговая группа войск при поддержке кораблей Балтийского флота 16 июня подавила этот мятеж [18].

Усилиями Петроградской ЧК, войск ВОХР и милиции город и пригороды были очищены от белогвардейских заговорщиков. Части 7-й Армии были укреплены боеспособным пополнением. Это позволило остановить продвижение войск Юденича и в начале июля перейти в наступление, в результате которого в августе 1919 года были освобождены Ямбург и Псков. Однако полностью и окончательно разгромить армию Юденича в ходе этого наступления не удалось.

При поддержке белоэстонских войск и английских кораблей войска Юденича 28 сентября ударом по левому флангу 7-й Армии прорвали оборону и 12 октября захватили Ямбург, затем Лугу, Гатчину, Красное Село, Павловск. Начались боевые действия на ближних подступах к Петрограду [19, с. 409].

На борьбу против армии Юденича были направлены подразделения Петроградского сектора войск ВОХР, о чем начальник сектора Кошутин доносил начальнику войск ВОХР Республики: «По требованию коменданта Петроградского укрепрайона 17 октября выслан на ст. Тосно 145 стрелковый батальон в составе 178 стрелков. Отправляю 20 батальон в составе 271 стрелка, 202 батальон в составе 397 стрелков. В моем распоряжении находятся 203-й и 204 батальоны, первый не обут и не вооружен, второй вооружен берданками. Боеспособность батальонов слабая» [20]. Помощь петроградцам оказали батальоны войск ВОХР, прибывшие из Твери и Новгорода [3, с. 67].

Для организации вооруженной борьбы в случае прорыва врага в город Комитет обороны создал Штаб внутренней обороны и районные штабы, при которых формировались боевые дружины. Штаб внутренней обороны города издал директиву об использовании кадров войск ВОХР для формирования в районах частей ополчения и партизанских отрядов. На ближних подступах и внутри города были сооружены три оборонительные линии, прикрывавшиеся огнем боевых кораблей, введенных в Неву [21].

Командованию Петроградского укрепрайона была подчинена милиция, которая активно участвовала в обороне города. По приказу Комитета обороны сводный отряд милиции был переведен в боевое положение и в составе 800 человек убит на фронт. На базе конного подразделения был создан партизанский отряд. Из милиционеров-добровольцев и бывших солдат был сформирован и отправлен на фронт отряд, численностью в 300 человек. В распоряжение члена Реввоенсовета 7-й Армии Н.И. Подвойского 16 октября прибыло 200 милиционеров. Из

² В. Э. Люндеквист был разоблачен как вражеский агент лишь в ноябре 1919 года (прим. автора).

537 милиционеров 17 октября был сформирован отряд особого назначения, который вошел в состав 2-го пехотного полка отдельной стрелковой бригады [22].

В кровопролитных боях на подступах к городу враг был остановлен. При поддержке Балтийского флота 7-я Армия, усиленная войсками ВОХР и отрядами милиции, перешла в контрнаступление и 23 октября освободила Павловск, 26 октября – Красное Село. В ходе преследования неприятеля были освобождены Гдов и Ямбург. В начале декабря 1919 г. остатки армии Юденича бежали за границу [19, с. 409].

Заключение

Таковы были итоги служебно-боевой деятельности войск и органов НКВД Петрограда по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом, установлению и поддержанию в городе общественного порядка, разгрому войск Юденича, белополяков и белозастонцев. В этот период войсками и органами правопорядка был накоплен значительный опыт, который неоднократно использовался в дальнейшей служебно-боевой деятельности органов и войск внутреннего предназначения по защите общества, государства, личности от агрессии, терроризма и других противоправных действий.

Список источников

1. Корнатовский Н. А. Борьба за Красный Петроград. Л.: Изд-во «Красной газеты», 1929. 540 с.
2. Постановление НКВД от 28 октября 1918 г. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 73. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.
3. Внутренние войска. Исторический очерк / колл. авторов. М., 2007. 322 с.
4. Справка о составе ПетроЧК за декабрь 1918 г. ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 1. Д. 8. Л. 105–109.
5. Донесение комендатуры Василеостровского района. ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 10. Л. 50, 51 об.
6. Министерство внутренних дел: страницы истории (1802–2002 гг.): Сб. очерков / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2001. 607 с.
7. Декрет Совета комиссаров Союза коммун Северной области. // Красная газета. 1918. 20 августа.
8. Донесение комендатуры Нарвского района. ЦГА СПб. Ф. 100. Оп. 1. Д. 3а. Л. 18.
9. Скилягин А. Т. Дела и люди ленинградской милиции // Очерки истории. Л., 1965. 376 с.
10. Справка НКВД от 1 июня 1919 г. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 11. Оп. 5. Д. 266. Л. 147–149.
11. Положение о войсках внутренней охраны Республики. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 6. Л. 15–22.
12. Сводка ПетроЧК о преступности в 1919 г. ЦГА СПб. Ф. 73. Оп. 1. Д. 75. Л. 273.
13. Дзержинский Ф. Э. Избранные сочинения: в 2 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1: 1897–1923 гг. 564 с.
14. Постановление Реввоенсовета 7-й Армии. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 3631. Оп. 1. Ед. хр. 1.
15. Постановление Петросовета о создании чрезвычайных троек. ЦГА СПб. Ф. 175. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–2.
16. Доклад НКВД о деятельности «женской милиции» в 1919 г. ЦГА СПб. Ф. 33. Оп. 2. Д. 26. Л. 4.
17. Сообщение о результатах обысков 12–13 июля 1919 г. // Петроградская правда. 1919. 25 июня.
18. Сообщение о ликвидации мятежа 16 июля 1919 г. // Петроградская правда. 1919. 17 июля.
19. Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия / гл. ред. С. С. Хромов. М.: Советская энциклопедия, 1983. 703 с.
20. Донесение Петроградского сектора войск ВОХР от 17 октября 1919 г. РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 949. Л. 20.
21. Директива Штаба внутренней обороны города Петрограда. ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 901. Л. 15–17.
22. Приказ Комитета обороны Петрограда о формировании сводного отряда милиции. ЦГА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.; Ф. 100. Оп. 3. Д. 33. Л. 135.

References

1. Kornatovskij N. A. *Fight for Red Petrograd*. Leningrad: Krasnaja gazeta. 1929. (In Russ.).
2. Postanovlenie NKVD ot 28 oktjabrja 1918 g. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb). F. 73. Op. 2. D. 1. L. 2. (In Russ.).
3. Team of authors. *Internal troops. Historical outline*. Moscow. 2007. (In Russ.).
4. Spravka o sostave PetroChK za dekabr' 1918 g. CGA SPb. F. 142. Op. 1. D. 8. L. 105–109. (In Russ.).
5. Donesenie komendatury Vasileostrovskogo rajona. CGA SPb. F. 73. Op. 1. D. 10. L. 50, 51 ob. (In Russ.).
6. Sal'nikov V. P. (eds.) *Ministry of the Interior: Pages of History (1802–2002): a collection of essays*. Sankt-Peterburg: Fund "University". 2001. (In Russ.).
7. Dekret Soveta komissarov Sojuza kommun Severnoj oblasti. *Krasnaja gazeta*. 1918. 20 avgusta. (In Russ.).
8. Donesenie komendatury Narvskogo rajona. CGA SPb. F. 100. Op. 1. D. 3a. L. 18. (In Russ.).
9. Skiljagin A. T. Affairs and people of the Leningrad militia. In: *History essays*. Leningrad. 1965. (In Russ.).
10. Spravka NKVD ot 1 ijunja 1919 g. Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA). F. 11. Op. 5. D. 266. L. 147–149. (In Russ.).

11. Polozhenie o vojskakh vnutrennej ohrany Respubliki. RGVA. F. 42. Op. 1. D. 6. L. 15–22. (In Russ.).
12. Svodka PetroChK o prestupnosti v 1919 g. CGA SPb. F. 73. Op. 1. D. 75. L. 273. (In Russ.).
13. Dzerzhinskij F. Je. *Selected writings*. Moscow: Gospolitizdat. 1957; Vol. 1: 1897–1923. (In Russ.).
14. Postanovlenie Revvoensoveta 7-j Armii. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb). F. 3631. Op. 1. Ed. hr. 1. (In Russ.).
15. Postanovlenie Petrosoвета o sozdanii chrezvychajnyh troek. CGA SPb. F. 175. Op. 1. D. 29. L. 1–2. (In Russ.).
16. Doklad NKVD o dejatel'nosti «zhenskoj milicii» v 1919 g. CGA SPb. F. 33. Op. 2. D. 26. L. 4. (In Russ.).
17. Report on the results of the searches on July 12–13, 1919. Petrogradskaja pravda. 1919. (In Russ.).
18. Report on the liquidation of the rebellion on July 16, 1919. Petrogradskaja pravda. 1919. (In Russ.).
19. Hromov S. S. (eds.) *Civil War and Military Intervention in the USSR: Encyclopedia*. Moscow : Soviet Encyclopedia. 1983. (In Russ.).
20. Donesenie Petrogradskogo sektora vojsk VOHR ot 17 oktjabrja 1919 g. RGVA. F. 42. Op. 1. D. 949. L. 20. (In Russ.).
21. Direktiva Shtaba vnutrennej oborony goroda Petrograda. CGAIPD SPb. F. 1. Op. 1. D. 901. L. 15–17. (In Russ.).
22. Prikaz Komiteta oborony Petrograda o formirovanii svodnogo otrjada milicii. CGA SPb. F. 13. Op. 1. D. 49. L. 1.; F. 100. Op. 3. D. 33. L. 135. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Г. Лысенков – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Статья поступила в редакцию 09.03.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

S. G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Candidate of Sciences (History), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation

The article was submitted 09.03.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ АКТОВ РОССИЙСКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ВОЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дмитрий Анатольевич Никонов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, nikson1967@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6232-1289

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных аспектов отечественного чрезвычайного военного законодательства – комплекса нормативных правовых актов, принимаемых, как правило, в мирное время и реализуемых с началом военных действий или в условиях реальной угрозы военной агрессии. В статье кратко анализируются понятие, основные признаки и виды правовых актов, составляющих чрезвычайное военное законодательство.

Ключевые слова: законодательство, чрезвычайное военное законодательство, акты органов военного управления

Для цитирования: Никонов Д. А. Понятие и виды актов российского чрезвычайного военного законодательства // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 11–15. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/002.pdf>.

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Original article

THE CONCEPT AND TYPES OF ACTS OF THE RUSSIAN EMERGENCY MILITARY LEGISLATION

Dmitry A. Nikonov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, nikson1967@yandex.ru, ORCID 0000-0001-6232-1289

Abstract. The article is devoted to the study of certain aspects of the national emergency military legislation – a set of normative legal acts adopted, as a rule, in peacetime and implemented with the beginning of hostilities or in conditions of a real threat of military aggression. The article briefly analyzes the concept, main features and types of legal acts that make up emergency military legislation.

Keywords: legislation, emergency military legislation, acts of military administration bodies

For citation: Nikonov D. A. The concept and types of acts of the Russian emergency military legislation // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 11–15. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/002.pdf>.

© Никонов Д.А., 2022

Введение

В Военной доктрине Российской Федерации¹ отмечается, что, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются. Поскольку войска национальной гвардии Российской Федерации (войска национальной гвардии) в соответствии с законом «Об обороне»² должны привлекаться к обороне, а одной из задач войск является участие в территориальной обороне государства, «военно-оборонная» составляющая, несомненно, выступает

одним из направлений их деятельности.

При этом в условиях постоянно обостряющейся военно-политической обстановки немаловажное значение имеет комплексный анализ научных подходов и практики подготовки так называемого чрезвычайного военного законодательства. Данный термин был введен автором в научный оборот в середине 2000-х гг. [1].

Основные положения

Чрезвычайное законодательство, составной частью которого является чрезвычайное военное законодательство, представляет собой совокупность нормативных правовых актов, принимаемых в стабильной фазе развития

¹ Российская газета. – 2014. – 30 декабря. – № 298.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23, ст. 2750.

общества, но начинающих в полном объеме регулировать общественные отношения, как правило, путем установления чрезвычайных (исключительных) правовых режимов, в ситуациях, угрожающих важнейшим интересам личности, общества и государства, в целях защиты конституционного строя и обеспечения безопасности граждан.

Акты чрезвычайного военного законодательства регулируют, в частности, следующие общественные отношения:

- отношения, складывающиеся в сфере перестройки деятельности военной организации государства на военный лад в целях организации вооруженной защиты страны, в том числе при объявлении военной мобилизации;
- отношения, связанные с деятельностью воинских формирований и органов военного управления в условиях введения режима военного положения;
- отношения, складывающиеся в сфере управления войсками в военное время, в том числе при ведении боевых действий;
- отношения, связанные с прохождением военной службы и статусом военнослужащих в военное время;
- отношения, связанные с поддержанием правопорядка в войсках, а также деятельностью органов военной юстиции в боевой обстановке;
- отношения, связанные с применением силы в международных и внутренних вооруженных конфликтах, а также защитой жертв войны и гражданских объектов.

Круг субъектов, на которые может воздействовать чрезвычайное военное законодательство, обусловлен, прежде всего, составом военной организации государства. В настоящее время она включает Вооруженные Силы Российской Федерации (ВС РФ), другие войска (в том числе войска национальной гвардии), воинские формирования и органы, участвующие в решении задач обеспечения военной безопасности страны.

Необходимо выделить следующие основные признаки чрезвычайного военного законодательства:

- его существование предопределено наличием угроз военной безопасности страны и объективной возможностью возникновения в процессе развития общества и государства экстремальных ситуаций военного характера, наиболее опасной из которых является агрессия;
- чрезвычайное военное законодательство является частью военного законодательства как системы правовых актов, в которых закреплены нормы права, регулирующие отношения в области строительства и деятельности ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов;
- чрезвычайное военное законодательство выступает одной из составляющих чрезвычайного законодательства;
- целью чрезвычайного военного законодательства является обеспечение защиты конституционного строя страны и безопасности граждан путем создания условий для отражения

или предотвращения агрессии, а также для ликвидации последствий вооруженного противоборства;

– чрезвычайное военное законодательство регулирует целый комплекс общественных отношений, складывающихся в сфере перестройки деятельности военной организации государства на военный лад, деятельности воинских формирований и органов военного управления при введении режима военного положения, управления войсками, ведении боевых действий и т. д.;

– круг субъектов, на которые воздействует чрезвычайное военное законодательство, обусловлен, прежде всего, составом военной организации государства;

– применение норм чрезвычайного военного законодательства приводит к перераспределению взаимных прав и обязанностей гражданина и государства, в том числе к расширению полномочий органов военного управления за счет ограничения правового статуса личности;

– чрезвычайное военное законодательство включает только императивные нормы, ибо иное может привести к потере управляемости войсками, а также к нарушениям законности и, следовательно, к ущемлению конституционных прав и свобод граждан;

– акты чрезвычайного военного законодательства, принимаемые в мирное время, вступают в силу с момента их опубликования и действуют бессрочно в связи с тем, что регулируют общественные отношения, которые могут возникнуть в будущем. При этом начало реализации соответствующих правовых актов связано с введением дополнительным правовым актом, принятым уполномоченным государственным органом (должностным лицом), военного положения, объявлением состояния войны (наступлением военного времени) или военной мобилизации.

Не вступая в полемику о содержании термина «законодательство» (в узком или широком смысле), отметим, что чрезвычайное военное законодательство – это многогранное явление, призванное регулировать отношения особого рода, связанные с возникновением в жизни общества и государства такой кризисной ситуации, как война. Данное законодательство функционирует как единая, причем довольно сложная система правовых актов. Используя широкую трактовку понятия «законодательство», под системой законодательства мы понимаем совокупность и законов, и иных нормативных правовых актов.

Структура системы актов чрезвычайного военного законодательства предполагает вертикальное и горизонтальное деление. Вертикальное деление системы основывается на принципе иерархичности, где критерием является юридическая сила нормативного правового акта. В свою очередь, юридическая сила нормативного акта (а именно она указывает на место акта в системе, его

значение, верховенство или подчиненность), зависит: а) от его формы (законы, подзаконные акты) и б) от уровня, на котором этот акт принят [2, с. 263].

Современное чрезвычайное военное законодательство может состоять только из актов, принятых на федеральном уровне. Для этого есть два конституционных основания (п. «к» и «м» ст. 71, ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Вертикальную структуру системы актов чрезвычайного военного законодательства в зависимости от их юридической силы можно выстроить следующим образом:

1. Законодательные акты федерального уровня.
2. Подзаконные нормативные правовые акты органов государственной власти Российской Федерации общего характера.
3. Акты органов военного управления.

Поскольку чрезвычайное военное законодательство прямо затрагивает фундаментальные права и свободы человека в его основе должен лежать только закон. Все подзаконные акты даже в условиях начала войны должны приниматься в строгом соответствии с законом. Конечно, в чрезвычайных обстоятельствах органы исполнительной власти могут наделяться особыми полномочиями, и доводы в пользу этого высказываются уже давно. Как писал ещё в начале XX века Я. М. Магзинер: «В ...исключительных обстоятельствах исполнительной власти должны быть предоставлены соответствующие им исключительные полномочия, и сфера исполнительной деятельности правительства должна быть раздвинута включением в эту сферу вопросов законодательного характера» [3, с. 8].

Но, по нашему мнению, эти полномочия ни в коей мере не могут распространяться на возможность устранения пробелов в законодательных актах или их изменения. Причем даже в условиях современной войны это отнюдь не утопия: Государственная Дума и Совет Федерации Российской Федерации продолжают действовать, не говоря уже про функционирование высших органов законодательной власти в другие особые периоды, имевшие место в истории нашего государства. Если требуется внести изменения в действующее законодательство, то это должен делать парламент, которому только и принадлежит такое право. Ссылки на фактор внезапности и особые условия здесь быть не может.

Верхнюю ступень законодательной иерархии актов чрезвычайного военного законодательства занимает Основной закон – Конституция. Предметом её регулирования являются наиболее важные отношения в обществе, в том числе и те, которые возникают в кризисных для него ситуациях. К сожалению, действующая Конституция Российской Федерации содержит совсем немного норм, регламентирующих вопросы обороны и безопасности государства, войны и мира, правомерности введения и порядка реализации чрезвычайных правовых режимов. Непосредственно же в состав

чрезвычайного военного законодательства, на наш взгляд, можно включить лишь две её статьи: ст. 87 и ч. 3 ст. 106. Ст. 87 Конституции Российской Федерации устанавливает основания для введения военного положения и что режим военного положения определяется федеральным конституционным законом; часть 3 ст. 106 говорит о том, что создание чрезвычайных судов не допускается.

На «ступень ниже» Конституции стоят в настоящее время федеральные конституционные законы, имеющие более высокую юридическую силу, чем федеральные законы. Ведущим актом чрезвычайного военного законодательства, несомненно, является Федеральный конституционный закон «О военном положении»³.

Подзаконные нормативные акты – одна из разновидностей правовых актов, издаваемых в соответствии с законом, на основе и во исполнение его, для конкретизации законодательных предписаний, их толкования, или установления первичных норм. Представляется, что в нормативном регулировании деятельности военной организации государства в чрезвычайных условиях определяющее место должен занимать закон. Но подзаконные акты также имеют большое значение в таком регулировании, они играют в нём не только вспомогательную и конкретизирующую роль. При этом ведущую роль среди подзаконных актов в вертикальной структуре чрезвычайного военного законодательства в настоящее время играют указы Президента Российской Федерации.

Немаловажная роль в сфере регулирования чрезвычайного военного законодательства также принадлежала и принадлежит актам органов военного управления (актам военного управления). Указанные акты обладают такими основными чертами как подзаконность⁴ и авторитарность. Однако, не все акты военного управления имеют нормативный характер. К нормативным относятся акты, содержащие правила поведения общего характера. Прочие акты военного управления признаются индивидуальными.

История военного права знает достаточно много различных видов актов военного управления. Как правило, нормативные правовые акты издаются в виде приказов, положений, уставов, инструкций, правил, наставлений и руководств, директив. При этом положения, уставы и иные нормативные акты (кроме директив) должны быть утверждены приказами.

Система нормативных правовых актов военного управления строится в соответствии с иерархией органов военного управления (центральные и подчиненные). Она же определяет юридическую силу каждого акта.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5, ст. 375.

⁴ Подзаконность здесь следует понимать в широком смысле – как соответствие этих актов не только закону, но и подзаконным актам других государственных органов и вышестоящих органов военного управления.

Правом на издание нормативных правовых актов подчиненные органы военного управления пользовались многие годы и активно его реализовывали. Например, приказами Главнокомандующего Сухопутными войсками ВС СССР вводились в действие различные боевые уставы⁵.

Вместе с тем, в настоящее время постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009, установлен запрет структурным подразделениям и территориальным органам федеральных органов власти издавать нормативные правовые акты. Однако, лишая подчиненные органы военного управления права на осуществление нормативного регулирования, на наш взгляд, было бы нелогично, поскольку нормативными актами федеральных органов не могут быть охвачены все стороны жизни и деятельности Вооруженных Сил, войск национальной гвардии, других войск и воинских формирований, в связи с чем снизилась бы оперативность правового реагирования органов военного управления, в том числе в условиях военного времени (военного положения).

Вместе с тем, в отношении нормативных актов подчиненных органов военного управления, должно существовать два ограничения. Во-первых, они могут иметь только внутриведомственный характер, т. е. не должны затрагивать права и свободы человека, носить межведомственный характер, устанавливать правовой статус организаций. Во-вторых, сфера действия таких нормативных актов не должна выходить за рамки компетенции соответствующих органов, а также они не должны противоречить актам, изданным руководителями федеральных органов исполнительной власти.

Среди актов военного управления, как уже отмечалось, необходимо выделить такую их разновидность как боевые уставы⁶. Они выступают важнейшим элементом системы чрезвычайного военного законодательства. Это – официальные руководящие документы, устанавливающие основы боевой деятельности войск (авиации, сил флота). Боевые уставы могут быть общевойсковыми и видов Вооруженных Сил. К боевым примыкают полевые уставы. Полевые уставы – это официальные документы Вооруженных Сил, определяющие основные положения и требования подготовки и ведения соединениями и частями общевойскового боя, передвижения и расположения на месте войск в различных условиях боевой обстановки, управления войсками, и служащие руководством при разработке боевых уставов и наставлений [4, с. 537].

В определении боевых уставов говорится, что

⁵ Например: Боевой устав артиллерии Советской Армии (дивизион, батарея, взвод, орудие): Введен в действие приказом Главнокомандующего Сухопутными войсками от 21.05.1959 г. № 28. М.: Воениздат, 1959.

⁶ Название «боевые уставы» утвердилось в Красной Армии в 1924 г. при рассмотрении Революционным Военным Советом СССР общего плана издания уставов и наставлений.

они являются официальными документами, т. е. по сути – нормативными актами. Боевые уставы утверждаются (вводятся в действие, объявляются), как правило, приказами руководителей центральных органов военного управления, но нередко были и случаи (особенно в послевоенный период), когда эти уставы вводились в действие приказами командующих (главнокомандующих) видов и родов войск Вооруженных Сил.

Боевые уставы обычно разрабатываются и вступают в силу в мирное время. В условиях отсутствия военных действий боевые уставы являются основой для боевой подготовки войск, а в случае начала вооруженного конфликта (с объявлением или без объявления войны) начинается непосредственная реализация содержащихся в них норм.

С боевыми уставами тесно соприкасаются различные наставления и руководства для ведения боевых действий и действий в условиях военного положения и других чрезвычайных обстоятельств, утвержденные соответствующими приказами федеральных органов исполнительной власти. В частности, к ним можно отнести приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) от 30.05.2019 «Об утверждении Временного наставления по применению войск национальной гвардии Российской Федерации при участии в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции». Кстати, это единственный документ в системе российского чрезвычайного военного законодательства, который издан Росгвардией в рамках своих полномочий.

Вывод

Таким образом, чрезвычайное военное законодательство содержит нормы многих отраслей законодательства: административного, конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, военного и др. Но оно не сложилось в комплексную отрасль законодательства как само военное законодательство, да и в предыдущие исторические периоды никогда не рассматривалось в качестве отдельной отрасли права.

По нашему мнению, к чрезвычайному военному законодательству наиболее применим такой термин, как «законодательный массив». Как указывает В.С. Нерсисянц, законодательные массивы выражают интегративные процессы в законодательстве и представляют собой комплексы нормативно-правовых актов, посвященные правовой регуляции определенной группы вопросов (проблем), возникающих в обществе [5, с. 445].

Завершая анализ понятия и видов правовых актов отечественного чрезвычайного военного законодательства, можно сформулировать следующее определение: «Система актов

чрезвычайного военного законодательства – это массив нормативных правовых актов, который регламентирует реально складывающиеся отношения в сфере деятельности военной организации государства в целях перестройки её на военный лад, организации вооруженной защиты страны и обеспечения победы в войне, вооруженном конфликте международного характера».

Поскольку в правовом регулировании деятельности ВС РФ, войск национальной гвардии, других воинских формирований и органов по обеспечению режима военного положения имеются существенные пробелы и противоречия с другими законодательными актами, можно высказать ряд предложений по его совершенствованию:

во-первых, ст. 9 Федерального конституционного закона «О военном положении» следует дополнить положением о том, что права военнослужащих ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, участвующих в обеспечении режима военного положения, определяются федеральным законодательством о войсках национальной гвардии;

во-вторых, гл. III закона «О военном положении» необходимо дополнить статьей, говорящей о том, что условия, порядок и пределы применения

военнослужащими физической силы, специальных средств, оружия, боевой и специальной техники при выполнении задач по обеспечению режима военного положения устанавливаются федеральным законодательством и общевоинскими уставами ВС РФ;

в-третьих, в закон «О военном положении» желательно включить норму о том, что меры социальной защиты военнослужащих, выполняющих (выполнявших) задачи по обеспечению режима военного положения, устанавливаются специальным законом, и, соответственно, разработать и утвердить такой закон.

Кроме того, учитывая значение боевых уставов для регламентации порядка ведения боевых действий ВС РФ (другими войсками) и управления ими в боевой обстановке (в условиях военного положения), а также необходимость соблюдения при этом принципов и норм международного гуманитарного права, установить, что боевые уставы, наставления и руководства (общевойсковые, родов и видов Вооруженных Сил, других войск) должны утверждаться исключительно приказами Министра обороны Российской Федерации и руководителей иных федеральных органов исполнительной власти, в том числе Росгвардии.

Список источников

1. Никонов Д. А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920–1941 гг.) : монография / под ред. Белозерова Б. П. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006. 180 с.
2. Теория государства и права: учебник / [Коллектив авторов]; под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 628 с.
3. Магазинер Я. М. Чрезвычайно-указное право в России (Ст. 87 Основ. зак.). СПб., 1911. 172 с.
4. Советская военная энциклопедия / пред. ред. комиссии А. А. Гречко. М. : Воениздат, 1976. Т. 1. 639 с.
5. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов и факультетов. М. : НОРМА, 2000. 552 с.

References

1. Nikonov D. A., Belozarov B. P. (eds.) *Soviet emergency military legislation (1920-1941): monograph*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskij voennyj institut vnutrennih vojsk MVD Rossii, 2006. (In Russ.).
2. Romashov Teoriya R. A. (eds.) *Theory of State and Law: textbook*. Saint-Petersburg: Juridicheskij centr Press, 2005. (In Russ.).
3. Magaziner Ya. M. *Extremely specified law in Russia (Art. 87 of the Basic Law)*. Saint-Petersburg, 1911. (In Russ.).
4. Grechko A. A. (eds.) *Soviet Military Encyclopedia*. Moscow: Voenizdat. 1976. Vol. 1. (In Russ.).
5. Nersesyan V. S. *General theory of law and state: textbook for law universities and faculties*. Moscow: NORMA, 2000. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Никонов – кандидат юридических наук

Статья поступила в редакцию 22.02.2022;
одобрена после рецензирования 11.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

D. A. Nikonov – Candidate of Sciences (Law)

The article was submitted 22.02.2022;
approved after reviewing 11.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ УБИЙСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Юлиана Айратовна Евстратова¹, Ирина Игоревна Лиханова²

¹ Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

¹ yuliana130682@mail.ru

² irene05@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общая характеристика убийства, основные методы предупреждения насильственной преступности, а также технологические основы и возможности применения систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности. Описаны методы и сущность искусственного интеллекта. Авторы считают, что низкая эффективность профилактики преступного поведения в значительной мере обусловлена игнорированием необходимости количественного анализа текущего состояния преступности. В настоящее время назрела, реальная необходимость модернизировать криминологические исследования, необходимо разрабатывать и внедрять математической модели для принятия профилактических уголовно-политических решений. При написании статьи были использованы общенаучные методы познания, а также специальные: статистический, системно-структурный, сравнительно-правовой.

Ключевые слова: преступность, убийство, прогнозирование и предупреждение убийств, искусственный интеллект, информационное взаимодействие, виды и свойства информации, информационный ресурс, искусственные нейронные сети, цифровая криминология

Для цитирования: Евстратова Ю. А., Лиханова И. И. Правовое значение прогнозирования и предупреждения убийств с использованием современных технологий // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 16–21. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/003.pdf>.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE LEGAL SIGNIFICANCE OF FORECASTING AND PREVENTING MURDERS USING MODERN TECHNOLOGIES

Juliana Aj. Evstratova¹, Irina I. Lihanova²

¹ Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

² Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russia

¹ yuliana130682@mail.ru

² irene05@yandex.ru

Abstract. The article discusses the general characteristics of murder, the main methods of preventing violent crime, as well as the technological foundations and possibilities of using artificial intelligence systems in law enforcement. The methods and essence of artificial intelligence are described. The authors believe that the low effectiveness of the prevention of criminal behavior is largely due to ignoring the need for quantitative analysis of the current state of crime. Currently, there is a real need to modernize criminological research, it is necessary to develop and implement mathematical models for making preventive criminal and political decisions. When writing the article, general scientific methods of cognition were used, as well as special ones: statistical, system-structural, comparative-legal.

Keywords: crime, murder, prediction and prevention of murders, artificial intelligence, information interaction, types and properties of information, information resource, artificial neural networks, digital criminology

For citation: Evstratova J. Aj., Lihanova I. I. The legal significance of forecasting and preventing murders using modern technologies // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1 (18): 16–21. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/003.pdf>.

© Евстратова Ю.А., Лиханова И.И., 2022

Введение

Убийство – это один из самых опасных видов преступности, поэтому является предметом изучения многих наук и ученых, исследующим преступления, которые именуются насильственными.

Согласно статистике МВД России доля преступлений против личности за 2021 год составила примерно 12 %, при этом стоит отметить, что в течение последних нескольких лет наблюдается положительная тенденция по снижению количества таких преступлений, несмотря на общий рост преступности. Так, анализ статистических сведений о состоянии преступности за 2021 год свидетельствует о сокращении количества общественно опасных деяний против личности на 5,5 %. Из общего числа преступлений против личности убийство и покушение на убийство составляют лишь около 3 % [1].

Из вышеуказанной статистики следует, что в 2021 году зарегистрировано на 5,7 % меньше убийств и покушений на убийство, чем за предшествующий год. Так, согласно данным статистики, опубликованным на официальном сайте Генеральной Прокуратуры Российской Федерации (Генпрокуратура России), в 2021 году было зарегистрировано 6 802 убийства и покушений на него. Например, в 2010 году этот показатель был 15 563, т. е. в 2 раза выше, что еще раз подтверждает постоянное уменьшение в Российской Федерации количества таких преступлений, как убийство.

Несмотря на то, что убийства имеют не самую высокую долю из общего числа преступлений, в общественном сознании именно этот вид преступлений в первую очередь ассоциируется с преступностью в целом. Это можно объяснить тем, что убийство относится к числу особо тяжких преступлений, оно представляет высокую общественную опасность, т. к. влечет наступление смерти человека, и поэтому конкретные случаи всегда придаются огласке.

В России наблюдаются региональные различия в уровнях преступности: показатели убийств заметно растут с Дальневосточного региона Российской Федерации в направлении к Центральной России. При этом лидирующими субъектами Российской Федерации, по количеству зарегистрированных убийств и покушений на него, признаются: Свердловская область, Московская область, Республика Татарстан и Иркутская область.

Согласно статистическим данным Генпрокуратура России Российская Федерация занимает пятое место в мире по числу преднамеренных убийств. Опережает ее только Мексика, США, Бразилия и Китай. При этом по количеству убийств на 100 000 человек населения Российской Федерации занимает четвертое место. В методологии исследования ООН, которая анализирует, систематизирует и публикует эти данные на международном уровне, понятие «преднамеренное убийство» определяется как преднамеренное противозаконное причинение смерти другому лицу [2].

Основные положения

Убийства, как и другие тяжкие и особо тяжкие преступления, направленные против личности, в криминологической теории традиционно относятся к категории преступлений с невысоким показателем латентности.

Так, по мнению профессора В. В. Лунева, такое преступление, как убийство, перестало быть преступлением с минимальной латентностью. Принимая во внимание, что в России его учет осуществляется по фактам, а не по жертвам, более трети или даже половина из умышленных причинений тяжкого вреда здоровью влечет смерть потерпевшего, но не квалифицируется по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ), коэффициент латентности реальных убийств, по мнению автора, превышает данные официальной статистики в 4–5 раз [3, с. 409].

Также об увеличении латентности убийств свидетельствует то количество находящихся в производстве материалов уголовных дел с неопознанными трупами и количества лиц, пропавших без вести. Так, за последние пять лет около 18,5 тыс. трупов остались неопознанными.

Среди выделяемых категорий убийств в настоящее время наиболее опасными и распространенными являются семейно-бытовые убийства, рецидивные и убийства, совершаемые несовершеннолетними.

Не утешающим является и то, что большое число рецидивных убийств совершается в период отбывания наказания осужденными в местах лишения свободы. И хоть в последние годы благодаря совершенствованию законодательства и повышению уровня взаимодействия государства с исправительными учреждениями наблюдается снижение количества таких убийств, их доля остается весьма весомой.

Предупреждение убийств. Профилактика убийств является важнейшим направлением деятельности по обеспечению безопасности жизни граждан. Она обеспечивается тесным взаимодействием всех ее субъектов.

В первую очередь, важно полное и достоверное информирование социума о реальной обстановке дел с криминальными видами смерти, т. е. предоставление правдивых статистических данных об уровне такого вида преступности, способах насильственного лишения человека жизни и так далее.

Профилактические меры должны включать комплекс мер по повышению доверия общества к правоохранительным органам, меры по приближению законодательства к существующим реалиям, направленным на увеличение раскрываемости убийств, а также немаловажное значение имеет комплекс мер по защите участников уголовного правосудия от преступных посягательств.

Объектом предупреждения убийств должны являться причины и условия этих деяний, в том

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

числе лица, склонные к их совершению.

Комплексный подход государственными и общественными организациями в реализации предупреждения убийств позволит значительно снизить число совершаемых посягательств на жизнь человека, и более того, снизить уровень преступности в целом.

Специально-криминологические меры предупреждения убийства. Специальный криминологический уровень предупреждения преступности характеризуется совокупностью мер, специально направленных на устранение причин преступности или конкретных преступных проявлений [4, с. 55]. Такой же позиции ранее придерживалась Е. А. Горбунова, которая под специально-криминологическими мерами предупреждения преступлений понимает деятельность субъектов предупреждения преступлений, специально направленных на устранение конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений [5, с. 209].

Специальное криминологическое предупреждение можно рассматривать как комплекс мер, направленных на устранение негативных факторов, формирующих у человека склонность к совершению преступления. Оно требует специальных криминологических познаний о преступности в целом, об отдельных ее видах и категориях, причинах и условиях, порождающих преступное поведение, о характеристиках личности преступника и т. д.

Объектом специально-криминологического предупреждения убийств являются непосредственно лица, которые совершили убийства, а также потенциальные жертвы преступлений.

Важным направлением предотвращения убийств специального криминогенного уровня является деятельность государственных органов, направленная на охрану и поддержание общественного порядка.

Особое место в системе мер, предназначенных для снижения уровня преступности и предотвращения преступного поведения людей, занимают меры технического характера. Их вариативность сейчас весьма обширна.

Предупредительная деятельность против насильственных преступлений в общем, и убийств в частности, должна осуществляться в нескольких направлениях, должна быть система, соответствующая основным принципам государства.

Нельзя сказать, что такая система отсутствует. Разработано множество схем и методов. С. Н. Абельцев в своей работе 2000 года писал: «Интерес к предупреждению убийств усиливает стремление науки и практики к разработке соответствующих средств и методов. Наука рекомендует практике соответствующие методики, определяет принципы организации работы. Практика принимает все это для внедрения» [6, с. 187].

И современная жизнь заставляет нас думать о

новых способах предупреждения убийств. Одним из таких способов является использование искусственного интеллекта в предупредительной деятельности правоохранительных органов [7; 8].

В октябре 2019 года Президент России Владимир Владимирович Путин утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года². В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта указаны приоритетные научные задачи – обеспечение ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведение научных исследований в области искусственного интеллекта, повышение доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области [9].

Приоритетные направления развития и использования технологий искусственного интеллекта определяются в России с учетом национальных целей и стратегических задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»³ [10]. Вышеуказанные нормативно-правовые акты подчеркивают колоссальную государственную и общественную важность данных разработок в современной России и в мире в целом [11].

Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [11].

Одной из основных целей изучения искусственного интеллекта в цифровой криминологии является обеспечение безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Применение искусственного интеллекта в профилактике убийств позволяет эффективно и оперативно решать поставленные задачи, например:

1. Прогнозирование увеличения или уменьшения числа возможных убийств в пределах конкретного населенного пункта, на основе систем видеонаблюдения, прогнозирование можно разработать на базе «Аппаратно-программного комплекса "Безопасный город"» (АПК «Безопасный город»). Так, в Санкт-Петербурге действует система АПК «Безопасный город». Элементами АПК «Безопасного города» в Санкт-Петербурге являются городская система видеонаблюдения,

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20, ст. 2817.

система экстренных вызовов «112», центр обработки вызовов «004», комплексная система обеспечения мониторинга безопасности социальных объектов и ряд других систем. Основной интеграционной платформой, объединяющей системы АПК «Безопасный город», является автоматизированная система «Прогнозирование, поддержка принятия управленческих решений» (ПППУР). ПППУР обеспечивает контроль органами повседневного управления и правоохранительными органами состояния жизнедеятельности города. Оперативная информация о происшествиях и чрезвычайных ситуациях, которая агрегируется в системе, служит основой для выработки оптимальных управленческих решений. В перспективе использование АПК «Безопасный город» приведёт к снижению количества различного рода происшествий в городе, повышению раскрываемости преступлений и общего уровня общественной безопасности [12].

2. Использование искусственного интеллекта при цифровом профилировании преступного поведения.

3. Выявление болезненного психического состояния лица (расстройства) в местах общественного пользования, например школы при профилактике склуштинга. Склуштинг – убийство в школе двух и более лиц, совершенное лицом, как правило, имеющим или имевшим правовую связь с образовательной организацией, сопряженное с опасностью для неопределенного количества лиц, характеризующееся единым преступным намерением. [13, с. 586].

4. Моделирование и прогнозирование исходной базы серийных убийц (формирование криминологического профиля) с использованием системы поддержки принятия решений.

В настоящее время назрела необходимость применения искусственных нейронных сетей при профилактике убийств. Работа искусственной нейронной сети во многом схожа с обучением человека, мозг которого, по сути, представляет естественную нейронную сеть.

Использование «обученных» искусственных нейронных сетей в криминологических исследованиях, на наш взгляд является своевременной необходимостью. Искусственные нейросети современного поколения могут реализовывать следующие, типы операций: распознавание, предсказание, классификация.

Распознавание – определение необходимых признаков в исследуемых данных, к примеру, идентификация внешности человека по анатомическим и функциональным признакам. Распознавание криминального поведения в общественном месте, и идентификация лица

нарушающего общественный порядок является основным видом мыслительной деятельности при участии сотрудников правоохранительных органов в охране общественного порядка. Использование «обученных» нейронных сетей позволит автоматически выявлять признаки девиантного поведения и систематических нарушений общественного порядка, за которые виновные лица понесут пока административное наказание, и будет реализовано предупреждение преступного поведения.

Следующий тип операции нейронных сетей – это предсказание [11]. Операция предсказание позволяет искусственному интеллекту вырабатывать наиболее эффективную стратегию для сотрудников правоохранительных органов по профилактике криминального поведения. Например, в рамках профилактики преступности предлагаем внедрить консультации с чат-ботом, который в дальнейшем будет прогнозировать возможное криминальное поведение. Думается, применение чат-ботов для общения с гражданами находящимися в опасной психотравмирующей ситуации, которая впоследствии может привести к суицидальному поведению или преступному, по отношению к иным лицам, будет серьезной профилактической мерой. Чат-бот это виртуальный собеседник, программа-собеседник, – программа, которая выясняет потребности пользователей, а затем помогает удовлетворить их. Чат-бот будет вести коммуникацию от лица психолога, с целью определить причины и условия сложной психологической ситуации, и предложит позитивные пути решения сложившейся ситуации, реализовав профилактику криминального поведения.

Вывод

Анализируя вышеизложенное, считаем, что использование искусственного интеллекта позволит более эффективно прогнозировать и предупреждать убийства на территории Российской Федерации. Для внедрения технологий искусственного интеллекта в рамках эффективного прогнозирования и предупреждения убийств необходимо: разработать современную систему нормативно-правовых актов, регламентирующую использование искусственного интеллекта в рамках правоохранительной деятельности; инициировать научные дискуссии по этическим вопросам внедрения искусственного интеллекта в профилактическую деятельность правоохранительных органов; целесообразно изучить и применить опыт Китая по использованию искусственного интеллекта в профилактике девиантного поведения.

Список источников

1. Статистика МВД России. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/> (дата обращения: 17.01.2022).
3. Лунеев В. В. Криминология : учебник. М. : Юрайт, 2014. 686 с.
4. Чуфаровский Ю. В. Криминология в вопросах и ответах : учебное пособие. М. : Проспект, 2021. 143 с.
5. Горбунова Е. А. Специально-криминологические меры предупреждения преступлений, посягающих на кредитные отношения // Проблемы в Российском законодательстве. 2011. № 6. С. 209–211.
6. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия = Personality of a Delinquent and Problems of Criminal Violence. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 206 с.
7. Максимов С. В. Цифровая криминология как инструмент борьбы с организованной преступностью / С. В. Максимов, Ю. Г. Васин, К. А. Утаров // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 476–484. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).476-484.
8. Smith G. J. D. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach / G. J. D. Smith, L. B. Moses, J. Chan // British Journal of Criminology. 2017. Vol. 57, iss. 2. P. 259–274.
9. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru//document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 1.01.2022).
10. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/ /cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=335184&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8465871413771306#0732290413048083/> (дата обращения: 1.01.2022).
11. Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В. Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности // Всероссийский криминологический журнал. 2020 Т. 14. № 2. С. 206–214.
12. Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Городской мониторинговый центр» [Сайт]. URL: <http://spb112.ru/catalogue/1/> (дата обращения: 01.01.2022).
13. Волчецкая Т. С. Криминологическая характеристика и профилактика склуштинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах / Т. С. Волчецкая, М. В. Авакьян, Е. В. Осипова // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 5. С. 578–591. DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591.

References

1. Statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Available from: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> [Accessed 17th January 2022].
2. Humanitarian portal. Available from: <https://gtmarket.ru/> [Accessed 17th January 2022].
3. Luneev V. V. *Criminology: textbook*. Moscow: Jurajt; 2014. (In Russ.).
4. Chufarovskij Ju. V. *Criminology in questions and answers: textbook*. Moscow: Prospekt; 2021. (In Russ.).
5. Gorbunova E. A. Special criminological measures to prevent crimes infringing on credit relations. In: *Problems in the Russian legislation*. 2011;6: 209–211. (In Russ.).
6. Abel'cev S. N. *Personality of a Delinquent and Problems of Criminal Violence*. Moscow: JuNITI-DANA; 2000. (In Russ.).
7. Maksimov S. V., Vasin Ju. G., Utarov K. A. Digital criminology as a tool to combat organized crime. In: *All-Russian Criminological Journal*. 2018;12;4: 476–484. Available from: doi: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).476-484. (In Russ.).
8. Smith G. J. D., Moses L. B., Chan J. The challenges of doing criminology in the big data era: towards a digital and data-driven approach In: *British Journal of Criminology*. 2017;57;2: 259–274.
9. Reference and legal system "ConsultantPlus". *On the development of artificial intelligence in the Russian Federation (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period up to 2030)*. Available from: http://www.consultant.ru//document/cons_doc_LAW_335184/ [Accessed 1st January 2022]. (In Russ.).
10. Reference and legal system "ConsultantPlus". *On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024*. Available from: <http://www.consultant.ru/ /cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=335184&fld=134&dst=100017,0&rnd=0.8465871413771306#0732290413048083/> [Accessed 1st January 2022]. (In Russ.).
11. Stepanenko D. A., Bahteev D. V. Evstratova Ju. A. The use of artificial intelligence systems in law enforcement. In: *All-Russian Criminological Journal*. 2020;14;2: 206–214. (In Russ.).
12. St. Petersburg State Institution "City Monitoring Center". Available from: <http://spb112.ru/catalogue/1/>. (дата обращения [Accessed 17th January 2022]).

13. Volcheckaja T. S. , Avak'jan M. V. , Osipova E. V. Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries. In: *All-Russian Criminological Journal*. 2021;15;5: 578–591. Available from: doi: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591. (In Russ.).

Информация об авторах

Ю. А. Евстратова – кандидат юридических наук, доцент

И. И. Лиханова – кандидат юридических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 16.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикаций. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

Ju. Aj. Evstratova – Candidate of Sciences (Law), Docent

I. I. Lihanova – Candidate of Sciences (Law), Docent

The article was submitted 16.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИЗУЧЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ МАССОВОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ ПОДРОСТКАМИ, НА ПРИМЕРЕ «СКУЛШУТИНГА» И ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫДЕЛЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА

Павел Андреевич Спиваков

Войсковая часть 6943 войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия,
ostrovludnikova@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является раскрытие сути нетипичных ранее, но вошедших в сегодняшний перечень наиболее опасных и резонансных преступных проявлений, таких как явление массовых убийств (или покушений на их совершения), объединенных под общими наименованиями «скулшутинг» («колумбайн»). Выявление причин популярности и высокой привлекательности явления, краткая оценка субъекта и субъективной стороны преступления. Оценка потенциальной общественной опасности, как угрозы национальной безопасности. Изучение принадлежности к группам преступлений террористической, экстремистской направленности или иным группам преступлений. Вероятное выделение особенного квалифицирующего признака, присущего данным преступлениям. Подготовка предложений по принятию необходимых мер правового характера, направленных на исключение такого рода проявлений и их профилактику.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, «скулшутинг», «колумбайн», убийство, ненависть, мизантропия, превосходство

Для цитирования: Спиваков П. А. Изучение насильственных преступлений массового характера, совершаемых подростками, на примере «скулшутинга» и возможность выделения самостоятельного квалифицирующего признака // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 22–28. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/004.pdf>.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

THE STUDY OF VIOLENT CRIMES OF A MASS NATURE COMMITTED BY TEENAGERS ON THE EXAMPLE OF “SCHOOL SHOOTING” AND THE POSSIBILITY OF HIGHLIGHTING A QUALIFYING FEATURE

Pavel A. Spivakov

Military unit 6943 of the National Guard Troops of the Russian Federation, Moscow, Russia,
spivakovpa@rosgvard.ru

Abstract. The purpose of the article is to reveal the essence of the previously atypical, but included in today's list of the most dangerous and resonant crimes, such as the phenomenon of mass murders (or attempts to commit them), qualified under the general names “schoolshooting” (“Columbine”). Identification of the reasons for the popularity and high attractiveness of the phenomenon, a brief assessment of the subject and the subjective side of the crime. Assessment of potential public danger as a threat to national security. Study of belonging to terrorist, extremist or other groups of crimes. The probable allocation of a special qualifying feature inherent in these crimes. Preparation of proposals for the adoption of the necessary legal measures aimed to avoid and prevent crimes of this kind.

Keywords: terrorism, extremism, “school shooting”, “columbine”, murder, hatred, misanthropy, superiority

For citation: Spivakov P. A. The study of violent crimes of a mass nature committed by teenagers on the example of “school shooting” and the possibility of highlighting a qualifying feature // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 22–28. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/004.pdf>.

© Спиваков П.А., 2022

Введение

Феномен массовых насильственных преступлений против личности, среди которых имеют место доведения до самоубийств с использованием сети Интернет, массовые убийства, именуемые как «скулшутинг» («колумбайн»)¹, иные тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, совершаемые подростками в отношении нескольких лиц для России не является новым. В частности, группы преступлений, объединенные наименованием «скулшутинг», не до конца соответствуют своему семантическому значению. Изучая статистику информационной активности СМИ вокруг данного деструктивного явления, можно сказать, что с 2016 года по сегодняшний день это реальная, активно развивающаяся угроза общественной безопасности, а также вызов обществу и российскому правоохранительному блоку, которые стали реальными ввиду неспособности ряда социальных институтов обеспечить качественное психическое развитие и воспитание молодежи. Данный феномен несет угрозу совершения неожиданных преступлений, способных повлечь за собой страшные резонансные последствия, сопоставимые для общества с последствиями актов терроризма.

Основные положения

Само понятие «скулшутинг» дословно с английского переводится как «школьная стрельба». Его сопутствующее наименование – «колумбайн» также не связано с фактическим составом преступления, оно образовано от исторического популяризированного события массового убийства в школе «колумбайн» США, имевшего место в 1999 году. Рассматриваемое событие также не являлось на момент его совершения ни новым, ни исключительно жестоким. Эти формулировки и определяют границы воспринимаемого преступления.

Российские исследователи стараются объяснить указанное явление как субкультуру, возникшую в результате формирования культа (фэндома) поклонников, так называемых колумбайнеров, и психологического воздействия пропаганды насилия в рамках образованных групп. Иными словами, речь идет об идеологически мотивированной субкультуре, движении, деструктивном общественном объединении.

В качестве примера, в учебнике «Основы деструктологии» разъясняется, что: «Распространение радикальных идей такого субкультурного течения, как колумбайн (скулшутинг), является одной из крайних форм проявления деструктивного поведения. Адептами данного течения в России и по всему миру в целом совершено большое количество резонансных преступлений» [1].

Иные исследователи определяют обязательные условия, характеризующие «скулшутинг» как самостоятельную группу преступлений.

Среди них можно отметить:

– совершение преступлений в организациях

системы образования;

– отсутствие требований к личности преступника (вне зависимости от пола, возраста, социальных характеристик, в том числе принадлежности к конкретной образовательной организации);

– направленность умысла преступника на причинение вреда жизни и (или) здоровью неограниченного круга лиц;

– применение в качестве способа совершения преступлений стрелкового оружия и (или) взрывных устройств [2].

Схожая, но более объективно сопоставимая характеристика:

– преступник или преступники имели отношение к школе (учились в ней);

– убийства или ранения были умышленными, но без корыстных мотивов;

– нападения планировались и организовывались заранее;

– как правило, это были публичные и даже демонстративные акты, направленные на убийство неопределенного круга лиц. В большинстве случаев к этому перечню добавляется использование огнестрельного оружия [3].

Данные доводы требуют детального рассмотрения.

В реальности Российской Федерации «скулшутинг» («колумбайн») – это не преступление, совершаемое исключительно с применением огнестрельного или иного стрелкового оружия. В связи с более жесткими ограничительными мерами, связанными с оборотом оружия в России, в качестве орудия преступления субъектами используются также и самодельные взрывные устройства, зажигательные смеси, холодное оружие и хозяйственные орудия (топоры, ножи).

Формирование явления ознаменовалось фактом совершения массового убийства в школе «Колумбайн» (англ. *Columbine High School massacre* – спланированное нападение Эрика Харриса и Дилана Клиболда, двух учеников старших классов школы «Колумбайн», расположенной в одноименной невключенной общине округа Джефферсон, штат Колорадо, на остальных учеников и персонал этой школы, совершенное 20 апреля 1999 года с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств. Нападавшие убили 13 человек (12 учеников и одного учителя), ранили ещё 23 человека, после чего нападавшие застрелились сами [4].

Вместе с тем, данное событие не являлось ни первым, ни условно «лидирующим» преступлением такого формата. Более того, в момент его совершения и после таковым не считалось.

За первые 40 лет XX века в школах США произошло 53 инцидента с использованием огнестрельного оружия, которые стоили жизни 40 людям.

Самое тяжелое за всю историю США массовое убийство в школе, произошедшее 18 мая 1927 года в городе Бат, штат Мичиган, США. Погибли 44 человека, пострадали, по крайней мере, 58 человек.

Также 1 августа 1966 года Чарльз Джозеф Уитмен отправился в Техасский университет и начал вести стрельбу по людям со смотровой

¹ Признано Верховным судом Российской Федерации запрещенной в России террористической организацией.

площадки башни. Чарльз успел убить 11 человек и ранить 31, прежде чем он был застрелен полицией. Кроме того, он застрелил несколько человек во время подъема на башню. В общей сложности, в тот день было убито 16 человек.

Однако данные два преступления были совершены взрослыми людьми, не являвшимися учащимися этих учебных заведений, но имевшими к этим учреждениям прямое отношение.

Событие в школе «Колумбайн» приобрело широкий общественный резонанс впоследствии, в связи широкой освещенностью в информационной сфере Соединенных Штатов и далее постепенно, с развитием международных массовых медиа и информационно-телекоммуникационной сети Интернет (видеовидеохостингов, социальных сетей, интернет-блогосферы и ее других ее продуктов).

Реальное зарождение данного феномена связано в первую очередь с тем, что самые популярные СМИ США, а именно CNN и FoxNews, придали ему массовое осуждение и гласность. Фотографии виновных появлялись на разворотах крупнейших газет и журналов, а в материалах раскрывалась информация о предпосылках и мотивах преступления.

Позже, в 2002 году, с целью донести проблему в художественном формате, а вернее заработать внушительные гонорары, по мотивам событий, был снят фильм «Слон», о переживаниях, причинах и сомнениях преступников. Параллельно с этим были написаны художественные книги, такие как «Колумбайн» Дейва Каллена, «Счастливые девочки не умирают» Джессики Кнолл и другие.

С романтизацией личностей преступников, стихийно сформировался и сам феномен «колумбайна», впоследствии приобретший статус имени нарицательного, предоставивший молодежи возможность примерить на себя подобный образ жизни и психотип героев.

Количество преступлений начало расти: 16 апреля 2007 года в г. Блэксберг, выпускник вуза Чо Сын Хи убил 32 человек и ранил ещё 25, после чего совершил самоубийство; 14 декабря 2012 года в г. Коннектикут Адам Питер Лэнза застрелил дома свою мать, затем приехал в начальную школу Sandy Hook, в которой ранее учился, открыл стрельбу по педагогам и ученикам, убил 26 человек, после чего совершил самоубийство; 14 февраля 2018 года в г. Паркленде бывший ученик Николас Круз в школе *Marjory Stoneman Douglas*, в которой он ранее учился, открыл огонь по учителям и учащимся, убил 17 человек и ранил 15, задержан полицией и ряд аналогичных событий.

Информация об инцидентах распространилась за пределы США, таким образом, новости о феномене появились в Канаде, Финляндии, Азербайджане, а затем и в России. События «скулшутинга» последовали за ней.

В России отправной точкой феномена, согласно средствам массовой информации, принято считать события 17 октября 2018 года, когда студент Керченского политехнического колледжа Вла-

дислав Росляков убил 21 человек и ранил 67 человек. В ходе следствия выяснилось, что на протяжении нескольких лет до события Росляков уже размышлял о совершении такого рода преступления, долго и тщательно к нему готовился.

Данное событие также очень активно начало обсуждаться в СМИ, поминутно, подробно описываться, сопровождаться графическими и видеоматериалами. В результате изучения информационных материалов установлено, что СМИ активно искали причины оправдывающие его действия и как результат Росляков приобрел образ жертвы: отец страдает алкоголизмом, мать состоит в тоталитарной секте, кроме того имели место насилие в семье, депрессивные условия проживания, издевательства со стороны сверстников [5].

Таким образом, был сформирован образ очередного культового персонажа, оправдано избавляющего себя от собственных тяжелых условий существования – «Керченский стрелок».

При этом стоит отметить, что это событие также не являлось первым или наиболее резонансным, оно просто стало одним из самых обсуждаемых.

Одним из первых было происшествие от 8 марта 1997 года в Камышинском высшем военном командно-инженерном строительном училище. Курсант училища С. Лепнев убил 6 курсантов и ранил 2 курсантов. Далее последовали события 2014 года в Москве, 2017 года – в Ивантеевке, 2018 года – в Перми, Улан-Удэ и Новосибирске, 2019 года – в Благовещенске, 2021 года – в Казани, Перми и Серпухове.

Кроме того, ряд преступлений, не преданных массовой огласке в информационной сфере, в первую очередь в СМИ, ряд предотвращенных преступлений рассматриваемой категории, а равно преступлений, схожих по обстоятельствам формирования преступных замыслов, но отличающихся местами и способами их совершения (2016 год – расстрел сотрудников полиции и родственников так называемыми «Псковскими Бони и Клайд», 2019 год – расстрел сослуживцев в в/ч 54160, 2019 год – подготовка массового убийства в Челябинске возле ТРЦ (Д. Куценко) и многие другие события) указывают и на необходимость более развернутого подхода к изучению рассматриваемого феномена и возможному пересмотру его вероятной квалификации.

Следует обратить внимание на признаки, объединяющие субъекты преступлений (сформировать общий портрет преступника):

Пол – мужской.

Возраст – 16–21 год, пубертатный период (подростковый кризис), обособленный высоким уровнем конфликтности, как внутренней, так и внешней, непреодолимая жажда самостоятельности, внимания и признания, очень высокая степень чувствительности к критике и социальному наказанию (насмешкам и остракизму), возмездие, преобладание абстрактного мышления. Формирование психического здоровья и установок взрослого человека.

Роль в обществе (в кругу сверстников) – низкий

социальный статус, подвергается критике, насмешкам, зачастую остракизму.

Активность в семье – низкая, предоставлен саморазвитию.

Психические нарушения – отсутствуют (на учете в психоневрологическом диспансере не состояли).

Уровень интеллектуальных способностей – средний.

Коммуникации со взрослыми – недоверие, избегает контактов.

В этой связи подростки, имеющие рассматриваемые признаки имеют склонность к кризису идентичности, с выводами об ошибочности всего прежнего образа жизни, накоплением внутренней агрессии и поиску способа привлечь внимание. Если подросток углубляется в кризис, то он проходит определенные ступени психической деформации, в рассматриваемом сценарии деградации (процесс обратимый при своевременной реабилитации и помощи в адаптации).

Этапы формирования субъективной стороны рассматриваемых преступлений и мотива преступника.

1. Осечки в механизмах социального взаимодействия – депрессия, мыслительные блокады, заикливость. В связи с отсутствием фактической возможности продемонстрировать силу развиваются и укрепляются в сознании «Насильственные фантазии», в рамках которых, изучаемая во вредоносных источниках информация приобретает формы планов действий.

2. Тревожность – это психологическая особенность человека, которая обусловлена беспокойством или предчувствием чего-то плохого. В указанном случае субъект, не решаясь раскрыться, из-за страха и недоверия, старается привлечь к себе внимание, для получения поддержки и помощи, начинает говорить о своих идеях вслух и «оставлять следы». Он сомневается. Это переломная стадия, которую упускают окружающие, в результате чего наступает необратимый процесс вовлеченности.

3. Подготовка – в связи с отсутствием отклика на жесты привлечения внимания, субъект находит обоснование необходимости принятия мер, наказания обидчиков, желания продемонстрировать затаившуюся мощь, изучает тонкости, приемлемые для себя способы решения сложившейся проблемы, тщательно готовится, прорабатывает сценарий. На указанном этапе, в объеме полученной негативной информации, преобладают чувства ненависти, ложной справедливости подготавливаемого преступления, формируется идеи индивидуального превосходства и мизантропии (ненависти к людям).

4. Опустошенность – точка невозврата, решительные действия. Исчезают все ценности, культурно-нравственные установки и чувства, остается только проблема и сценарий ее разрешения, состояние схожее с кумулятивным аффектом (аффект, вызванный длительной психотравмирующей ситуацией, связанной с поведением потерпевшего).

Мотивы: ложно справедливое наказание обид-

чиков, приобретение славы путем демонстрации решительности, силы (мощи), индивидуального превосходства, безразличия к жертвам ввиду устойчивой приверженности к идее мизантропии.

Важно ответить, что рост активности преступников формируется информационной повесткой, вызывающий социальный феномен «Моральной паники», массовым тиражированием информации об опасности и побуждающей интерес потенциального преступника к изучению оглашаемых явлений, мотивов совершенных поступков, оправданиях, что влечет так называемую романтизацию субъекта – примера, и что важно, способов совершения данных преступлений.

Очевидно, что преступники действуют исходя из принципа социального доказательства (информационное социальное влияние) – люди, для того чтобы решить, чему верить и как действовать в данной ситуации, ориентируются на то, чему верят и что делают в аналогичной ситуации другие люди. Склонность к подражанию обнаружена как у детей, так и у взрослых. Эта склонность проявляется при совершении самых разных действий, таких как принятие решения что-либо купить, пожертвование денег на благотворительные нужды и даже освобождение от фобий. Принцип социального доказательства может быть применен с целью побудить человека подчиниться тому или иному требованию; при этом данному человеку сообщают, что многие люди (чем больше, тем лучше) соглашаются или согласились с этим требованием [6].

Далее принцип социального доказательства влияет на принятие субъектом преступления решения, обусловленного «синдромом Вертера» (подражания), определяющего поведенческую модель решения проблем, спланированного демонстративного сопротивления и наказания обидчиков.

Таким образом, детерминантой формирования преступной установки в данном случае является доступ к неограниченному объему негативной, деструктивной (в том числе ложной и законодательно запрещенной информации). Подростки ищут примеры ситуаций, схожих со своими и СМИ подсказывают вектор поиска. Далее подключается пропаганда и агитация жестокости, культы насилия и разврата, обретения «хайповой» популярности любым способом и иные версии разрешения сложных ситуаций, в роли которых выступают предложения «колумбайнеров», тоталитарных сект, радикальных экстремистских и террористических идеологий, способов совершения самоубийств и многое другое.

Таким образом, феномен «скулшутинга» нельзя отнести к самостоятельному движению (отсутствует цель разрешения конкретной общественно-значимой или политической проблемы), общественному объединению (нет признаков иерархии, конкретной общей цели) или субкультуре (нет демонстративного внешнего стиля, нонконформизма, собственного набора моральных ценностей и взглядов). Он представляет собой объединение подростков – искателей способов выхода из сложившихся проблем, предлагаю-

щее насильственную модель поведения.

Иными видами приемлемых решений для искателя, находящегося в подобном состоянии и положении, могут выступать ранее упомянутые идеологии и способы, которые также активно предлагаются в качестве модели решения проблем.

Аналогичный эффект дали результаты трансляции в СМИ и сети Интернет «осуждающих» и «профилактирующих» материалов о сетевых играх «Синий кит»² и «ИГИЛ»³, результатом стало увеличение заинтересованности среди населения, в том числе среди лиц, склонных к воздействию и увеличение участников данных негативных событий. Таким образом, информационные источники легализовали гласное распространение материалов среди потенциальных адептов.

Разберем, что общего в преступлениях террористического и экстремистского характера со «скулшутингом».

По субъектам преступлений сравнения проводить не целесообразно, так как ни в одной из рассматриваемых моделей преступного поведения не имеется уникального признака. Субъект может быть любого возраста, социального статуса, вероисповедания и так далее.

Общими субъективными характеристиками указанных преступлений можно выделить: прямой умысел, идейная обоснованность активных действий, отсутствие корысти, цель привлечение внимания.

Общие объекты: неопределенный круг лиц и имущество (переход от конкретных целей к случайным).

Схожие объективные признаки: повышенная общественная опасность, связанная с непосредственной угрозой жизни и здоровья людей, насилие, устрашение населения.

Стоит отметить, что 2 февраля 2022 года Верховный суд России удовлетворил иск Генпрокуратуры России по административному делу от 8 декабря 2021 года № АКПИ21-1059С о признании террористическим движения «Колумбайн».

Наряду с принятым решением, как поясняют в своей работе А. В. Пучнин, М. Ю. Пучнина, если рассматривать «колумбайн» с точки зрения криминологии, то деятельность его представителей вполне можно расценивать как террористическую, что подтверждается их особенностями, сходством в некоторых моментах и уровнем общественной опасности, однако, исходя из определений, указанных в федеральном законодательстве, приравнивать его к терроризму не представляется возможным [7].

Все преступления террористической направленности обособлены понятием «терроризм».

Терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или)

иными формами противоправных насильственных действий [8].

Основным отличительным признаком террористических преступлений, отсутствующим в преступлениях массовых убийств под общим названием «скулшутинг», является цель. Террористические преступления совершаются для оказания воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями.

Кроме того, терроризм признается идеологией.

Идеология – система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество [9].

В феномене «скулшутинга» («колумбайна») отсутствует группа субъектов, относимых к социальной группе, классу, политической партии и обществу в целом, в связи с этим его нельзя отнести к идеологии, это идея, является подготовкой к самостоятельной деятельности или примыканию к какой-либо идеологической группе.

Кроме того, стоит отметить, что вышеуказанное решение суда может существенно затруднить процесс доказывание мотивов субъекта рассматриваемой категории преступлений. В случае переименования таких групп, органы предварительного расследования будут обязаны проводить процедуру признания новоявленного объединения террористической организацией или сообществом, используя понятия, закрепленные в законодательстве России. Наряду с этим, вероятнее всего, они не будут признаны террористическими организациями или сообществами ввиду отсутствия основного квалифицирующего признака, которым является цель – оказание воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, не смотря на потенциальную тождественность субъективных и объективных признаков правонарушений.

Ближе всего к этому сопоставимо понятие экстремизма, в части описания квалифицирующих признаков отягчающих наказания за преступления, предусмотренных п. «е», ч. 1, ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ – совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [10].

Однако в рассматриваемом признаке в качестве объекта преступления выступает «какая-либо социальная группа», что также не позволяет квалифицировать феномен как экстремистскую деятельность.

Изучением феномена удалось выделить следующие особенные признаки, присущие всем субъектам: полная или частичная автономия, скрытность подготовки, скрытые или ограниченно распространяемые сигналы, а главное преобла-

² «Синий кит» – это суицидальная игра, неведомая ранее смертельная новинка, поразившая интернет и располагающаяся в социальных сетях из-за популярности среди молодежи («ВКонтакте»).

³ Террористическая организация, запрещенная в России.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

дание мотивов мизантропии и индивидуального превосходства, которыми и продиктованы жестокость и демонстративность совершаемых преступлений.

По ряду косвенных признаков те же мотивы сподвигли молодых адептов вступать в ряды радикальных неонацистских объединений, в частности экстремистскую организацию «Дивизия Мизантропов», становиться неофитами радикальных исламистских течений, становиться «кураторами» так называемых игр смерти.

Проблема профилактики и упреждения такого рода феномена, как и ряда иных вышеуказанных состоит в том, что государственная система реагирует на инциденты преимущественно после их совершения, за исключением противодействия экстремизму и терроризму.

Правоохранительные органы не могут проводить оперативно-розыскные мероприятия, связанные с ограничением конституционных прав, позволяющие выявить и пресечь длительно подготавливаемые преступления, так как в основном предшествующие действия если и относятся к преступлениям, то небольшой тяжести. Кроме того, информационный контент, пропагандирующий признаки мизантропии и индивидуального превосходства, подкрепленный насильственными методами достижения целей не относится на сегодняшний день к пропаганде экстремизма и не входит в сферу компетенции органов осуществляющих противодействие экстремизму, терроризму и обеспечивающих государственную безопасность.

Заключение

Действующей мерой по недопущению распространения такого рода информации принято считать Федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ (ст. 15.1) и «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁶ (ст. 5). Законодательством введена формулировка: «информация, направленная на склонение или иное вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, представляющих угрозу для их жизни и (или) здоровья либо для жизни и (или) здоровья иных

лиц» [11], но субъектами преступлений далеко не всегда являются несовершеннолетние. Кроме того, значимой и неотвратимой ответственности за распространения такой категории информации не предусматривается, исключение составляют группа статей уголовного кодекса, связанных с пропагандой, вовлечением и доведением до самоубийств.

В этой связи предлагается:

1. Внести изменение в законодательство о противодействии экстремизму, введя в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»⁷ формулировку «возбуждение и (или) пропаганда мизантропии и индивидуального превосходства», а равно «нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина по мотивам мизантропии и индивидуального превосходства».

2. Дополнить п. «е» ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации⁸ квалифицирующим признаком «совершение преступления по мотивам мизантропии и индивидуального превосходства».

Данная мера позволит более результативно проводить мероприятия противодействия распространению рассматриваемой негативной информации в информационной сфере, применять методы оперативно-розыскной деятельности для пресечения подготавливаемых преступлений, привлекать субъекты изготовления и распространения такого рода информационных материалов к ответственности. Одним из основных прогнозируемых эффектов будет то, что мера существенно ограничить средства массовой информации и блогосферу в описании событий, которые провоцируют любопытство потенциальных искателей.

Также требуется введение ответственности (санкции) должностных лиц социальных сетей и самих социальных сетей как юридических лиц за несоблюдение требований ст. 10.6. Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁹, в которой присутствуют гипотеза и диспозиция, предписывающие условия и требования по принятию мер контроля и реагирования на информационный контент, распространяемый в нарушении требований законодательства Российской Федерации.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

Список источников

1. Силантьев Р. А. Основы деструктологии : Теория государства и права : учебник / Р. А. Силантьев, И. В. Малыгина, М. А. Полетаева; под ред. Р. А. Силантьева. М. : ФИВ, 2020. 204 с.
2. Карпов В. О. Культ Колумбайна: основы детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. 443 с.
3. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4. 64 с.
4. Массовое убийство в школе «Колумбайн» // Википедия : интернет-энциклопедия. [2014]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» (дата обращения: 15.12.2021).

5. Откуда взялся «керченский стрелок» // Комсомольская правда [2021]. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27040.4/4108494/> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Чалдини Р. Психология влияния. СПб. : Серия «Мастера психологии», 2001. 155 с.
7. Пучнин А. В., Пучнина М. Ю. Идеология «колумбайна» как экстремистская и террористическая угроза национальной безопасности Российской Федерации // Общество и право. 2021. № 2. С. 38–43.
8. О противодействии терроризму : федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 февр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 марта 2006 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 11, ст. 1146.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка (Е–Л). М.: Азъ. 1992.
10. Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
11. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 дек. 2010 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 декаб. 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 1, ст. 48.

References

1. Silant'ev R. A., Malygina I. V., Poletaeva M. A., Silant'ev R. A. (eds.). *Fundamentals of Destructology: Theory of State and Law: textbook*. Moscow: FIV; 2020. (In Russ).
2. Karpov V. O. The Columbine Cult: The Basics of the Determinant of School Mass Murders. In: *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2018;4: 443. (In Russ).
3. Davydov D. G., Khlomov K. D. Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. In: *National Psychological Journal*. 2018;4: 64. (In Russ).
4. Wikipedia: Internet Encyclopedia. *Massacre at Columbine High School*. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн»/ [Accessed 15th December 2022].
5. Komsomol'skaya Pravda. *Where did the "Kerch shooter" come from*. Available from: <https://www.crimea.kp.ru/daily/27040.4/4108494/> [Accessed 15th December 2022]. (In Russ).
6. Chaldini R. *Psychology of influence*. Saint-Petersburg: Peter. 2001. (In Russ).
7. Puchnin A. V., Puchnina M. Y. The Ideology of "Columbine" as an Extremist and Terrorist Threat to the National Security of the Russian Federation. In: *Society and law*. 2021;2: 38–43. (In Russ).
8. Reference and legal system "ConsultantPlus". *On countering terrorism*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ [Accessed 15th December 2022]. (In Russ).
9. Ozhegov S. I., Shvedova N.Y. (eds.). *Explanatory Dictionary of the Russian Language (E–L)*. Moscow: AZ. 1992. (In Russ).
10. Reference and legal system "ConsultantPlus". *Criminal Code of the Russian Federation*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_10699/ [Accessed 15th December 2022]. (In Russ).
11. Reference and legal system "ConsultantPlus". *On the protection of children from information harmful to their health and development*. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ [Accessed 15th December 2022]. (In Russ).

Информация об авторе

П. А. Спиваков – старший офицер

Статья поступила в редакцию 22.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

P. A. Spivakov – Senior Officer

The article was submitted 22.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Александр Александрович Шапошников

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, shaposhnikov.alxndr@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможности применения современных технологий, таких как нейронные сети и искусственный интеллект, в проведении психофизиологических исследований. Автором рассматриваются способы проведения психофизиологических исследований с момента начала их истории, особенности и принципы работы полиграфов прошлого и современности, сформулированы принципы использования систем распознавания лжи в совокупности с применением нейросетей и искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронные сети, преступность, профилактика преступности, прогнозирование преступности, преступное поведение, полиграф, психофизиология

Для цитирования: Шапошников А. А. Перспективы использования искусственного интеллекта при проведении психофизиологических исследований // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 29–32. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/005.pdf>.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROSPECTS FOR THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PSYCHOPHYSIOLOGICAL RESEARCH

Aleksandr A. Shaposhnikov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, shaposhnikov.alxndr@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the possibility of using modern technologies, such as neural networks and artificial intelligence, in conducting psychophysiological research. The author examines the methods of conducting psychophysiological research since the beginning of their history, examines the features and principles of the work of polygraphs of the past and present, formulated the principles of using lie recognition systems in conjunction with the use of neural networks and artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, crime, crime prevention, crime prediction, criminal behavior, polygraph, psychophysiology

For citation: Shaposhnikov A. A. Prospects for the use of artificial intelligence in psychophysiological research // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 29–32. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/005.pdf>.

© Шапошников А.А., 2022

Введение

Полиграфы в течение периода их использования, который составляет уже более ста лет, получили широкий спектр применения. В настоящее время практика применения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа имеет тенденцию к распространению во многих странах и их государственных структурах, данной практики придерживаются и крупные промышленные компании, банки, крупные торговые фирмы.

Детекция лжи на аппаратном уровне рассматривалась криминалистами с момента зарождения криминалистики как науки. Еще в 1890 году Чезаре Ломброзо испытал гидросфигмометр – прибор для детекции лжи, который измерял кровяное давление подозреваемых во время допроса. Чезаре Ломброзо, демонстрируя фотографии, которые связаны или не связаны с преступлением подозреваемым, фиксировал изменения в частоте пульса и давлении крови.

Основные положения

Современный полиграф ведет свою историю с 1920 года, то есть с момента разработки и испытания опытного образца детектора лжи Джоном Ларсоном, являющимся в то время офицером полиции штата Калифорния. Указанное устройство в своей работе использовало данные одновременной регистрации показателей изменения в частоте и глубине дыхания, изменений показателей кровяного давления и частоты пульса. При помощи изобретенного Джоном Ларсоном прототипа была проведена масса допросов лиц, подозреваемых в преступлениях. Данному прототипу, Джоном Ларсоном было дано наименование полиграф, позаимствованное, у придумавшего в 1804 году данный термин, Джона Хавкинса, который впервые использовал термин «полиграф» для описания прибора для детекции лжи. Сотрудником и учеником Джона Ларсона – Леонардом Килером, в 1926 году, проводится работа по испытанию и последующему введению в уже имеющийся рабочий прототип полиграфа, канала регистрирующего показания кожного сопротивления, что положительно сказывается на точности тестирования [1].

Нельзя не отметить, что и в Российской Федерации имеется тенденция к проведению психофизиологических экспертиз с применением полиграфа в следственной и судебной деятельности. Также стоит отметить и сферу оперативно-разыскной деятельности, в которой уже разработана система применения полиграфа, а именно создана необходимая нормативно-правовая база, разработаны требования к квалификации специалистов, проводящих опросы, выработана методика подготовки специалистов, выработаны рекомендации по проведению опросов и система приемов их проведения.

Комитет государственной безопасности СССР в 1975 году ввел практику использования полиграфа, а в дальнейшем, в 1994 году и Министерство внутренних дел России также начало использовать полиграф.

С вступлением в силу Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности» (Закон № 144-ФЗ), полиграфические исследования стали применяться при расследовании уголовных дел.

В статье 6 Закона № 144-ФЗ приводится перечень оперативно-разыскных мероприятий, среди которых называется «оперативный опрос», проведение которого допускается с применением кино съемки, фотосъемки и других технических средств. В числе других технических средств может рассматриваться и полиграф. Однако опрос с использованием полиграфа основывается на принципе добровольности. Приглашенное на исследование лицо должно действовать добровольно, а в случае отказа не может подвергаться проведению опроса в принудительном порядке. Также Законом предусмотрено, что отказ от участия в опросе с использованием полиграфа не может рассматриваться в качестве основания для подозрения лица в причастности к преступлению или в сокрытии какой-либо информации, имеющей отношение к ходу расследуемого дела [1].

Уголовное судопроизводство в России, в настоящее время, уже имеет прецеденты принятия судами первой инстанции, в качестве доказательств по делу, заключений экспертов-полиграфологов, которые, к сожалению, наряду с иными доказательствами по делу не всегда находят свое отражение в обвинительных заключениях.

Также отмечается, что полиграфологические исследования могут применяться в целях выработки следственных версий в досудебном производстве, но лишь при неукоснительном соблюдении процессуальных гарантий, обеспечивающих реализацию принципов уголовного судопроизводства, процедура опроса с применением полиграфа должна найти свое нормативное выражение. Впрочем, время – лучший критерий, и все расставит на свои места, а полиграф, возможно, будет использоваться также и в доказывании в уголовном судопроизводстве. Думается, пока для этого час не настал в силу превалирования рисков нарушения прав участников уголовного судопроизводства, и попрания принципов уголовного правосудия над ценностью результатов, которые могут быть достигнуты при использовании полиграфа [2].

С развитием современных технологий появляются принципиально новые разработки и методики определения лжи, например в 2002 году разрабатывается модель полиграфа, анализирующая изменение температуры вокруг глаз, данный метод позволяет считывать показания без непосредственного контакта с телом опрашиваемого, кроме того полученная информация обрабатывается на аппаратном уровне с высокой скоростью, а сама экспертиза не требует непосредственного участия специалиста, в отличие от детекторов лжи, использующих традиционные методики. Принцип действия и методика распознавания лжи в указанном случае основывается на повышении внутриглазного давления при приливе к глазным яблокам крови и последующем повышении температуры в данной области, что обуславливается психологическим дискомфортом, испытываемом человеком при предоставлении заведомо недостоверной информации. Данное устройство получило свое распространение в аэропортах и на пропускных пунктах. Однако следует учитывать и погрешности, вызываемые различными факторами, при использовании такого типа детектора лжи, например, вносить погрешность может наличие сквозняка в помещении, состояние здоровья опрашиваемого или исследуемого лица [3].

Наряду с вышеперечисленными типами и принципами работы полиграфов, существуют еще полиграфы, использующие иные методы сбора и анализа данных, например, созданный в 2000 году Handy Truster использует в своей работе принцип интерпретации изменений в голосе опрашиваемого, также в качестве примера стоит отметить детектор эмоций Truster, разработанный Корейскими специалистами, который в своей работе также использует анализ речи и голоса, учитывая показатели громкости, тональности, профиля правдивых ответов, которые не зависят от языка на котором проводится опрос. Отдель-

ного внимания заслуживает универсальный компьютерный полиграф «Диагноз 01», разработанный российскими учеными, принцип действия которого основывается на обнаруженном явлении мускульной микродрожжи, которую невозможно уловить на уровнях человеческого восприятия, но возможно на техническом уровне. Стоит упомянуть о запатентованном в Канаде психологического определителя стресса (PSE), который использует в своей работе анализ модуляции голоса, в случае предоставления опрашиваемым заведомо ложной информации у него происходит микростресс, который ведет к снижению упомянутого параметра. Принципиально новый полиграф был разработан в Великобритании, принцип действия которого отличается анализом неосознанного выражения человека эмоций, отражающихся на выражении лица, приливе крови к коже и иных параметров, преимущество данного полиграфа заключается в полном отсутствии контакта с опрашиваемым лицом, которое может и не знать о применении полиграфа, поскольку структуру данного устройства составляет система из видеокамеры, теплового датчика высокого разрешения и набора алгоритмов [4].

Что касается применения в полиграфах технологии искусственного интеллекта, ставшей в последнее время очень востребованной во многих сферах деятельности, то следует в первую очередь обратить внимание на опыт зарубежных ученых. Так, исследователями из Мичиганского университета были проведены анализ влияния данных детекторов лжи на машинное обучение, использовавшееся для построения системы искусственного интеллекта, распознающего ложь. Контроль точности системы осуществлялся при помощи видеозаписей судебных заседаний, предметом подлежащим анализу послужили жесты, движения, речь выступающих, данный опыт можно относить к успешным, так как погрешность составила всего 15 %, в то время как 75 % случаев лжи были точно распознаны искусственным интеллектом, однако человеком в этом же случае было распознано всего 50 % случаев [5]. По итогам данного исследования учеными были выявлены и систематизированы основные признаки лжи, к которым относятся такие как использование звуков-паразитов, мимика, движения рук и головы, попытки придания речи большей убедительности.

Учеными Лондонского городского университета велись схожие по своему содержанию исследования, в результате ими был разработан алгоритм машинного обучения для выявления лжи, исходя из структуры речи и особенностям языка. В данном случае был предварительно исследован архив электронных писем, что дало результаты в виде выявления таких признаков лжи как ее отражение, во-первых, на микроуровне, включающем в себя выбор слов и их последующее использование, во-вторых, на макроуровне, подразумевающим непосредственно структуру письма, в-третьих, на метауровне, то есть взаимосвязи между частями текста. В разработке данного алгоритма для обучения искусственного интеллекта были использованы большие данные (BIG DATA) в совокупности с системой распознавания речи, построенной на базе нейронных сетей.

Данный алгоритм, по мнению ученых, позволит обезопасить организации и граждан от мошенничества и избежать тем самым финансовых потерь.

Канадскими учеными из Торонто в ходе работы над проектом *NuraLogix* был создан и запатентован метод распознавания скрытых эмоций на видеозаписях, основанный на трансдермальном оптическом изображении (TOI), позволяющем выявлять эмоции человека по показаниям изменения лицевого кровотока не беря в расчет мимическое выражение. Касаясь нейросетей и машинного обучения данная технология позволяет использовать полученную таким образом информацию для моделирования с последующим отображением эмоций, испытываемых человеком независимо от его выражения лица [6].

Приложение «*Verify*», разработанное российскими учеными из Новосибирска, позволяет распознавать ложь считывая мимику опрашиваемого человека, данное приложение является наглядным примером использования совокупности компьютерного зрения, машинного обучения, искусственного интеллекта и нейросетей. Данным приложением строится вердикт о достоверности информации опрашиваемого лица на основании анализа информации о микродвижениях и пульсе лица, движениях глаз, бровей, щек, губ. Саратовскими учеными из лаборатории математического моделирования правовых явлений и процессов Саратовского государственного университета им. Чернышевского был запатентован полиграф бесконтактного типа, принцип действия которого основывался на сложном алгоритме, построенном на анализе достоверности информации по невербальным признакам, таким как темп речи, громкость голоса, изменения тембра, количество запинок в речи и т. д. Указанная технология практически опробована в ходе проведения судебных экспертиз в совокупности с классическим полиграфом и показала успешные результаты.

В настоящее время учеными всех стран ведутся работы по разработке программного обеспечения и оборудования, которое бы позволило проводить анализ показаний опрашиваемых лиц в автоматическом режиме, что должно привести к упрощению использования психофизиологической диагностики и полиграфа, снижению затрат на проведение данных экспертиз, уменьшению времени на подготовку специалистов. Но следует понимать, что использование таких технологий в первую очередь должно быть рассчитано на профессиональное использование и оперативно-профилактическую работу.

Следует также принимать во внимание, что в основном применяемые на сегодняшний день технологические решения – это автоматизированные информационно-поисковые системы с линейным алгоритмом, системы поддержки принятия решений, подключенные к базам данных: автоматизированные рабочие места следователя, эксперта и т. п. Применение подобных информационно-аналитических систем, бесспорно, улучшает качество расследования и сокращает сроки, однако рассчитывать, что данные программы будут «думать» за правоприменителя, было бы ошибочным [7].

Использование искусственного интеллекта при проведении психофизиологических исследований следует рассматривать в качестве вспомогательного инструмента, позволяющего более эффективно решать задачи по прогнозированию и профилактике преступного поведения, что позволит снизить количество преступлений и положительным образом отразится на латентной преступности.

Заключение

Использование систем распознавания лжи в совокупности с применением нейросетей и искусственного интеллекта позволит составлять криминалистический портрет преступника, давать характеристики лицам, осужденным за те или иные преступления, что позволит более качественно проводить профилактические мероприятия. Применение по-

лиграфов в совокупности с искусственным интеллектом и нейросетями вполне может послужить хорошим помощником при проведении опросов как подозреваемых в совершении преступления лиц, так и жертв преступных деяний; для выявления преступных умыслов и последующего профилактического воздействия; контроля за определенными категориями лиц; поиска лиц, находящихся в розыске. Однако следует отметить, что с целью снижения уровня преступности в целом, следует подходить к вопросу применения полиграфа и искусственного интеллекта принимая во внимание необходимость использования указанных систем совокупности с деятельностью непосредственно самих правоохранительных органов и другими существующими системами профилактики и предупреждения преступности.

Список источников

1. Плискина Л. В. История применения полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-primeneniya-poligrafa-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 16.02.2022).
2. Ибрагимов А. Детектор лжи: правовые аспекты использования // Тематический информационный портал о инструментальной детекции лжи и управлении поведением [2017]. URL: <https://proverka-na-poligrafe.pro/> (дата обращения: 16.02.2022).
3. Попова И. П. Состязательность сторон и использование результатов применения полиграфа в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2019. № 11. С. 37–41.
4. Детекторы лжи: приборы нашей современности Что представляют из себя детекторы лжи в наши дни? Какие перспективы у данных приборов?// PSYMOD.ru. URL: <https://psymod.ru/detektor-lzhi/136-sovremennye-detektory-lzhi.html> (дата обращения: 16.02.2022).
5. Красильникова Ю. В. Создан детектор лжи на основе машинного обучения. // Хайтек [2015]. URL: https://hightech.fm/2015/12/15/lie_detector (дата обращения: 16.02.2022).
6. Астахов Д. А., Катаев А. В. Использование современных алгоритмов машинного обучения для задачи распознавания эмоций // Cloud of science. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-algoritmov-mashinnogo-obucheniya-dlya-zadachi-raspoznavaniya-emotsiy> (дата обращения: 16.02.2022).
7. Сретенцев Д. Н., Волкова В. Р. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 38–42.

References

1. Pliskina L. V. History of polygraph use in crime detection and investigation. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2018;7. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-primeneniya-poligrafa-pri-raskrytii-i-rassledovanii-prestupleniy> [Accessed 16th February 2022]. (In Russ.).
2. Ibragimov A. Lie Detector: Legal Aspects of Use. *Thematic Information Portal on Instrumental Lie Detection and Behavior Management*. Available from: <https://proverka-na-poligrafe.pro/> [Accessed 16th February 2022]. (In Russ.).
3. Popova I. P. Adversarial parties and use of polygraph results in criminal proceedings. *Russian judge*. 2019;11: 37– 41. (In Russ.).
4. Lie detectors: Devices of our time What are lie detectors these days? What are the prospects for these devices? *PSYMOD.ru*. Available from: <https://psymod.ru/detektor-lzhi/136-sovremennye-detektory-lzhi.html> [Accessed 16th February 2022]. (In Russ.).
5. Krasil'nikova Ju. V. Created a lie detector based on machine learning. *Haitek*. Available from: https://hightech.fm/2015/12/15/lie_detector [Accessed 16th February 2022]. (In Russ.).
6. Astahov D. A., Kataev A. V. Use of modern machine learning algorithms for emotion recognition. *Cloud of science*. 2018;4. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-sovremennyh-algoritmov-mashinnogo-obucheniya-dlya-zadachi-raspoznavaniya-emotsiy> [Accessed 16th February 2022]. (In Russ.).
7. Sretencev D. N., Volkova V. R. Prospects for the introduction of artificial intelligence systems in the field of crime investigation. *Russian investigator*. 2021;11: 38–42. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 24.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 24.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Научная статья
УДК 159.9.07

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА В СПЛОЧЕНИИ ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Геннадий Юрьевич Авдиенко

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, gen_avdienko@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сплочению воинского подразделения в процессе проведения тренинга «сплочения воинского коллектива». Автором выявлено, что в результате участия воинского подразделения в тренинге увеличивается количество взаимных выборов между военнослужащими по критериям «совместная деятельность» и «психологическая совместимость», значительно повышается косвенная оценка сплоченности подразделения и повышается субъективная оценка курсантами их адаптированности к образовательной среде военного образовательного учреждения. Таким образом, получено научное подтверждение эффективности использования современных психологических тренинговых технологий в мероприятиях по сплочению воинских коллективов.

Ключевые слова: военнослужащий, сплочение воинского коллектива, адаптированность, тренинговые технологии

Для цитирования: Авдиенко Г. Ю. Роль психологического тренинга в сплочении воинского коллектива // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 33–38. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/006.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE COHESION OF THE MILITARY TEAM

Gennady Yu. Avdienko

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, gen_avdienko@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the cohesion of the military unit in the process of conducting the training "cohesion of the military team". The author revealed that as a result of the participation of a military unit in the training, the number of mutual choices between military personnel increases according to the criteria of "joint activity" and "psychological compatibility", the indirect assessment of unit cohesion increases significantly and the subjective assessment of the cadets of their adaptability to the educational environment of a military university increases. Thus, the scientific confirmation of the effectiveness of the use of modern psychological training technologies in the rallying of military collectives has been obtained.

Keywords: serviceman, cohesion of the military team, adaptability, training technologies

For citation: Avdienko G. Yu. The role of psychological training in the cohesion of the military team // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 33–38. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/006.pdf>.

© Авдиенко Г.Ю., 2022

Введение

В деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации одним из наиболее важных критериев оценки подразделения, является оценка его сплоченности, которая представляет собой важное феноменологическое явление, возникающее во взаимоотношениях людей в малых группах. Групповая сплоченность представляет собой процесс единения участников группы, который основан, с одной стороны, на взаимной симпатии в межличностных отношениях, с другой стороны, на привлекательности (полезности) группы для ее членов.

Сплоченность коллектива можно представить, как определенный процесс развития внутригрупповых связей, соответствующий развитию групповой деятельности [1].

В качестве факторов и условий, способствующих достижению группой высокого уровня отношений следует перечислить:

1. Эмоциональная привлекательность членов группы.

По мнению А.И. Донцова, эмоциональная привлекательность выступает одним из условий развития многих групповых процессов, в том числе – сплоченности [2].

2. Сходство членов группы между собой.

Речь идет о различных аспектах сходства: и возрастное, и социальное, и этническое, однако главное – ценностное сходство, близость взглядов и социальных ориентаций членов группы. В данном случае в силу вступает следующий психологический механизм: чем ближе чужое мнение к собственному мнению человека, тем симпатичнее ему лицо, высказывающее данную точку зрения. Этот же феномен работает и в группе: человек более тяготеет к группе, взгляды и ценности которой он разделяет и в которой его собственные взгляды находят поддержку.

3. Предпочитаемый группой способ взаимодействия и ведущий социальный мотив членов группы.

Более привлекательна для людей и имеет большие шансы стать сплоченной группа, чья деятельность основана не на конкуренции, а на кооперации и в которой преобладает мотив сотрудничества.

4. Особенности групповых целей.

Именно цель деятельности, ее психологические особенности определяют свойства группы и динамику развития, индивидуальное поведение участников в значимых групповых ситуациях [3].

По мнению М. Р. Битяновой, за всем разнообразием представлений о природе сплоченности стоит общее признание ценности, значимости этого процесса (и конечного состояния) и для группы в целом, и для конкретного ее участника. В результате роста сплоченности группа «выигрывает» за счет того, что увеличивается включенность отдельных членов во внутренние процессы, члены группы чаще демонстрируют конформные реакции. В целом отношения в группе становятся более стабильными [4].

Сплоченность воинского коллектива – это со-

циально-психологическое явление, характеризующее высокий уровень развития взаимоотношений в морально-политической, военно-профессиональной и межличностно-бытовой сферах совместной деятельности. Эти взаимоотношения принято называть коллективистскими.

Организация жизни и деятельности в воинском коллективе представляется в двух видах: официальной (уставная) и неофициальная (скрытая).

По мнению П. А. Корчемного, сплоченность воинского коллектива реализуется в официальной (уставной) организации жизни и деятельности, в воинском коллективе, которая проявляется в следующих компонентах: морально-политическом, военно-профессиональном, межличностно-бытовом [5].

Морально-политическая сфера совместной воинской деятельности имеет побудительно-ориентационное назначение, затрагивает сферу ценностных ориентаций, социальных установок, идеалов. По мнению автора, морально-политическое единство предполагает:

- отсутствие антагонистических противоречий у воинов по идеологическим и религиозным вопросам;

- общность гуманистических позиций;
- наличие прогрессивных взглядов на предназначение своего силового ведомства, на необходимость служебной деятельности, на качественное освоение боевой техники и оружия, на формирование и поддержание высокого уровня воинского мастерства и крепкой воинской дисциплины.

Морально-политическое единство объективно реализуется в общности мировоззрений военнослужащих, их знаний, взглядов и убеждений, потребностей, целей, мотивов и установок на совместную воинскую деятельность. Расхождения во взглядах на политику, религию, мораль, различные понятия о ценностях, добре, справедливости могут стать непреодолимым барьером на пути к установлению морально-политического единства подразделения. И наоборот, ценностно-ориентационная общность во многом сглаживает шероховатости взаимоотношений во всех сферах совместной деятельности.

Субъективно морально-политическое единство актуализируется во взаимном доверии членов подразделения как единомышленников, совместно выполняющих служебно-боевую деятельность.

В военно-профессиональной сфере сплоченность проявляет себя как служебно-боевая сработанность, слаженность. Выполнение функциональных обязанностей в составе воинского коллектива способствует снижению различий между военнослужащими в социально-психологической сфере. В результате улучшается взаимопонимание, появляется уверенность в партнере, его мастерстве и надежности, что благоприятно сказывается на эффективности совместной служебно-боевой деятельности. У членов воинского коллектива вырабатываются одинаковые навыки и уме-

ния, у них формируются похожие привычки, развиваются общие для совместной деятельности профессионально-важные качества.

Служебно-боевая сработанность достигается не только через снижение различий между военнослужащими в социально-психологической сфере, но и за счет взаимного дополнения недостающих психологических качеств.

Служебно-боевая слаженность проявляется в легкости достижения взаимопонимания военнослужащими по служебным и профессиональным вопросам, возможности предвидения, прогнозирования будущих действий напарника и подстраховки его в случае необходимости.

В *межличностно-бытовой сфере* сплоченность проявляет себя как психологическая совместимость, объективно реализующая себя в бесконфликтности общения в бытовой, внеслужебной обстановке. Субъективно психологическая совместимость проявляется во взаимной эмоциональной удовлетворенности военнослужащими друг другом.

Психологическая совместимость оказывает положительное воздействие на взаимоотношения между военнослужащими, что благоприятно сказывается на сплочении воинского коллектива. Рассматривая вопросы сплоченности воинского коллектива, следует помнить, что доминирующими взаимоотношениями в нем должны быть уставные, так как они определяют критерии и нормы в поведении, общении и деятельности военнослужащих.

Основные направления сплочения малых воинских коллективов следует характеризовать с точки зрения социально-психологической концепции сплоченности с выделением ведущих ее компонентов, о которых говорилось выше: морально-политическое единство, боевая сработанность и психологическая совместимость. В соответствии с этой концепцией к числу таких направлений деятельности должностных лиц относят:

- формирование морально-политического единства;
- формирование боевой сработанности;
- совершенствование психологической совместимости.

Вместе с тем, кроме перечисленных способов сплочения воинских коллективов, следует обратить пристальное внимание на психологические техники, эффективность которых признана высокой. К ним относятся тренинги, в частности тренинг сплочения коллектива.

Тренинг сплочения коллектива можно определить, как область практической психологии, ориентированную на использование активных методов групповой психологической работы с целью осознания общности целей и научению взаимодействия. Занятия, проводимые в рамках тренинга сплочения коллектива, эффективно формируют доверительные отношения; указывают на весомость личного вклада каждого члена коллектива; раскрывают значимость коллективного труда, основанного на сплоченности; учат прислушиваться к мнению каждого; помогают новичкам

адаптироваться.

Следовательно, использование современных психологических тренинговых технологий позволяет расширить арсенал методов сплочения воинских коллективов, тем самым повышая его эффективность. Однако в настоящее время отсутствуют результаты научного подтверждения эффективности тренинга сплочения воинского коллектива.

Основные положения

Для определения эффективности тренинга сплочения воинского коллектива в 2020–2021 гг. проводилось научное исследование. В исследовании приняли участие два взвода курсантов Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации. Один взвод в количестве 24 человек был принят в качестве контрольной группы, другой взвод в количестве 23 человек представлял собой экспериментальную группу.

Эмпирическое исследование было выстроено по следующему плану: во-первых, с обеими группами было проведено психодиагностическое обследование на предмет изучения социометрии, определения косвенной оценки сплочения подразделения (методика КОСП) и определения субъективной оценки адаптированности к образовательной среде (методика СПКС) военной образовательной организации высшего образования (ВООВО); во-вторых, с экспериментальной группой был проведен тренинг на сплочение коллектива; в-третьих, с обеими группами было проведено повторное психодиагностическое обследование на предмет изучения изменений социометрии, косвенной оценки сплочения подразделения (методика КОСП) и определения субъективной оценки адаптированности к образовательной среде ВООВО (методика СПКС).

Анализ результатов социометрического исследования представлен на рисунках 1 и 2.

На рисунке 1 представлено следующее: на проведении первого психодиагностического обследования, по критерию «совместная деятельность», в подразделении, представляющем контрольную группу, отмечается 21 взаимный выбор, а в подразделении, принятом как экспериментальная группа – 17; после проведения тренинга с экспериментальной группой, на повторном психодиагностическом обследовании результаты изменились, а именно, в контрольной группе количество взаимных выборов снизилось и составило 12, в то время как в экспериментальной группе наблюдается значительное увеличение взаимных выборов до 48.

Рисунок 2 позволяет увидеть, что на проведении первого психодиагностического обследования, по критерию «психологическая совместимость», в подразделении, представляющем контрольную группу, отмечается 15 взаимных выборов, а в подразделении, принятом как экспериментальная группа – 12; после проведения тренинга с экспериментальной группой, на повтор-

ном психодиагностическом обследовании результаты изменились. В контрольной группе количество взаимных выборов снизилось и составило

9, в то время как в экспериментальной группе наблюдается значительное увеличение взаимных выборов до 76.

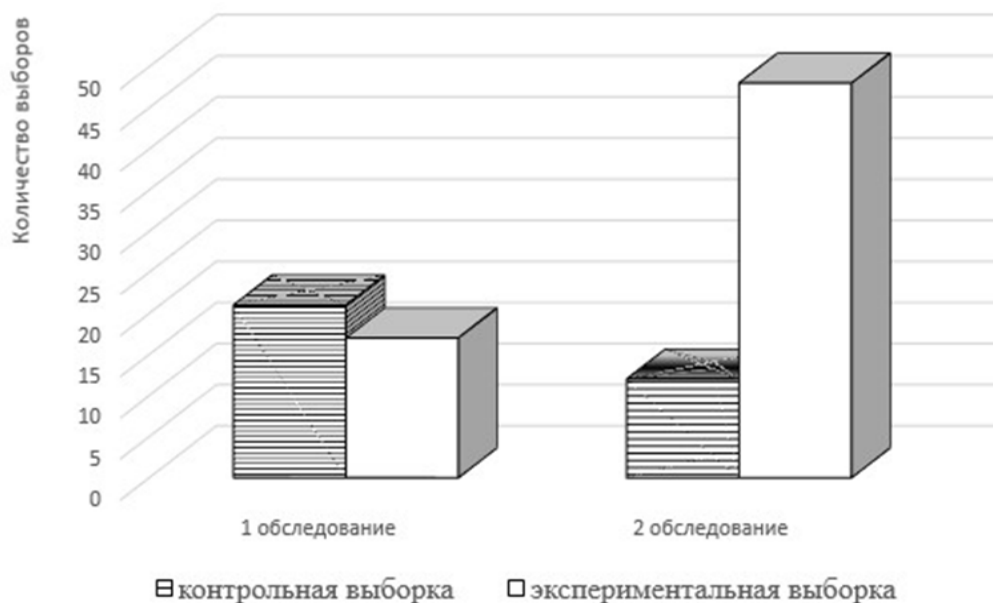

Рисунок 1 – Изменение количества взаимных выборов обеих групп по критерию «совместная деятельность»

Figure 1 – Change in the number of mutual elections of both groups according to the criterion "joint activity"

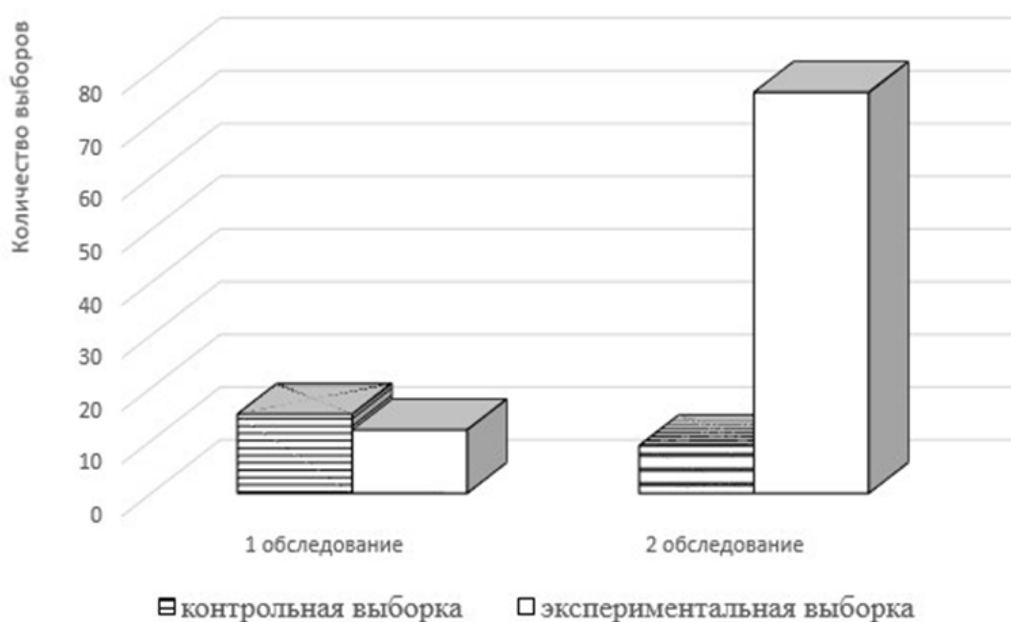

Рисунок 2 – Изменение количества взаимных выборов обеих групп по критерию «психологическая совместимость»

Figure 2 – Change in the number of mutual elections of both groups according to the criterion of "psychological compatibility"

Анализ результатов косвенной оценки сплоченности подразделения (КОСП) представлен на рисунке 3.

На рисунке 3 можно увидеть, что на проведении первого психодиагностического обследования, курсанты контрольной и экспериментальной

групп дают одинаковую оценку сплоченности своих подразделений – 0,11; после проведения тренинга с экспериментальной группой, на повторном психодиагностическом обследовании результаты изменились. В контрольной группе курсантов оценка сплоченности подразделения

снизилась до 0,06, в то время как в экспериментальной группе наблюдается значительное увели-

чение оценки сплочённости подразделения до 0,49.

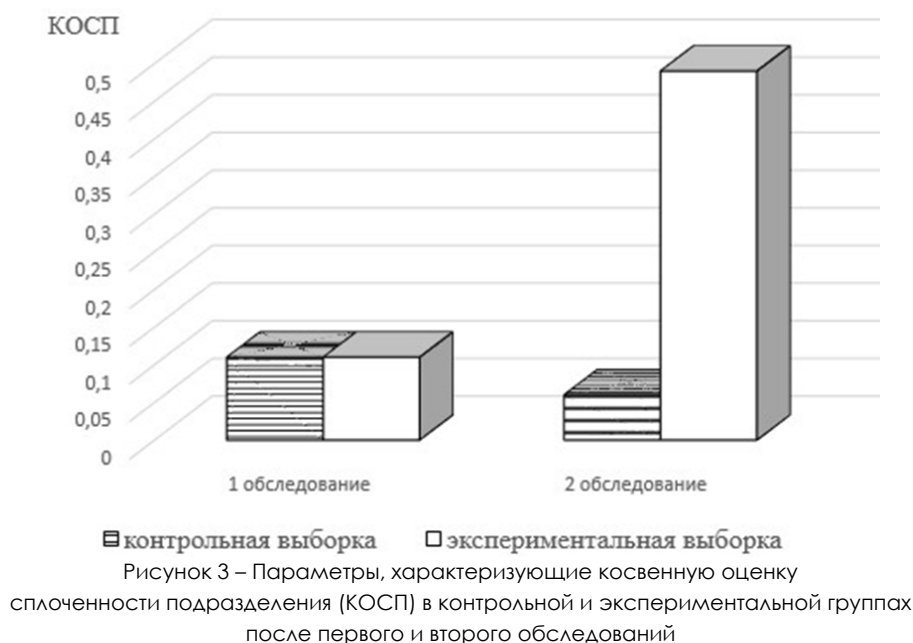

Figure 3 – Parameters characterizing the indirect assessment of unit cohesion (COSP) in the control and experimental groups after the first and second examinations

Анализ результатов субъективной оценки курсантами своей адаптированности к образова-

тельной среде (СПКС) ВООВО представлен на рисунке 4.

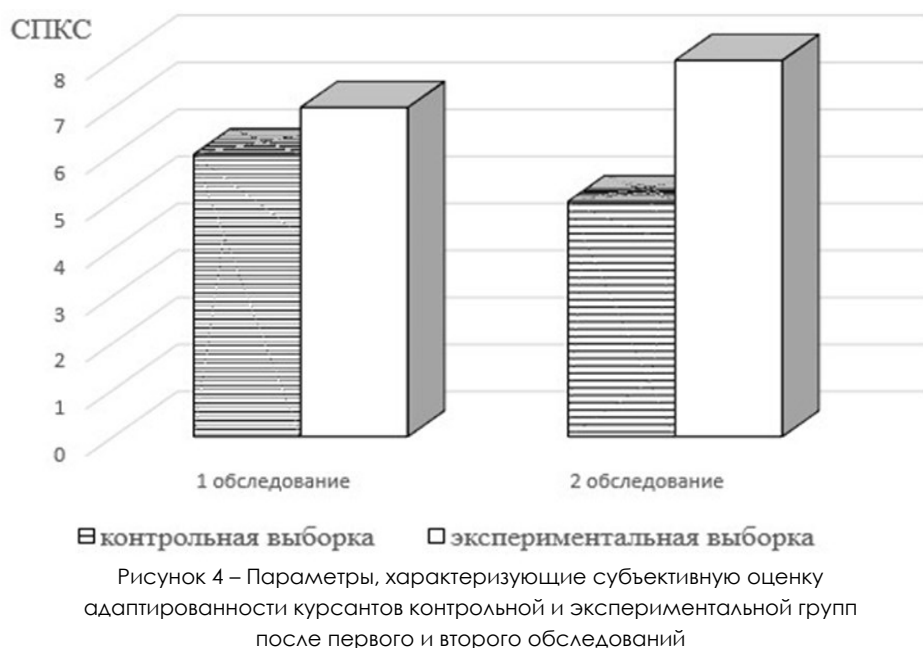

Figure 4 – Parameters characterizing the subjective assessment of the adaptability of cadets in the control and experimental groups after the first and second examinations

Рисунок 4 отображает изменение субъективной оценки курсантов их адаптированности к образовательной среде ВООВО (СПКС). Так, на проведении первого психодиагностического обследования, оценка своей адаптированности курсантами контрольной группы составляет 6 СЭТ, у курсантов экспериментальной группы – 7 СЭТ; после проведе-

ния тренинга с экспериментальной группой, на проведении повторного психодиагностического обследования результаты изменились следующим образом: в контрольной группе курсантов оценка СПКС снизилась до 5 СЭТ, в то время как в экспериментальной группе наблюдается значительное увеличение оценки СПКС до 8 СЭТ.

Заключение

В результате проведённой научно-исследовательской работы установлено, что сплочение воинского подразделения представляет собой совокупность мероприятий, предназначенных для единения военнослужащих, с целью создания коллектива, эффективно выполняющего служебно-боевую деятельность. В качестве основополагающего принципа сплочённости выступает соблюдение норм и требований, определяемых воинскими уставами. К числу основных направлений сплочённости воинского коллектива относят: формирование морально-политического единства, формирование боевой сработанности, совершенствование психологической совместимости. Результаты исследования иллюстрируют как эффективность тренинга по сплочению коллектива, так и его универсаль-

ность, что отражается в увеличении количества положительных взаимных выборов между курсантами, увеличении косвенной оценки сплочённости подразделения, а также субъективной оценки адаптированности курсантов к среде их деятельности. Вместе с тем, К.В. Лосев считает, что тренинг способствует повышению личностной зрелости курсантов за счёт развития уровня самопонимания, осознания ценностей самоактуализации в военно-профессиональной деятельности, тренировки организаторских, волевых качеств, коммуникативных навыков [6].

Следовательно, использование современных психологических тренинговых технологий позволяет расширить арсенал методов сплочения воинских коллективов, тем самым улучшая морально-психологическое состояние в них и повышая эффективность их деятельности.

Список источников

1. Авдиенко Г. Ю. Психологическое обеспечение служебной деятельности : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2020. 630 с.
2. Донцов А. И. Психология коллектива. Методологические проблемы исследования. М. : МГУ, 1984. 208 с.
3. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М. : Издательство политической литературы, 1982. 256 с.
4. Битянова М. Р. Социальная психология: учебное пособие. 2-е изд., перераб. СПб. : Питер, 2008, 368 с.
5. Военная психология: методология, теория, практика / Корчемный П. А. [и др.]. М. : Воениздат, 2010. 340 с.
6. Лосев К. В. Психолого-педагогическое обеспечение военно-профессионального обучения в вузах войск национальной гвардии российской федерации / Актуальные проблемы совершенствования психологической работы в системе МВД России (Васильевские чтения – 2017): материалы Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 20 апреля 2017 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 195–200.

References

1. Avdienko G. Ju. Psihologicheskoe obespechenie sluzhebnoj dejatel'nosti. Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. Moscow: Yurayt; 2020. (In Russ.).
2. Doncov A. I. (eds.) Psihologija kolektiva. Metodologicheskie problemy issledovaniya. Moscow: MGU; 1984. (In Russ.).
3. Petrovskij A. V. (eds.) Lichnost'. Dejatel'nost'. Kollektiv. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury; 1982. (In Russ.).
4. Bitjanova M. R. (eds.) Social'naja psihologija. Saint-Petersburg: Peter; 2008. (In Russ.).
5. Korchemnyj P. A. (eds.) Voennaja psihologija: metodologija, teorija, praktika. Moscow: Voenizdat; 2010. (In Russ.).
6. Losev K. V. Psychological and Pedagogical Support of Military Professional Training in Higher Educat. In: Sharanov Ju. A., Ustjuzhanin V. N., Shapoval V. A., Goncharova N. A.. (eds.) Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya psihologicheskoy raboty v sisteme MVD Rossii (Vasil'evskie chtenija 2017): materials of the All-Russian scientific and practical conference, Saint-Petersburg, 20 April 2017. Saint-Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. p. 195–200. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Ю. Авдиенко – кандидат психологических наук, доцент, AuthorID: 629554, SPIN-код: 5046-9196

Статья поступила в редакцию 13.02.2022;
одобрена после рецензирования 18.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

G. Yu. Avdienko – Candidate of Sciences (Psychology), Docent, AuthorID: 629554, SPIN-код: 5046-9196

The article was submitted 13.02.2022;
approved after reviewing 18.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Научная статья
УДК 159.922.63

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКА СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Татьяна Владимировна Маркелова¹, Екатерина Алексеевна Бурова²

¹⁻² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

¹ markelova@fsn.unn.ru

² burova.ekaterina@fsn.unn.ru

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь психологических характеристик эмоциональной устойчивости и адаптационных возможностей сотрудников Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации. Авторами рассматриваются понятия эмоциональной устойчивости с точки зрения различных подходов.

Ключевые слова: стресс-факторы, служебная деятельность, эмоциональная устойчивость, адаптация

Для цитирования: Маркелова Т. В., Бурова Е. А. Психологические характеристики эмоциональной устойчивости сотрудника силовых структур // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 39–42. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/007.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE EMOTIONAL STABILITY OF A LAW ENFORCEMENT OFFICER

Tat'jana V. Markelova¹, Ekaterina A. Burova²

¹⁻² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

¹ markelova@fsn.unn.ru

² burova.ekaterina@fsn.unn.ru

Abstract. The article reveals the relationship between the psychological characteristics of emotional stability and adaptive capabilities of employees of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation. The authors consider the concepts of emotional stability from the point of view of various approaches.

Keywords: stress factors, work activity, emotional stability, adaptation

For citation: Avdienko Markelova T. V., Burova E. A. Psychological characteristics of the emotional stability of a law enforcement officer // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1 (18): 39–42. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/007.pdf>.

© Маркелова Т.В., Бурова Е.А., 2022

Введение

Эмоциональное благополучие личного состава подразделений федеральной службы войск национальной гвардии (Росгвардия) является профессионально значимой задачей. Выделяя эмоциональную устойчивость как профессионально значимое качество сотрудника Росгвардии, следует отметить, что ее изучение способствует выявлению риска дезадаптации личности в стрессо-

вых условиях, в которых протекает служебная деятельность сотрудников.

Основные положения

Характер служебной деятельности отличается от других видов профессиональной деятельности тем, что она протекает в экстремальных условиях. Ю. М. Забродин и В. Г. Зазыкин определяют экстремальные условия как условия, подверженные

постоянному воздействию экстремальных факторов, т. е. стресс-факторов [1]. Стресс-факторы – это неблагоприятные обстоятельства, вызывающие стрессовое состояние. В подобных условиях нередко возникает физическая и психологическая напряженность всех сил человека, что зачастую требует немедленной мобилизации всех его резервов.

Г. Д. Андрияшин, С. Е. Борисова, А. Н. Костина выделяют следующие виды стресс-факторов [2]:

- стрессоры повседневной напряженной профессиональной деятельности;
- стрессоры деятельности в экстремальных условиях;
- стрессоры семейной жизни;
- стрессоры морально-нравственного характера;
- стрессоры социальных условий смешанного происхождения;
- стрессоры кратковременного действия/имеющие длительное действие;
- стрессоры визуально-психического ряда/слухового ряда/осознательно-обонятельного ряда.

Все перечисленные факторы оказывают воздействие на психику сотрудника, что сказывается на результативности служебной деятельности, на общественном порядке и на безопасности гражданского населения. В связи с этим большую значимость имеют психологические характеристики эмоциональной устойчивости сотрудников, т.к. это свойство отвечает за такие качества как уравновешенность, контроль своего поведения в различных ситуациях, контроль внешних проявлений эмоций, эмоциональную зрелость.

В отечественной литературе можно выделить четыре основных подхода к пониманию эмоциональной устойчивости [3]. В первом подходе сущность эмоциональной устойчивости сводится к проявлению воли (Е. А. Мидерян, 1966). Основоположник второго подхода П. Б. Зильберман описывает эмоциональную устойчивость как интегративное свойство личности. Третий подход основан на следующем определении А. И. Плахтненко и Ю. М. Блудова: «... эмоциональная устойчивость – это свойство темперамента, позволяющее надежно выполнять целевые задачи деятельности за счет оптимального использования резервов нервно-психической эмоциональной энергии» [4, с. 11]. Четвертый подход базируется на раскрытии собственно эмоциональных характеристик эмоциональной устойчивости. А. Е. Ольшанникова пишет, что для эмоциональной устойчивости характерно преобладание именно положительных эмоций.

Значение эмоциональной устойчивости заключается в том, что она способствует подавлению возникающих вегетативных сдвигов, а также поддерживает саморегуляцию, направленную на сохранение целесообразного поведения [4].

На основе подходов различных авторов можно сделать вывод, что эмоциональная устойчивость – это свойство эмоциональных состояний и процессов оставаться неподверженными влиянию внутренних и внешних условий деструктивного характера. Это свойство способствует уменьшению отрицательного влияния сильных эмоцио-

нальных воздействий, предупреждает развитие стрессовых реакций, поддерживает готовность к деятельности в напряженных ситуациях, следовательно, является важной составляющей социально-психологической адаптации.

Адаптация представляет собой уровень нервно-психической деятельности, систему отношений, которая определяет адекватное заданным условиям среды поведение личности, ее эффективное взаимодействие с окружающей средой и успешную деятельность без значительного эмоционального напряжения [5]. Одним из важнейших направлений в работе психолога служебной деятельности является психологическое обеспечение процесса адаптации сотрудников к среде и условиям службы.

Личностный адаптационный потенциал (как интегральная характеристика психического развития) представляет собой взаимосвязанные психологические особенности личности, которые определяют успешность адаптации и вероятность сохранения профессионального здоровья [6].

Деятельность сотрудника сопряжена с такими факторами, как высокая степень риска опасности жизни и здоровью, высокий уровень ответственности за результаты выполняемых профессиональных задач, строго регламентированный характер деятельности. Подобный опыт в служебной среде способствует выработке определенных привычек, навыков, установок и моделей поведения, соответствующих регламенту, четко поставленным задачам и целям, характерным для специфики профессиональной деятельности в силовых структурах. В связи с этим сотрудникам Росгвардии, вероятно, тяжелее адаптироваться к новым условиям, не относящимся к силовым ведомствам и не требующим выполнения четко поставленных действий, из-за выработанного опыта эмоциональной зрелости и устойчивости в строго регламентированных условиях.

Важность изучения специфики служебной деятельности, а также сформированных под ее воздействием психологических характеристик эмоциональной устойчивости сотрудников Росгвардии, оказывающих непосредственное влияние на их адаптационные возможности, обусловлена практическими задачами, поставленными перед сотрудниками силовых структур. Знание психологических особенностей процесса адаптации к различным условиям, в том числе и не относящимся к службе, позволяет не только повысить личностный адаптационный потенциал сотрудников, но и существенно улучшить качество выполнения профессиональных решений. В связи с этим целью нашего исследования было изучение психологических характеристик выработанной в служебной среде эмоциональной устойчивости сотрудников Росгвардии и выявление их взаимосвязи с адаптационными возможностями.

Исследование выполнено на базе учебно-научной лаборатории специальной психологической подготовки и экспертизы кафедры общей и социальной психологии факультета социальных наук.

Первая часть исследования была направлена

на изучение психологических характеристик эмоциональной устойчивости сотрудников Росгвардии ($n = 40$). Был осуществлен сбор эмпирических данных с помощью двух психодиагностических методик: методики многостороннего исследования личности Ф. Б. Березина и 16-факторного личностного опросника Р. Б. Кеттелла. В результате было выявлено, что в исследуемой группе сотрудников Росгвардии наблюдается:

- высокий уровень эмоциональной устойчивости, указывающий на то, что сотрудники Росгвардии являются эмоционально устойчивыми, трезво оценивающими действительность, активными, эмоционально зрелыми личностями. Они имеют достаточно высокую работоспособность, что является важным качеством для сотрудника силовых структур. В стрессовой ситуации способны к выбору оптимальной модели поведения и быстро к принятию решения;

- низкий уровень напряженности, что свидетельствует о спокойствии сотрудников, их невозмутимости, а также высокой адаптированности к условиям служебной деятельности;

- средний уровень соматизации тревоги, указывающий на то, что у сотрудников Росгвардии обычный уровень внимания к собственному здоровью: не озабочены до фанатизма состоянием своего здоровья. Они деятельны и энергичны в профессиональной деятельности. При прочих равных условиях способны успешно разрешать возникающие трудности, применяя наиболее адаптивные стратегии поведения;

- средний уровень реализации эмоциональной напряженности в непосредственном поведении, указывающий на то, что сотрудники Росгвардии удовлетворены принадлежностью к определенной группе и своим положением в этой группе, т. е. в служебной деятельности. В конфликтных ситуациях часть сотрудников может вспылить, но не чаще, чем это характерно для большинства других, не занимающих должность в силовых структурах людей.

Вторая часть исследования заключалась в изучении адаптационных способностей сотрудников Росгвардии и установлении корреляционных взаимосвязей уровня адаптации с их эмоциональной устойчивостью. Для изучения личностного адаптационного потенциала сотрудников использовалась психодиагностическая методика Многоуровневого личностного опросника (МЛО) «Адаптивность». Для определения характера взаимосвязи между исследуемыми переменными был проведен корреляционный анализ. С целью установления взаимосвязи между психологическими характеристиками эмоциональной устойчивости и адаптивностью сотрудников Росгвардии нами использовался метод математической статистики непараметрическая ранговая корреляция Спирмена.

Было выявлено, что для группы сотрудников Росгвардии характерна положительная взаимосвязь между:

- Напряженностью и личностным адаптационным потенциалом ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$). Полученные

данные могут указывать на то, что чем ниже уровень личностной напряженности у сотрудников, тем выше наблюдается у них уровень личностного адаптационного потенциала. То есть чем в большей степени сотрудники демонстрирует у себя наличие таких качеств как спокойствие, уравновешенность, сдержанность, нефрустрированность, невозмутимость, тем лучше у них проявляется их адаптационный потенциал. Они легче адаптируются к новым условиям деятельности, а также лучше ориентируются в стрессовых, нестандартных ситуациях, способны к выработке оптимальной модели поведения в тех или иных условиях, не склонны к конфликтам, эмоционально стабильны и устойчивы. Это связано с тем, что при профессиональном отборе в силовые структуры к кандидатам предъявляются высокие требования относительно их нервно-психической и эмоциональной устойчивости. Также с сотрудниками Росгвардии регулярно проводятся психодиагностические и психопрофилактические мероприятия с целью поддержания их эмоционального благополучия и психологического здоровья, что способствует повышению адаптации к условиям служебной деятельности.

- Соматизацией тревоги и личностным адаптационным потенциалом ($r = 0,47$; $p \leq 0,01$). Полученные данные могут указывать на то, что чем выше уровень соматизации тревоги у сотрудников, тем больший уровень личностного адаптационного потенциала у них наблюдается. То есть чем в большей степени сотрудники склонны беспокоиться о своем физическом здоровье, имеют повышенное внимание к собственной персоне, некоторая ригидность их личности, смена уверенности в исходе предстоящего дела, тем в большей степени они склонны адаптироваться к новым условиям и коллективу и быстро вырабатывать стратегию собственного поведения. Это может быть связано с тем, что если человек заботится о своем физическом здоровье, то ему также свойственно беспокойство о собственном психологическом и эмоциональном благополучии, что, возможно, ускоряет адаптацию к тем или иным условиям и повышает ее уровень.

Отрицательная корреляционная связь была установлена между эмоциональной устойчивостью и личностным адаптационным потенциалом ($r = -0,40$; $p \leq 0,01$). Полученные данные могут быть связаны с уже имеющимся длительным опытом профессиональной деятельности в условиях служебной деятельности. Данный опыт способствует выработке определенных привычек, навыков, установок и моделей поведения, соответствующих регламенту, четко поставленным задачам и целям, характерным для специфики профессиональной деятельности в силовых структурах. Сотрудникам Росгвардии тяжелее адаптироваться к новым условиям, не относящимся к силовым ведомствам и не требующим выполнения четко поставленных действий, из-за выработанного опыта эмоциональной зрелости и устойчивости в строго регламентированных условиях.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что психологические характеристики эмоциональной устойчивости сотрудников Росгвардии под действием специфики служебной деятельности влияют на личностный адаптационный потенциал – с повышением уровня эмоциональной устойчивости сотрудников войск национальной гвардии демонстрируется снижение личностного адаптационного потенциала. То есть более эмоционально зрелым лицам, смело смотрящим в лицо фактам, уверенным в себе, постоянным в своих планах и привязанностях, свойственно в большей степени проявлять различные акцентуации, а в конфликтных ситуациях сложнее себя сдерживать.

Полученные результаты могут быть связаны с уже имеющимся длительным опытом профессиональной деятельности под влиянием специфики служебной среды. Данный опыт способствует выработке определенных привычек, навыков, установок и моделей поведения, соответствующих регламенту, четко поставленным задачам и целям, характерным для специфики профессиональной деятельности в силовых структурах. Сотрудникам Росгвардии тяжелее адаптироваться к условиям, не относящимся к силовым ведомствам, не имеющим стрессогенный характер и не требующим выполнения четко поставленных действий, из-за выработанного опыта эмоциональной зрелости и устойчивости в строго регламентированных условиях.

Список источников

1. Забродин Ю. М., Зазыкин В. Г. Психологические проблемы деятельности в особых условиях. М. : Наука, 1985. 232 с.
2. Андришин Г. Д., Борисова С. Е., Костина Л. Н. Психология в деятельности сотрудников ОВД : учебное пособие. Орел : ОрЮИ МВД России, 2006. 93 с.
3. Дьяченко М. И. Психология высшей военной школы. М. : ВПА, 1983. 320 с.
4. Лебедев В. И. Личность в экстремальных условиях. М. : Политиздат, 1989. 303 с.
5. Маклаков А. Г. Психология и педагогика. Военная психология. СПб. : Питер, 2004. 464 с.
6. Долгова В. И., Гольева Г. Ю. Эмоциональная устойчивость личности : монография. М. : Перо, 2014. 173 с.

References

1. Zabrodin Ju. M., Zazykin V. G. *Psychological problems of activity in special conditions*. Moscow: Nauka. 1985. (In Russ.).
2. Andriushin G. D., Borisova S. E., Kostina L. N. *Psychology in the activities of internal affairs officers: a training manual*. Orel: OrJul MVD Rossii. 2006. (In Russ.).
3. D'yachenko M. I. *Psychology of the Higher Military School*. Moscow: Politizdat. 1983. (In Russ.).
4. Lebedev V. I. *Personality in extreme conditions*. Moscow: Politizdat. 1989. (In Russ.).
5. Maklakov A. G. *Psychology and pedagogy. Military psychology*. Sankt-Peterburg: Piter. 2004. (In Russ.).
6. Dolgova V. I., Gol'eva G. Ju. *Emotional stability of personality: monograph*. Sankt-Peterburg: Pero. 2014. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии

Е. А. Бузова – преподаватель кафедры общей и социальной психологии

Статья поступила в редакцию 17.01.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикаций. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

T. V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent, Head of the Department of General and Social Psychology

E. A. Burova – Lecturer of the Department of General and Social Psychology

The article was submitted 17.01.2022;
approved after reviewing 15.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Научная статья
УДК 159.98

ПОНЯТИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сергей Борисович Пашкин¹, Светлана Юрьевна Гончарова²

¹⁻² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ sergejppashkin@mail.ru

² sweta329@yandex.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты теоретического анализа исследований отечественных и зарубежных психологов по проблеме удовлетворенности трудом персонала организации в профессиональной деятельности. Целью статьи выступает историко-психологический обзор концепций удовлетворенности трудом в период с начала XX века и до современности. Отмечается необходимость осуществления психологической диагностики данного процесса в различных организациях.

Ключевые слова: психология, персонал организации, профессиональная деятельность, удовлетворенность трудом, мотивация

Для цитирования: Пашкин С. Б., Гончарова С. Ю. Понятие удовлетворенности трудом в психологических исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 43–49. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/008.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

THE CONCEPT OF JOB SATISFACTION IN PSYCHOLOGICAL RESEARCH

Sergej B. Pashkin¹, Svetlana Ju. Goncharova²

¹⁻² The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ sergejppashkin@mail.ru

² sweta329@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a theoretical analysis of the research of domestic and foreign psychologists on the problem of satisfaction with the work of the organization's personnel in professional activity. The purpose of the article is a historical and psychological review of the concepts of job satisfaction in the period – the beginning of the twentieth century and up to the present. The necessity of psychological diagnostics of this process in various organizations is noted.

Keywords: psychology, organization personnel, professional activity, job satisfaction, motivation

For citation: Pashkin S. B., Goncharova S. Ju. The concept of job satisfaction in psychological research // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 43–49. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/008.pdf>.

© Пашкин С.Б., Гончарова С.Ю., 2022

Введение

В истории психологии труда проблематика удовлетворенности трудом исследуется с начала XX века. Не только психологи, но и политические деятели рекомендовали изучать «тейлоризм», как источник повышения производительности труда и одновременно рассматривали эту сторону трудовой деятельности как самоценную [1].

Значительный вклад в тему удовлетворенности

принадлежи Ф. Тейлору, который полагал, что исключительно сторона размера оплаты является мотивирующим фактором для повышения успешности деятельности, социально-психологические факторы, влияющие на удовлетворенность трудом, автором отвергались. В этот же период Э. Мэйо в 20-е годы XX в. в своей теории уделяет внимание социально-психологическим факторам удовлетворенности

трудом. В первые годы советской власти изучение их опыта не привело к каким-то существенным изменениям в организации трудового процесса, однако в психологических институтах Москвы и Петрограда (Ленинграда) данная проблематика исследовалась в коллективах ученых [1].

На протяжении столетия отношение к проблеме удовлетворенности трудом рассматривалось в рамках деятельностного, системного, личностного и др. подходов, но, поскольку менялся сам социум, а в дальнейшем и социально-экономический строй, единой точки зрения так и не появилось. Цель данной статьи состоит в выяснении теоретических аспектов проблеме удовлетворенности трудом персонала организации в профессиональной деятельности.

Основные положения

Важным для понимания психологического механизма удовлетворенности трудом было первоначальное отождествление, приравнивание по своему значению понятий мотив и стимул, только в дальнейшем появилось их разделение. Отмечая вклад Ф. Херцберга, целесообразно обратить внимание на то, что он уделял значительное внимание интересу к работе, как важнейшему фактору удовлетворенности трудом. В теории Ф. Херцберга утверждается, что наибольшее удовлетворение от работы достигается, когда работник имеет цель и может достичь желаемой цели, когда реализуется его потребность в признании, и присутствует возможность профессионального роста. Также важно, что Ф. Херцберг разделил компоненты рабочей среды на две категории – категорию мотиваторов и категорию гигиенических факторов, полагая, что удовлетворенность трудом могут повысить только мотиваторы [2; 3].

Одной из знаковых моделей удовлетворенности трудом является модель рабочих характеристик, которую представили Дж. Хакман и Р. Олдхам. Ученые опирались на ключевые моменты теории Ф. Херцберга. Их модель учитывает и репрезентирует не только внутреннюю мотивацию и высокую продуктивность, но и шесть других характеристик:

- 1) наличие личностной значимости выполняемых задач;
- 2) автономия;
- 3) присутствие обратной связи;
- 4) осмысленности работы;
- 5) ответственность за результат;
- 6) возможность увидеть результаты своей работы.

Важно отметить, что авторы опираются на общепсихологические базовые потребности личности в автономии, компетентности и связанности [4].

Таким образом, в данной теории вопрос удовлетворенности трудом решается через формирование внутренней мотивации личности. В современных исследованиях понимание удовлетворенности трудом значительно шире.

В рамках теории потребностей получили несколько подходов к удовлетворенности трудом, которые можно обобщить следующим образом:

- источник удовлетворенности – возможность

достижения с помощью работы значимых для человека целей;

- удовлетворенность трудом возникнет при отсутствии диссонанса между тем, каковы актуальные потребности человека, и каковы те возможности, которые предоставляет ему работа;

- удовлетворенность и неудовлетворенность трудом могут иметь различные источники;

- источник удовлетворенности трудом всегда находится в характеристиках профессиональной деятельности [5]–[9].

Представляет значимость подход к удовлетворенности трудом в рамках теории В. Врума [10]. Автор основывается на том, что нельзя приравнивать неудовлетворенность трудом к неудовлетворенным потребностям индивида. Мотиватор деятельности не столько удовлетворение потребности, сколько понимание, что выбранная модель поведения приводит к удовлетворению потребностей. Удовлетворенность трудом, по мнению автора, – это специфическое психологическое состояние человека, истоки которого лежат в оценке своей работы, степени реализации собственных потребностей. Поэтому удовлетворенность трудом – субъективный показатель, сугубо индивидуальный для каждого. Удовлетворенность трудом, таким образом, находится в прямой зависимости от внутренних мотивов каждого человека, от внутренней системы его ценностей, которые могут лежать в разных плоскостях: оплаты труда, общения, признания и т. п. Это отмечают и современные авторы [11]–[14].

А. Бюссинг предлагает динамическую концепцию удовлетворенности трудом. Согласно данной теории, удовлетворенность является результатом сочетания ожиданий, потребностей и мотивов, а также зависит от рабочей ситуации. Это означает, что для удовлетворенности трудом недостаточно хороших условий труда. Важно, чтобы была удовлетворена ведущая потребность личности. Их этого факта автор делает вывод, что важно проводить исследования удовлетворенности сотрудников на каждом конкретном предприятии, чтобы иметь возможность удовлетворить потребности своих сотрудников [15].

Показатель удовлетворенности трудом входит в состав системы сбалансированных показателей организации Р. С. Каплана и Д. П. Нортон [16]. Авторы рассматривают три показателя, описывающие кадровое положение компании. К таким показателям относится удовлетворенность трудом, наряду с отсутствием текучести кадров, эффективности работников. Представленные показатели тесно взаимосвязаны друг с другом. Место удовлетворенности трудом в системе сбалансированных показателей отражает достижение удовлетворенности личности как одного из условий повышения производительности труда и качества обслуживания.

Ученый М. Тембисы Цын [17] описала четырехкомпонентную структуру удовлетворенности трудом:

- 1) физическая заинтересованность, к которой относится содержание выполняемой деятельно-

сти, заработная плата, условия труда и система бонусов;

2) психологическая заинтересованность, к которой относятся эмоции и ощущения, связанные с работой, безопасностью труда, ощущение признания личного вклада, характеристики рабочей среды;

3) политическая или социальная заинтересованность, охватывающая желание сотрудников участвовать в профсоюзах;

4) заинтересованность сотрудников в персональном развитии, к которой относится наличие и доступность обучающих программ, присутствие инноваций и новейших исследований.

Можно сделать вывод о том, что полная удовлетворенность будет присутствовать в том случае, если будут реализованы все четыре заинтересованности.

Д. Пельц и Ф. Эндрюс [8] описывают 13 факторов удовлетворенности трудом, среди которых соответствие квалификации работника выполняемой работе, возможность роста, должностного и квалификационного, уровень зарплаты, отношение руководства и др.

Л. Джуэл [18] удовлетворенность трудом определяет как психологический феномен, который очень значим для профессионального поведения человека. То, насколько человек удовлетворен трудом, зависит от особенностей восприятия человеком своего труда. Не то, каковы объективные характеристики труда, оказывает влияние на удовлетворенность трудом, а то, как их воспринимает человек. Автор делает акцент на том, как соотносятся вложения сотрудника и результаты, которые он получает, а также на том, что человек сравнивает свои вложения и результаты с вложениями и результатами других людей.

Исследователь Л. С. Бляхман [19] считает, что удовлетворенность трудом - это уровень соответствия между тем, какие есть требования у работника к условиям труда, и тем, насколько реальные условия труда отвечают этим требованиям или расходятся с ними.

Л. С. Бляхман [19] выделяет и отдельно описывает общую и частичную удовлетворенность трудом, а также разделяет удовлетворенность профессией и удовлетворенность трудовой ситуацией. По мнению автора, общая удовлетворенность трудом – оценочная характеристика обобщающего характера.

Частная удовлетворенность более конкретна, и описывает удовлетворенность частными составляющими трудовой деятельности. В качестве примера разновидностей частной удовлетворенности трудом автор приводит удовлетворенность выбором профессии, удовлетворенность выбранной организацией.

Удовлетворенность профессией подразумевает определенное отношение к собственной специальности. Низкая удовлетворенность профессией имеет такие последствия как текучесть кадров, когда человек кардинально меняет выбранную ранее профессию.

Удовлетворенность трудовой ситуацией имеет

отношение к характеристикам содержания труда, то насколько деятельность разнообразна, насколько она позволяет выразить имеющиеся знания, а также то, в какой степени организация труда соответствует высокому уровню. Среди характеристик организации труда выделяют качество и новизну оборудования, качество и регулярность обслуживания рабочих мест, характер рабочей нагрузки, присутствие возможности разделить с кем-то обязанности. Удовлетворенность трудовой ситуацией означает соблюдение санитарно-гигиенических требований, объем и соразмерность физической и психологической нагрузки, уровень оплаты труда, присутствие форм стимулирования и мотивации сотрудников и т. д.

По мнению Л. С. Бляхмана, удовлетворенность трудом детерминирована тремя видами факторов:

- то, сколько реально сотрудник работает, и сколько он получает оплату, в материальном и психологическом смыслах;

- то, сколько работают и получают в материальном и психологическом смыслах в организациях, являющихся желаемыми образцами для человека;

- то, насколько сотрудник информирован об условиях труда и уровне оплаты на предприятиях, являющихся для него образцом.

Последний пункт имеет наибольшую значимость для личности [20; 17].

К. Замфир [21] отталкивается в понимании удовлетворенности трудом от понимания места самого труда в жизнедеятельности человека, от индивидуальной значимости труда.

Удовлетворенность трудом – своеобразный индикатор того, в какой степени потребности и мотивы человека находят выражение в конкретной трудовой деятельности. Степень удовлетворенности во многом детерминирована характеристиками трудовой деятельности, содержательными и организационными. Так же удовлетворенность трудом определяется выраженностью и характером внутренней мотивации человека. Удовлетворенность трудом сложный показатель, сложный по своей детерминации. Например, монотонная работа никогда не сможет принести чувства удовлетворенности, в то же время изменение только характеристики монотонности не сможет стопроцентно повысить уровень удовлетворенности трудом, если у сотрудника отсутствует внутренняя мотивация. Таким образом, удовлетворенность трудом – комплексный показатель, сочетающий внешние и внутренние факторы [20]–[23].

А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов [24] описывают удовлетворенность трудом как представление, обладающее характеристиками эмоциональной окрашенности, оценочности, и относится к результату своего труда, процессу труда и условий труда. Авторы пишут, что удовлетворенность работой и результаты труда взаимозависимы: удовлетворенность отражается на результатах труда и, наоборот, результаты труда оказывают влияние на степень удовлетворенности им.

В этом выражается двойственный характер удовлетворенности трудом.

Российский автор И. М. Попова [25] рассматривает удовлетворенность трудом как эмоциональное явление. В своих исследованиях автор отмечает, что «подлинная удовлетворенность» означает именно переживание эмоции удовольствия, а переживание неудовлетворенности характеризуется ощущением вынуждения. Вынуждение означает осознание, что актуальная работа является приемлемым вариантом, а не вынужденным вариантом. Роль эмоций в трудовой деятельности и удовлетворенности трудом огромна. Чем ниже удовлетворенность содержанием, процессом и результатом своей профессиональной деятельности, тем значительнее у них проявляются симптомы эмоционального выгорания. В то же время позитивные эмоции, получаемые на работе, способствуют удовлетворенности от нее. В профессиональной деятельности человеку свойственно испытывать определенные эмоциональные состояния. Специфика видов эмоциональных состояний в профессиональной деятельности связана составляющими трудовой деятельности: присутствием цели, временными ограничениями, определенным информационно – материальным обеспечением. В профессиональной деятельности человек чаще всего испытывает специфические состояния, которые как обусловлены трудом, так и оказывают на него влияние: состояние утомления, напряженности, тревожности, стресса, состояния отсутствия мотивации, а также состояние функционального комфорта и индифферентное состояние.

Удовлетворенность трудом в контексте психологической концепции профессионального становления и реализации личности Ю. П. Поваренкова рассматривается как составляющая профессиональной идентичности человека, которая должна рассматриваться как определенный этап пути профессионализации личности. С точки зрения динамики профессионального становления личности, удовлетворенность трудом выступает важнейшим критерием профессионализации [9].

Т. Ю. Иванова, Е. И. Рассказова, Е. Н. Осин [22] понимают удовлетворенность трудом как непреложное условие развития профессионального самосознания. Удовлетворенность трудом рассматривается во взаимосвязи с вопросами мотивации, а так же выступает как ведущих ресурс личности в профессиональной деятельности. Удовлетворенность сотрудников трудом выступает важной не только на уровне личности, но и на уровне предприятия, обеспечивая возможность его функционирования.

Авторы выделяют три группы компонентов удовлетворенности трудом:

1. Компоненты социального плана.

К социальным компонентам можно отнести характерные для каждого конкретного общества представления и стереотипы в отношении качества условий труда, а также степень престижности организации и профессии.

2. Компоненты, относящиеся к организации.

К внутриорганизационным компонентам можно отнести удовлетворенность оплатой труда, условиями труда, отношением руководства и взаимоотношениями с коллективом. Внутриорганизационные факторы подразделяются на технические условия труда и особенности организации рабочего процесса. К техническим характеристикам относятся соответствие санитарным нормам, наличие необходимых материалов и оборудования. К характеристикам рабочего процесса относятся преподнесений должностных обязанностей: их однозначность, четкость и понятность.

3. Компоненты личностного плана.

Личностные компоненты дифференцируются на два типа: актуальные (уже имеющиеся) и потенциальные (те перспективы, которые может предоставить организация для сотрудника могут быть доступны в работе, перспективы личностного развития и самореализации, перспективы карьерного роста).

Удовлетворенность трудом затрагивает все вышеописанные уровни, в этом отражается многоаспектность данного понятия, и его многозначность [9; 14; 19].

А. И. Смирных [26] удовлетворенность работой анализирует в одном ряду с функциями полезности и счастья.

Существует группа теорий удовлетворенности трудом, которая центральным понятием делает понятие «труд», поскольку именно труд создает общество как систему взаимодействия людей. Именно разделение труда лежит в основе общественных отношений.

Большое распространение и разработанность получило направление, в котором труд выступает в первую очередь как средство удовлетворения потребностей. В данном подходе в теорию удовлетворенности трудом стали включены понятия «потребность», «мотив», «установка», «отношение».

В отечественной психологической науке под мотивом подразумевается осознаваемая потребность (А. Г. Ковалев), предмет потребности (А. Н. Леонтьев), или сама потребность (П. С. Симонов) [2].

Х. Хекхаузен [27] разделяет понятие мотив и мотивация следующим образом. В состав мотива входят такие компоненты, как потребность, побуждение, влечение, склонность, стремление и т. д. Мотив напрямую зависит от целевого состояния отношения «индивид-среда». Принято выделять множество разных мотивов, столько же, сколько существует вариантов или типов отношений «индивид-среда».

Процесс зарождения мотивов происходит именно в ходе индивидуального развития человека, сами мотивы представляют собой относительно устойчивые отношения человека к окружающей среде, которые имеют оценочный характер. Люди различны по своим индивидуальным проявлениям (характеру, силе) тех или иных мотивов. Так же разные люди характеризуются различными соподчиненными группами (иерархии) мотивов [4; 7].

В структуре мотива выделяют специфическую, индивидуально-неповторимую часть, детермини-

руемую конкретной ситуацией, и устойчивую часть, для которого данный конкретный предмет или явление не более чем одна из возможных форм воплощения. С. Л. Рубинштейн полагает, что свойства характера представляют собой тенденции, побуждения, мотивы, закономерно появляющиеся у конкретного человека при однородных условиях. С. Л. Рубинштейн в понимании свойств характера опирался именно на мотивы [11].

Е. В. Селезнева приравнивает удовлетворенность трудом к удовлетворенности социальным статусом [28].

Удовлетворенность трудом может быть различного уровня выраженности: быть низкой, средней и высокой.

В отношении функций удовлетворенности трудом, важно сказать, что управление организационным поведением возможно через удовлетворенность трудом. Удовлетворенность трудом выполняет роль стимулирования и подкрепления в отношении организационных установок людей. Кроме этого, удовлетворенность трудом выступает как критерий того, в какой степени человек освоил свою роль в организации. Важной функцией удовлетворенности трудом является функция определения персонального развития сотрудника в организации [11].

В данной работе удовлетворенность трудом понимается согласно определению А. В. Батаршева

[29] как показатель интегративного плана, отражающий благополучие или неблагополучие личности в его профессиональной деятельности.

Заключение

Мотивация оказывает детерминирующее влияние на деятельность человека, она включена практически во все сферы психической деятельности [17; 18].

Важное место в структуре мотивационной сферы принадлежит потребностям. Потребность – некое состояние нужды человека в конкретных условиях, которые ему нужны для нормального существования и развития, но которые отсутствуют. Таким образом, потребностью называется образ нужды, но она также является состоянием личности, которое характеризуется неудовлетворенностью, связанной с дефицитом необходимых ресурсов. Ведущими характеристиками потребностей являются сила потребности, периодичность возникновения потребности и способ удовлетворения потребности. Характеристикой дополнительного ряда является предметное содержание потребности. Предметное содержание потребности – совокупность конкретных объектов материальной и духовной культуры, которые могут удовлетворить данную потребность.

Исходя из данного понимания, удовлетворенность трудом означает то, как личность оценивает уровень насыщения собственных потребностей, который может предложить данное место работы.

Список источников

1. История советской психологии труда. Тексты (20–30-е годы XX века) / под. ред. В. П. Зинченко, В. М. Мунипова, О. Г. Носковой. М. : Изд-во Московского ун-та, 1983. 358 с.
2. Пашкин С. Б., Медведева Л. В. Результаты исследования удовлетворенности трудом и эмоционального выгорания у служащих // Природные и техногенные риски (физико-математические и прикладные аспекты). 2021. № 3 (39). С. 39–50.
3. Пашкин С. Б., Мозеров С. А., Мозерова Е. С. Проблемы трудовой мотивации в профессиональной и служебной деятельности // Актуальные проблемы военно-научных исследований: сборник научных трудов / под ред. В. Б. Коновалова. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 400–407.
4. Пашкин С. Б., Мозеров С. А., Мозерова Е. С. Зависимость удовлетворенности трудом персонала организации от стажа профессиональной деятельности // Актуальные проблемы военно-научных исследований. 2021. № 6 (18). С. 367–382.
5. Вечерин А. В. Субъективные факторы удовлетворенности трудом сотрудников организации в зависимости от стажа работы // Психология. 2016. Т. 8. № 2. С. 96–111.
6. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие. М. : Юрайт, 2021. 299 с.
7. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
8. Пельц Д., Эндриус Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований в организациях. М. : Прогресс, 1972. 472 с.
9. Поварёнков Ю. П. Системогенетический анализ профессионального развития личности // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 4–39.
10. Vroom V. H. Work and motivation. New York: Wiley, 1964. 331 p.
11. Рогов Е. И. Выбор профессии: Становление профессионала. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 336 с.
12. Соломанидина Т. О., Соломанидин В. Г. Мотивация трудовой деятельности персонала. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 312 с.
13. Трапицын С. Ю. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. Ю. Трапицын, А. П. Панфилова, Г. А. Волковицкая [и др.]. М. : Юрайт, 2017. 315 с.
14. Харский К. Благонадежность и лояльность персонала. СПб. : Питер, 2017. 496 с.
15. Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. СПб. : Питер, 2002. 1200 с.
16. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2003. 210 с.

17. Милибанд С. Д. Востоковеды России (XX – начало XXI века): биобиблиографический словарь: в 2-х кн. М. : Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2008. 990 с.
18. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология / Линда Джуэлл; [Пер. с англ. Н. О. Малыгина, С. Е. Рысев]. 4. изд., междунар. СПб. : Питер, 2001. 709 с.
19. Бляхман А. С. Глобальные, региональные и национальные тенденции развития экономики России в XXI веке: избранные труды. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2016. 96 с.
20. Дэвид Д., Джери Дж. Удовлетворенность трудом // Большой словарь по социологии [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/udovletvorenost-trudom> (дата обращения: 16.12.2021).
21. Замфир К. Удовлетворенность трудом: мнение социолога. [Пер. с рум.] / Кэтэлин Замфир; [Вступ. ст. А. Д. Мазылу, И. Т. Левыкина]. М. : Политиздат, 1983. 142 с.
22. Иванова Т. Ю., Рассказова Е. И., Осин Е. Н. Структура и диагностика удовлетворенности трудом: разработка и апробация методики // Организационная психология. 2021, Т. 2, № 3. С. 2–15.
23. Крылов А. А. Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учебное пособие / А. А. Крылов, С. А. Маничев [и др.]. СПб. : Питер, 2000. 560 с.
24. Здравомыслов А. Г., Ядов В. А. Человек и его работа в СССР и после : учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект-пресс, 2003. 484 с.
25. Липатова А. Е. Удовлетворенность трудом как социологическая категория многообразие подходов к интерпретации удовлетворенности трудом в социологии и менеджменте // Аспирант: Южный университет (ИУБиП). 2015. № 9. С. 63–66.
26. Смирных Л. И. Удовлетворенность работой на российском рынке труда. URL: <https://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-14.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
27. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность [Пер. с нем.] / Под ред. Б.М. Величковского: Предисл. Л. И. Анцыферовой, Б. М. Величковского. М. : Педагогика, 1986. Т. 1. 408 с.
28. Селезнева Е. В. Общие характеристики удовлетворенности трудом служащих таможенных органов / Е. В. Селезнева, Ю. Е. Романенко // Акмеология: электронный журнал. [2014]. URL: <https://acmeology.elpub.ru/jour/article/view/593#> (дата обращения: 16.12.2021).
29. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учебное пособие. М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. 339 с.

References

1. Zinchenko V. P. , Munipov V. M. , Noskova O. G. (eds.) *History of the Soviet psychology of work. Texts (20–30s of the XX century)*. Moscow: Moscow University Press; 1983. (In Russ.).
2. Pashkin S. B., Medvedeva L. V. The results of the study of job satisfaction and burnout among employees. *Natural and technogenic risks (physical, mathematical and applied aspects)*. 2021;3(39): 39–50. (In Russ.).
3. Pashkin S. B., Mozerov S. A., Mozerova E. S. Problems of labor motivation in professional and service activities. In: Konovalov V. B. (eds.) *Actual problems of military scientific research: a collection of scientific papers*. Saint-Petersburg: POLITEH-PRESS; 2019. p. 400–407. (In Russ.).
4. Pashkin S. B., Mozerov S. A., Mozerova E. S. The dependence of job satisfaction of the organization's personnel on the length of professional activity. *Actual problems of military scientific research*. 2021;6(18): 367–382. (In Russ.).
5. Vecherin A. V. Subjective factors of job satisfaction of employees of the organization, depending on the length of service. *Psychology*. 2016;8;2: 96–111. (In Russ.).
6. Vodop'janova N. E., Starchenkova E. S. (eds.) *Burnout Syndrome. Diagnosis and Prevention: A Practical Guide*. Moscow: Jurajt; 2021. (In Russ.).
7. Il'in E. P. (eds.) *Motivation and motives*. Saint-Petersburg: Piter; 2002. (In Russ.).
8. Pel'c D., Jendrijus F. (eds.) *Scientists in organizations. On optimal conditions for research in organizations*. Moscow: Progress; 1972. (In Russ.).
9. Povarjonkov Ju. P. System genetic analysis of professional development of a personality. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work*. 2017;2;4: 4–39. (In Russ.).
10. Vroom V. H. (eds.) *Work and motivation*. New York: Wiley, 1964.
11. Rogov E. I. (eds.) *Choice of profession: Becoming a professional*. Moscow: VLADOS-PRESS; 2003. (In Russ.).
12. Solomanidina T. O., Solomanidin V. G. (eds.) *Motivation of labor activity of personnel*. Moscow: JuNITI-DANA; 2017. (In Russ.).
13. Panfilova A. P. , Volkovickaja G. A. Volkovickaja, Trapicyn S. Ju. (eds.) *Motivation and stimulation of labor activity: textbook and workshop for academic baccalaureate*. Moscow: Jurajt; 2017. (In Russ.).
14. Harskij K. (eds.) *Reliability and loyalty of staff*. Saint-Petersburg: Piter; 2017. (In Russ.).
15. Pul M. , Uorner M. (eds.) *Human Resource Management*. Saint-Petersburg: Piter; 2002. (In Russ.).
16. Kaplan R. S., Norton D. P. (eds.) *Balanced Scorecard: From Strategy to Action*. Moscow: ZAO «Olimp-Biznes»; 2003. (In Russ.).

17. Miliband S. D. (eds.) *Orientalists of Russia (XX - beginning of the XXI century): bio-bibliographic dictionary: in 2 books*. Moscow: Izd. firma «Vostochnaja literatura RAN»; 2008. (In Russ.).
18. Jewell L. (eds.) *Industrial-organizational psychology: textbook*. Saint-Petersburg: Piter; 2001.
19. Bljahan L. S. (eds.) *Global, Regional and National Trends in the Development of the Russian Economy in the 21st Century: Selected Works*. Saint-Petersburg: SPbGU; 2016. (In Russ.).
20. David D., Jerry J. Job satisfaction. In: *Big Dictionary of Sociology*. Available from: <http://voluntary.ru/dictionary/567/word/udovletvorenost-trudom> [Accessed 16th December 2021].
21. Zamfir K. (eds.) *Job satisfaction: the opinion of a sociologist*. Moscow: Politizdat; 1983. (In Russ.).
22. Ivanova T. Ju., Rasskazova E. I., Osin E. N. Structure and diagnostics of job satisfaction: development and testing of methodology. In: *Organizational psychology*. 2021;2;3: 2–15. (In Russ.).
23. Krylov A. A., Manichev S. A. (eds.) *Workshop on General, Experimental and Applied Psychology: textbook*. Saint-Petersburg: Piter; 2000. (In Russ.).
24. Zdravomyslov A. G., Jadov V. A. (eds.) *Man and his work in the USSR and after: textbook*. Moscow: Aspekt-press; 2003. (In Russ.).
25. Lipatova A. E. Job satisfaction as a sociological category Variety of approaches to interpreting job satisfaction in sociology and management. *PhD Student: Southern University*. 2015;9: 63–66. (In Russ.).
26. Smirnyh L. I. Satisfaction with work in the Russian labor market. Available from: <https://www.vestnik.vsu.ru/pdf/econ/2009/02/2009-02-14.pdf> [Accessed 18th January 2022].
27. Hekhaizen H., Velichkovskij B.M. (eds.) *Motivation and activity*. Moscow: Pedagogy; 1986. (In Russ.).
28. Selezneva E. V., Romanenko Ju. E. General Characteristics of Job Satisfaction of Customs Officials. *Acmeology: electronic journal*. Available from: <https://acmeology.elpub.ru/jour/article/view/593#> [Accessed 16th December 2021].
29. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manujlov G. M. (eds.) *Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups: textbook*. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychotherapy; 2002. (In Russ.).

Информация об авторах

С. Б. Пашкин – доктор педагогических наук, профессор

С. Ю. Гончарова – аспирант

Статья поступила в редакцию 03.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикаций. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

S.B. Pashkin – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

S.Yu. Goncharova – Postgraduate

The article was submitted 03.02.2022;
approved after reviewing 15.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГОНОМИКА

Научная статья
УДК 159.922.2

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (СОТРУДНИКОВ) ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексей Владимирович Шленков

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 33366610@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4649-1717>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблемы развития эмоционального выгорания военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации в процессе выполнения профессиональных обязанностей. Приведены факторы профессиональной деятельности, приводящие к развитию эмоционального выгорания военнослужащих (сотрудников). Рассмотрены профессионально важные качества военнослужащих (сотрудников), препятствующие развитию эмоционального выгорания и профессиональных деструктивных поведений.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональное деструктивное поведение, сотрудник, военнослужащий, профессионально важные качества

Для цитирования: Шленков А. В. Факторы, влияющие на эмоциональное выгорание военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 50–57. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/009.pdf>.

WORK PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

Original article

FACTORS AFFECTING THE EMOTIONAL BURNOUT OF MILITARY PERSONNEL (EMPLOYEES) OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey V. Shlenkov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, 33366610@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4649-1717>

Abstract. The article is devoted to the consideration of the problem of the development of emotional burnout of servicemen (employees) of the National Guard Troops of the Russian Federation in the process of performing professional duties. The factors of professional activity leading to the development of emotional burnout of military personnel (employees) are given. Professionally important qualities of military personnel (employees) preventing the development of emotional burnout and professional destructive behaviors are considered.

Keywords: emotional burnout, professional destructive behavior, employee, soldier, professionally important qualities

For citation: Shlenkov A. V. Factors affecting the emotional burnout of military personnel (employees) of the National Guard Troops of the Russian Federation // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 50–57. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/009.pdf>.

© Шленков А.В., 2022

Введение

Жизнь большинства граждан любого государства связана с профессиональной деятельностью и выполнением профессиональных обязанностей. К сожалению, профессиональная деятельность занимает значительный отрезок нашего жизненного пути и от её эффективности может зависеть материальное благополучие гражданина, его удовлетворенность деятельностью. Часто даже одна профессия в разных регионах Российской Федерации по-разному оказывает влияние на организм и, в частности, на психическую сферу человека, предъявляя к нему различные требования в осуществлении самой профессиональной деятельности. Такие факторы, как социальная среда, климатические особенности региона, профессиональные особенности при осуществлении профессиональной деятельности, а также организации со своей спецификой, оказывают на сотрудника определенное влияние. Их можно назвать первичными факторами. Немаловажное значение имеют дополнительные или вторичные факторы, связанные с осуществлением профессиональной деятельности, которые проявляются не сразу, а в процессе прохождения профессионального пути. Такими факторами могут являться внутрисемейные конфликты, возникающие из-за уменьшения времени, уделяемого сотрудником семье в результате углубления в профессиональную деятельность, длительные или частые командировки, ревность супругов, вовлечение в общение внутри профессионального коллектива. Результатом конфликтов является потеря общих тем для общения супругов.

По другой классификации можно выделить следующие группы факторов профессиональной деятельности:

1. Физические и эргономические:

- эргономические: неудобная форменная одежда и обувь, стесненные движения из-за средств индивидуальной защиты, особенности их применения в усложненных условиях профессиональной деятельности при решении профессиональных задач;

- физические: необходимость ношения тяжелого оружия и боеприпасов, ношение средств индивидуальной защиты длительное время и др. Эта группа факторов подразумевает необходимость использовать значительную физическую силу и проявлять физическую выносливость при решении профессиональных задач, наличия навыков использования сложно-координационных движений, гибкости тела при выполнении ударов, захватов, удержаний противника, при недопущении правонарушений со стороны гражданского населения и т. д.

2. Психофизиологические – режим труда и отдыха (12 часов в сутки через трое, ненормированный рабочий день, неожиданные вызовы вне рабочего времени, усиления при возникновении внештатных ситуаций).

3. Психологические – потребность развития профессионально-важных качеств, часто не соответствующих врожденным личностным особенностям.

Необходимость в короткие сроки мобилизовать большое количество физических сил для выполнения профессиональных задач (при выполнении задержания или противодействии группе лиц при совершении правонарушений). На фоне старения организма существует потребность в постоянном профессиональном совершенствовании и выработке новых профессиональных качеств, умений, мобилизации усилий для решения поставленных профессиональных задач.

4. Социально-психологические – эмоционально-волевая устойчивость сотрудника к влиянию окружающих социальных факторов, идущих в разрез с требованиями профессиональной деятельности (мнения окружающих людей, семьи, родственников, недопущения протекционизма и коррупционных действий), суггестивное влияние СМИ или граждан, являющихся объектами профессиональной деятельности, способность противостоять большому количеству агрессивно настроенных людей, верность профессиональному долгу.

Основные положения

Специалисты совершенно различных профессий экстремального профиля деятельности (военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудники полиции, сотрудники пожарно-спасательных подразделений, летчики, подводники и т. д.) осуществляют профессиональную деятельность в условиях риска для жизни и собственного здоровья. Это агрессивная окружающая среда, проявляющаяся в значительных психических, физиологических и физических перегрузках. Условия их профессиональной деятельности называются «профессиональной деятельностью в кризисных ситуациях», «особыми условиями профессиональной деятельности», «деятельностью в условиях стрессовых нагрузок», «экстремальными условиями профессиональной деятельности» [1; 2]. Рядом авторов: Е. А. Климов [3] В. А. Маришук, В. И. Евдокимов [4], В. Ю. Рыбников, Е. Н. Ашанина [5], Ю. С. Шойгу [6] и др. отмечено, что представители данных профессий сталкиваются с непредсказуемостью ситуаций, источником которых могут служить социальные, техногенные, политические и климатические процессы.

Остановимся на профессиональной деятельности, относящейся к типу человек-человек, а именно, к системе исполнительной власти, направленной на охрану правопорядка и объектов, носящих государственное значение. Деятельность войск национальной гвардии регламентирована требованиями законов, инструкций, распоряжений. В их профессиональной деятельности происходит взаимодействие с различными слоями населения, где часто имеют место асоциальные установки, обнаруживаются интересы других стран, проявляется незрелость в развитии личности и её установок.

Материалы и методы

Задачи войск национальной гвардии Российской Федерации можно разделить на две

основополагающие:

1) участие в охране общественного порядка, обеспечение общественной безопасности;

2) охрана важных государственных объектов, специальных грузов, сооружений, коммуникаций в соответствии с перечнями, утвержденными Правительством Российской Федерации.

Исходя из выше сказанного, к сотрудникам войск национальной гвардии предъявляются особые требования, входящие в структуру их профессиональных обязанностей. К ним можно отнести:

- наличие определенного профессионального уровня, проявляющегося в знании нормативно-правовых актов, регламентирующих их профессиональную деятельность, в физической подготовке, во владении навыками рукопашного боя, холодным и огнестрельным оружием;

- наличие навыков коммуникации с различными слоями населения в различных ситуациях и под воздействием различных эмоциональных состояний;

- уровень развития нервно-психической устойчивости военнослужащего (сотрудника);

- морально-нравственные качества военнослужащего (сотрудника), лежащие в основе социальных норм поведения и правовых ориентаций.

В связи с социальными преобразованиями общества и изменениями межгосударственных взаимодействий, происходит смещение ценностных ориентаций граждан, тем более молодежи. Появляется необходимость модернизировать и корректировать патриотическую работу, смещать акценты в воспитательной работе с сотрудниками на соблюдение законности в профессиональной и повседневной жизни, на недопущение коррупционных проявлений в любой из сфер деятельности, на поддержание служебной дисциплины.

Здесь немаловажно отметить важность мотивационной составляющей в профессиональной деятельности, направленной на:

- следованию закону и служебному, профессиональному долгу;

- готовность к саморазвитию и физическому совершенствованию,

- повышение своего мастерства в профессиональной деятельности в соответствии с нормативными документами, регламентирующими профессиональную деятельность.

Результаты

Развитые профессионально-важные качества в профессиональной деятельности военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, как и любых других представителей экстремального профиля деятельности, влияют на эффективность самой профессиональной деятельности и профессиональное долголетие военнослужащих (сотрудников). Слабо развитые профессионально-важные качества не позволяют военнослужащему в полном объеме с высоким качеством выполнять возложенные на него обязанности. Сюда можно добавить необходимость постоянного самосовершенствования на фоне возрастных изменений, накопившуюся психоло-

гическую усталость от постоянного выполнения возложенных обязанностей. Высокая мотивация в профессиональном росте и достижение результатов в профессиональной деятельности позволяют некоторое время, иногда до нескольких лет выполнять функциональные обязанности, идя навстречу профессиональному стрессу. Но какой бы высокой мотивация не была бы, когда-нибудь наступает предел, не позволяющий дальше бороться со стрессом. Это может быть возможность выхода на пенсию, когда сотрудник говорит «все хватит», это может быть очередная длительная командировка или очередное привлечение к дополнительным трудно решаемым задачам, требующим больших временных затрат и т. д. В таких случаях при выходе военнослужащего (сотрудника) на пенсию очень маловероятно, что он вернется в сферу своих трудно разрешимых задач. Чем больше сотрудник сопротивлялся своим профессиональным стрессовым воздействиям, чем больше была мотивация и, соответственно, больше физических и психических сил «выжимал» из себя сотрудник, тем в больший эмоциональный, физиологический стресс себя ввергал он в процессе своей служебной (профессиональной) деятельности. В данной ситуации развиваются механизмы эмоционального выгорания сотрудника, запускаются как защитный механизм профессиональные деструкции. Данные деструкции могут выражаться:

- в алкоголизации военнослужащего (сотрудника), употреблении психоактивных веществ;

- редукции профессиональных обязанностей (делают то, что проще, а не то, что более эффективно в данной ситуации);

- отказ от самосовершенствования, аргументируя, что для выполнения данных поручений, задач, «у меня достаточно опыта и знаний»;

- повышенная конфликтность в поведении («как мне надоели эти рожи»), «взять бы автомат и всех бы ...», «сколько можно терпеть этот ...» и т. д.

- допущение в работе некачественно выполненных поручений, срыв в сроках выполнения, игнорирование выполнения отдельных или большинства задач.

Сотрудник знает, как выполнить поручение, но не может его выполнить или закончить из-за развившегося эмоционального выгорания. Он физически по уровню своих знаний и умений может выполнить поручение, но не может приложить необходимое количество усилий для начала или завершения выполнения задачи. Чем сильнее развилось эмоциональное выгорание, тем меньше возможности для восстановления эмоциональных сил. Это путь в один конец. Мы можем придумывать разные стимулы для продолжения профессиональной деятельности, проработать ещё несколько лет для большей пенсии, выплатить кредит (ипотеку), выучить детей и т. д., но это лишь усугубит эмоциональное выгорание, т. к. стресс-факторы не перестают действовать на человека. Единственное, что может затормозить или уменьшить процесс эмоционального выгорания это удаление стресс-фактора, смена

профессиональной деятельности или удаление из неё тех обязанностей, которые оказывают травмирующее воздействие. Перепоручение мешающих обязанностей другим членам профессионального коллектива.

Обсуждение

Но вернемся к профессионально важным качествам, которые необходимы для качественного выполнения возложенных должностью обязанностей. В большинстве случаев развитые профессионально-важные качества оказывают тормозящее воздействие на эмоциональное выгорание, т. е. являются залогом качественного выполнения профессиональных обязанностей с меньшими энергетическими (психическими) затратами для организма сотрудника.

Помимо вышеуказанного мотивационного компонента, в профессиональной деятельности для достижения результатов можно выделить следующие профессионально важные качества:

- способность выполнять профессиональные задачи в опасных и экстремальных ситуациях, не ухудшая качество выполняемой работы;
- способность к владению эмоциями в конфликтных ситуациях;
- знание нормативно-правового поля и применение его в соответствии с профессиональными задачами;
- умение гибко использовать навыки общения, применять при необходимости убеждение и внушающее воздействие во всевозможных обстоятельствах при общении с гражданами разных социальных слоев общества, включая лиц криминальной субкультуры;
- использование приемов рукопашного боя при решении поставленной задачи, как с одним противником, так и с группой лиц, применение статической и динамической мускульной силы, общая и специальная выносливость, навыки точной стрельбы из огнестрельного оружия в сложных условиях и т. д.
- владение навыками защиты от суггестивного воздействия третьих лиц в процессе выполнения профессиональных задач.

Часто военнослужащие (сотрудники) войск национальной гвардии, выполняющие профессиональные обязанности, сталкиваются с противоборством, где используется не только физическая сила толпы (или отдельных лиц), но и информационное воздействие призывающее сложить оружие, отказаться от сопротивления, выполнить условия террористов, лиц криминальной субкультуры или граждан, активно выступающих с лозунгами, требованиями и т. д. Умение защитить себя от влияния внушающих воздействий третьих лиц, позволит сотруднику правильно оценить сложившуюся обстановку, принять взвешенное решение и, руководствуясь нормативно-правовым полем и должностными обязанностями, выполнить поставленную задачу.

Профессионально-важные психологические качества военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии не заканчиваются только

навыками защиты от суггестивного воздействия. Сюда также необходимо отнести познавательные процессы сотрудников, их развитие мышление, особенно в нестандартных обстановках, способность длительно поддерживать высокую концентрацию внимания в напряженной длительной работе. При проведении отдельных действий с опознанием необходима хорошо развитая память, особенно зрительная и слуховая (по тембру голоса, особенности речи подозреваемого). Важное значение при накоплении определенного профессионального опыта в работе приобретает выработанная годами интуиция, не стандартный подход к выполняемым профессиональным задачам, гибкость в подходах при решении новых задач, сообразительность при возникновении новых ситуаций, собранность и готовность к неожиданным внешним воздействиям и развитию новых ситуаций.

Если военнослужащий (сотрудник), выполняющий профессиональные задачи в условиях риска для жизни и здоровья или других психотравмирующих воздействий, не способен применять результативные защитные механизмы, компенсировать влияние психотравмирующих воздействий, то возникает эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности. При этом часто можно наблюдать, когда сотрудник, выполняя профессиональные обязанности, уже использовал все имеющиеся у него ресурсы стресс-преодолевающего поведения, но психотравмирующая ситуация продолжает воздействовать, и при этом добавляются ещё новые стресс-факторы, к которым сотрудник не готов и на которые у него нет более сил. В данной ситуации в большинстве случаев происходит либо частичный отказ от профессиональной деятельности в виде редукции профессиональных обязанностей, и сотрудник начинает экономить силы, либо развивается отклоняющееся поведение в виде агрессии. В зависимости от индивидуальных психологических качеств сотрудника может развиваться депрессивное состояние, апатия, отказ от активной деятельности. Основной девиз такого состояния: «день прошёл, ну и ладно». В случаях агрессивного поведения часто наблюдается нарушение служебной дисциплины, и агрессия постепенно заполняет все сферы деятельности человека, постепенно становясь личностной чертой, проявляющейся фактически везде. В результате этого страдают близкие люди, родственники, семья. Если и здесь сотрудник продолжает идти навстречу стрессу, борясь с неразрешимыми для него профессиональными, бытовыми проблемами, то накопившаяся негативная энергия начнет изнутри разрушать организм, находя самые слабые органы и системы. У сотрудника развиваются психосоматические заболевания,носящие органический характер.

Изучая работы многих авторов, можно увидеть, как профессиональный стресс влияет на организм человека. У летчиков (В. А. Марищук, А. В. Сечко), корабельных специалистов (В. Ю. Рыбников), у военнослужащих по призыву (А. М. Шелепов),

курсантов (О. Н. Касьянов) [6], пожарных (В. С. Кошкарров) [7]. Рассмотрим более поздние работы, это диссертации О. Н. Касьянова и В. С. Кошкаррова, в которых определились результаты исследований в виде «Модель формирования готовности курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях на основе реализации конструктивно-креативного подхода» и «Функциональная модель психологического обеспечения устойчивости к эмоциональному выгоранию». Анализируя работы указанных авторов, можно обозначить факторы, влияющие на профессиональную адаптацию. Такие как возраст сотрудника, его профессиональный стаж, выработанные защитные механизмы, сформированные в результате полученного опыта при нахождении в аналогичных психотравмирующих ситуациях. К личностным факторам, способствующим эмоциональному выгоранию, относят:

- высокая тревожность как личностная, так и реактивная;

- ригидность мышления;
- постоянное выраженное стремление все выполнять с максимальным качеством (быть лучше всех);
- слабый, неуравновешенный тип темперамента;
- отсутствие положительного опыта нахождения в аналогичной ситуации;
- акцентуации характера, не позволяющие адаптироваться в профессиональной среде, или ведущие к срыву адаптации (суицидальный риск, демонстративность в поведении, высокая конфликтность и др.)

На рисунке 1 предложена модель психологического обеспечения устойчивости к эмоциональному выгоранию, разработанная В. С. Кошкарровым. В ней указаны факторы, приводящие к эмоциональному выгоранию в профессиональной деятельности сотрудников пожарной охраны, и факторы, способствующие развитию устойчивости сотрудника к развитию профессионального выгорания.

Рисунок 1 – Функциональная модель психологического обеспечения устойчивости к эмоциональному выгоранию по В.С. Кошкаррову

Figure 1 – Functional model of psychological support for resilience to emotional burnout according to V.S. Koshkarov

На рисунке 2 предложена модель формирования готовности курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях, разработанная О. Н. Касьяновым, где показаны компоненты, критерии и показатели готовности курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях.

Для определения профессиограммы деятель-

ности войск национальной гвардии приведем необходимые профессионально-важные качества военнослужащих (сотрудников).

Для примера рассмотрим основополагающую задачу войск национальной гвардии – охрана общественного порядка.

Рисунок 2 – Модель формирования готовности курсантов к деятельности в экстремальных ситуациях на основе реализации конструктивно-креативного подхода

Figure 2 – The model of formation of cadets' readiness for activities in extreme situations based on the implementation of a constructive and creative approach

Военнослужащим (сотрудникам) войск национальной гвардии в процессе выполнения профессиональных задач необходимо владеть профессионально-важными психологическими качествами, способностями и умениями:

- стремление помочь людям, попавшим в

сложную ситуацию;

- оказание профессиональной помощи в сфере своей компетенции людям, пострадавшим от правонарушений третьих лиц;
- постоянное повышение своей профессиональной компетентности в сфере выполнения

профессиональных обязанностей, знание свода законов и должностных инструкций, распоряжений в сфере осуществления своей профессиональной деятельности;

- настойчивость в осуществлении законных требований в процессе реализации своей профессиональной деятельности;

- развитые эмоционально-волевые качества, владение большим набором стратегий при разрешении конфликтных ситуаций и способностью саморегуляции психических состояний. Саморегуляция психических состояний позволяет осуществлять контроль над собственной агрессивностью в процессе противодействия нарушителям правопорядка;

- владение приемами рукопашного боя, как с одним противником, так и с группой лиц, силовыми приемами захватов, обхватов и удержаний, владение табельным огнестрельным оружием;

- наблюдательность, хорошая зрительная память, способность ориентироваться в зданиях со сложной планировкой (местности), способность подмечать малозаметные признаки, для опознания лиц причастных к преступлению;

- способность к быстрому принятию верных решений при неопределенности в складывающихся обстоятельствах или незнакомых ситуациях;

- высокая требовательность к себе при осуществлении профессиональных обязанностей, неукоснительное следование должностным ин-

струкциям и распоряжениям, законам регламентирующим профессиональную деятельность.

Заключение

Часто при выполнении профессиональных обязанностей сотрудники сталкиваются с непредсказуемостью ситуаций, необходимостью систематически использовать эмоционально-волевой контроль, работой в условиях психических и физических перегрузок, часто не имея возможности восстановления утраченных сил. Также добавляется необходимость владения широким спектром навыков общения с различными категориями граждан, часто агрессивно настроенными в адрес сотрудника или находящегося в состоянии острой стрессовой реакции (плач, агрессивное поведение, ступор, двигательная активность, истерика). В процессе выполнения профессиональных задач, указанные требования профессиональной деятельности военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии, накладывают отпечаток на профессионально-важные качества. Хорошо развитые профессионально важные качества и владение методами самоконтроля психическим состоянием позволяет выработать устойчивость к развитию эмоционального выгорания сотрудника и продлевает его профессиональное долголетие и качество профессиональной деятельности.

Список источников

1. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М. : Ай Пи Эр Медиа, 2019. 528 с.
2. Бокова И. А., Агасаров Л. Г. Типология и коррекция постстрессовых расстройств различного генеза // Вестник новых медицинских технологий. 2020. № 1. С. 145–150.
3. Климов Е. А. Введение в психологию труда: учебник. 3-е изд. М. : Академия, 2004. 334 с.
4. Марищук В. Л., Евдокимов В. И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса : учебное пособие. СПб. : Сентябрь, 2001. 259 с.
5. Рыбников В. Ю., Ашанина Е. Н. Психология копинг-поведения специалистов опасных профессий : монография. СПб. : ун-т ГПС МЧС России, 2011. 120 с.
6. Шойгу Ю. С. Организация деятельности психологической службы МЧС России // Национальный психологический журнал. 2012. № 1 (7). С. 131–133.
7. Касьянов О. Н. Профессиональная подготовка курсантов гражданских морских вузов к деятельности в экстремальных условиях: дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Касьянов Олег Николаевич. В. Новгород, 2017. 218 с.
8. Кошкаров В. С. Факторы риска и модель формирования эмоционального выгорания сотрудников пожарных частей МЧС России : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 05.26.03 / Кошкаров Вадим Сергеевич. СПб. , 2014. 21 с.

References

1. Bodrov V. A. *Psychological stress: development and overcoming*. Moscow: Pi Jer Media. 2019. (In Russ.).
2. Bokova I. A., Agasarov L. G. Typology and correction of post-stress disorders of different genesis. *Bulletin of new medical technologies*. 2020;1: 145–150. (In Russ.).
3. Klimov E. A. *Introduction to the psychology of labor: textbook*. Moscow: Akademija. 2004. (In Russ.).
4. Marishhuk V. L., Evdokimov V. I. *Behavior and self-regulation of a person under stress conditions: a textbook*. Saint-Petersburg: Sentjabr'. 2001. (In Russ.).
5. Rybnikov V. Ju., Ashanina E. N. *Psychology of coping behavior of specialists in dangerous professions: monograph*. Saint-Petersburg: University of Ministry of Emergencies of Russia. 2011. (In Russ.).
6. Shojgu Ju. S. Organization of the activities of the psychological service of the Ministry of Emergencies of Russia. *National Psychological Journal*. 2012;1(7): 131–133. (In Russ.).
7. Kas'janov O. N. *Training of civilian marine university cadets in extreme conditions: dissertation*. Velikij Novgorod; 2017. (In Russ.).

8. Koshkarov V. S. *Risk factors and a model for the formation of emotional burnout of employees of fire departments of the Russian Emergencies Ministry: dissertation*. Saint-Petersburg; 2014. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Шленков – доктор психологических наук, профессор, SPIN-код: 5536-4505, authorID: 482787

Статья поступила в редакцию 02.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

A. V. Shlenkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, SPIN-код: 5536-4505, authorID: 482787

The article was submitted 02.02.2022;
approved after reviewing 15.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья
УДК 159.96

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ РИСКИ ВЫГОРАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ИТ-СФЕРЫ: ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наталья Евгеньевна Водопьянова¹, Владимир Борисович Чесноков²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ vodop@mail.ru

² 1@vc10472.spb.edu

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессионального выгорания специалистов ИТ-сферы. Цель работы: выделить специфические риски профессионального выгорания специалистов ИТ-сферы. Статья носит дискуссионный характер, опирается на результаты пилотажного исследования.

Ключевые слова: синдром выгорания, специалисты ИТ-сферы, цифровизация, психическое состояние, субъект труда, мультифакторная модель

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФ, название гранта «Мультифакторная модель профессионального выгорания специалистов ИТ-сферы», соглашение № 22-28-01356.

Для цитирования: Водопьянова Н. Е., Чесноков В. Б. Специфические риски выгорания специалистов ИТ-сферы: факты, гипотезы, перспективы исследования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 58–62. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/010.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

SPECIFIC RISKS OF BURNOUT OF IT SPECIALISTS: FACTS, HYPOTHESES, RESEARCH PROSPECTS

Natalya E. Vodopyanova¹, Vladimir B. Chesnokov²

¹ Saint-Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia

² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ vodop@mail.ru

² 1@vc10472.spb.edu

Abstract. The article is devoted to the problem of professional burnout of IT-specialists. Purpose of the work: to highlight the specific risks of professional burnout of IT specialists. The article is of a controversial nature, based on the results of a pilot study.

Keywords: burnout syndrome, IT-specialists, digitalization, mental state, labor subject, multifactorial model

Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, the name of the grant is "Multifactorial model of professional burnout for IT specialists", agreement No. 22-28-01356.

For citation: Vodopyanova N. E., Chesnokov V. B. Specific risks of burnout of IT specialists: facts, hypotheses, research prospects // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 58–62. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/010.pdf>.

© Водопьянова Н.Е., Чесноков В.Б., 2022

Введение

Актуальность проблемы выгорания определяется, во-первых, широким распространением синдрома выгорания среди специалистов разных профессий. При этом наиболее изученными являются риски, детерминанты и особенности выгорания специалистов социэкономических профессий, в отличие от недостаточной изученности механизмов и особенностей выгорания среди специалистов ИТ-сферы. Во-вторых, актуальность темы выгорания обусловлена тем, что цифровизация существенно изменила характер труда во всех сферах профессиональной деятельности. В профессиях типа «Человек-техника» появились новые факторы риска развития выгорания, разрушения профессионального здоровья, благополучия и продуктивности субъектов труда.

Интерес к проблеме профессионального выгорания остается высоким в разных областях науки и практики, несмотря на множество исследований данного феномена. Новизна и научноподобная значимость проблемы выгорания определяется важностью понимания механизмов и факторов риска выгорания среди нового поколения специалистов, работающих с цифровыми технологиями. Настоящее исследование имеет дискуссионный характер. Оно направлено на выявление факторов риска синдрома выгорания, разрушающих профессиональное здоровье, снижающих профессиональную успешность, специалистов ИТ-сферы. Представленные результаты – отражение результатов отдельных пилотажных исследований для последующей разработки мультифакторной модели развития и противодействия выгоранию. Разработка мультифакторной модели профессионального выгорания и его негативных последствий среди специалистов ИТ-сферы представляет собой первый этап построения научнообоснованных технологий противодействия выгорания и его разрушающим последствиям.

Рост дефицита ИТ-кадров в России, прогнозируемый аналитиками, актуализирует проблему психологической помощи и охраны труда ИТ-специалистов. Назрела реальная потребность выявления предикторов и специфических особенностей выгорания ИТ-кадров для последующей разработки моделей его профилактики и преодоления в целях снижения дефицита данных специалистов на рынке труда в России.

Одним из актуальных вопросов проблемы выгорания является изучение особенностей взаимодействия человека с компьютером посредством интерфейса, его влияние на психические состояния [1; 2; 3; 5]. Определение с позиций динамики психических состояний, стрессовых синдромов, в том числе синдрома выгорания выявление «дружественных» и «недружественных» интерфейсов программ, приложений и т. д.

Современное состояние проблемы выгорания специалистов ИТ-сферы

Синдром профессионального выгорания изучается в зарубежной психологии более 40 лет, в

отечественной – более 20 лет. Выгорание рассматривается как модель ответных реакций на хронические рабочие стрессоры [3]–[5]. Одним из направлений исследований проблемы профессионального выгорания является поиск факторов риска его развития. К факторам, провоцирующим синдром выгорания, причисляют личностные, социально-демографические характеристики, организационные (объективные) в виде содержания и условий труда, статусно-ролевые. Ученые отмечают, что возникновение синдрома выгорания обусловлено сложным взаимодействием личности с профессиональными, ситуационно-ролевыми организационными требованиями. В этой связи перспективным представляется когнитивно-трансактивный подход к пониманию механизмов преодоления рабочих стрессов и устойчивости к профессиональному выгоранию, в котором важное место занимают интра- и интерсубъектные ресурсы субъекта труда, а также организационные (гигиенические) факторы его профессиональной деятельности.

Наиболее подробно изучены личностные детерминанты выгорания (В. А. Орел, С. Б. Величковская, Н. Е. Водопьянова, А. А. Рукавишников, Е. С. Старченкова, С. Maslach, S. E. Jackson, M. P. Leiter, C. L. Cordes, T. W. Dougherty, A. A. Harrison, K. Miller). Несмотря на относительно большую историю исследований выгорания, вопрос о его профессиональных предикторах и технологиях его предупреждения остается мало изученным. Особенно, когда речь идет о новых профессиях или трансформации традиционных профессий в связи с цифровизацией.

В мировой психологии синдром выгорания рассматривается как динамический процесс [6] и как результат взаимодействия субъекта с профессиональной деятельностью (Е. Maher, J. Leiter). В первом варианте исследователи указывают на стадийный характер его развития, который начинается с чрезмерной активности работника и продолжается в снижении участия в труде. Ученые выделяют гетерохронный характер развития синдрома выгорания (В. Е. Орел), его неравномерность субфакторной выраженности (К. Маслач, В. Е. Орел и др.) и трудную преодолимость (В. Шауфели, К. Маслач и Е. Марек).

При рассмотрении выгорания как результат ученые понимают его как системный эффект и качество субъекта (Н. Е. Водопьянова, В. Е. Орел). В частности, В. Е. Орел понимает синдром выгорания как интеграцию психических состояний с отрицательной направленностью, временной устойчивостью и относительно необратимым характером [7]. Два последних признака позволяют приблизить «выгорание» к психическим свойствам. В связи с этим утверждается, что синдром выгорания занимает промежуточную позицию между психическими состояниями и психическими свойствами.

В специальной литературе представлены разные взгляды на проблему превенции синдрома выгорания, при этом отсутствует системный подход к профилактике и реабилитации лиц, пере-

живающих выгорание. Практическая реализация разных подходов находит свое отражение в различных программах психологических тренингов. Отдельные программы превенции выгорания в основном носят когнитивно-бихевиоральную направленность и сфокусированы преимущественно на управление рабочими стрессами, когнитивное переструктурирование и обучение навыкам релаксации (Brown, Higgins, Rowe, Schaufeli, Kuschner, Milbauer). Многие программы ориентированы на уменьшение психической напряженности, поэтому их эффект часто ограничивается только снижением уровня эмоционального истощения. При этом эффект снижения эмоционального напряжения и коррекции эмоционального истощения может сохраняться непродолжительное время. Труднее поддается коррекции такой компонент выгорания как дегуманизация (цинизм), что связано с системой отношений и жизненной позицией личности (Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова, D. V. Dierendonck, C. Maslach, W. B. Schaufeli). Недостатком многих исследований проблемы коррекции выгорания является отсутствие контрольных групп и долгосрочной оценки эффективности коррекционных программ, что во многом снижает интерпретационные возможности полученных результатов.

Таким образом, вопрос об эффективности технологий психологической помощи для преодоления выгорания остается открытым. Причины выгорания имеют различную природу, и это следует учитывать, как при выборе подходов к его преодолению, так и конкретных средств «антивыгорания».

Ранее считалось, что выгоранию подвержены специалисты только социомических профессий вследствие высокой напряженности коммуникаций в системе «человек-человек». Со времени обнаружения синдрома выгорания (80-е годы прошлого столетия) и до настоящего времени исследования в основном касаются «помогающих» профессий (учителя, медицинские и социальные работники), сервисных профессий (специалисты по продажам, сферы услуг, туризма и др.), специалистов МЧС и военных.

Мы полагаем, что трансформация профессиональной системы «Человек-техника» в постиндустриальном обществе существенно меняют информационную основу трудовой деятельности (В. Д. Шадриков), включенность в трудовой процесс, образ жизни и межличностные коммуникации в организациях, что влечет за собой специфические и малоизученные предикторы, формы, субфакторы профессионального выгорания и последствия для субъектов труда. Вслед за предсказаниями Э. Тоффлера об увеличении в постиндустриальном обществе негативного цифрового воздействия на человека можно предположить, что работа в IT-сфере может сказаться на существенных изменениях сознания и поведения, когнитивной, мотивационной, эмоциональной, коммуникативных сферах, приводить к появлению профессионально-личностных деформаций и акцентуации, например, к

«цифровому аутизму», обуславливать особые формы профессионального выгорания. В настоящее время отсутствуют фундаментальные исследования синдрома выгорания и сопутствующих ему негативных последствий для личной жизни и профессиональной деятельности специалистов IT-сферы. Отсутствует глубокий психологический анализ положительных и негативных факторов профессий IT-сферы, их классификации по признаку «здоровье-разрушение», по возможностям преодоления негативных сторон «цифрового давления».

Выборка

В исследовании приняли участие 78 специалистов (17 женщин и 61 мужчина) IT-сферы (стаж работы более 7 лет, средний возраст 32,5 года). Из них – специалисты трех уровней профессионализма – Middle, Senior, Lead. Уровень Middle предполагает самостоятельное, качественное и своевременное выполнение поставленных задач, помощь и поддержку молодых специалистов с уровнем junior (стаж работы не менее 3 лет); уровень Senior – опытный специалист, который принимает технологические решения в проекте, ответственен за проект, за качество и своевременность работ по разработке информационно-программных систем, умеет подготовить инфраструктуру; уровень Lead – это руководители проекта, команды, в их обязанности входят распределение, делегирование задач, контроль их выполнения, обеспечение профессионального и карьерного роста членов своей команды, ответственность за отвечает за техническую часть проекта, а также за коммуникацию с заказчиком.

Методы и организация исследования

Использовались полуструктурированное интервью и тест «Завершение предложений». Все методики проводились онлайн.

Респонденты отвечали на три вопроса:

1. Что является главным для них в понимании профессиональной успешности.
2. Что изменилось у них по отношению к работе за последний год.
3. Чувствуют ли они появление каких – либо негативных переживаний в последнее время (последний год, месяцы) относительно своей работы.

Результаты исследования и их обсуждение

Выявлено, что данной группы специалистов (уровни Middle, Senior, Lead) главным в понимании профессиональной успешности являются социальное признание, профессиональное развитие и результат деятельности. В наименьшей степени среди всех групп испытуемых выражена или полностью отсутствует тема «карьерный рост» и «материальное вознаграждение». Возможно, это говорит о высоком профессиональном благополучии данных специалистов.

На основе контент анализа (по частоте упоминаний и силе переживаний) ответы респондентов распределились следующим образом. Первое место заняли описания переживаний (35 %), свя-

занных с усталостью, нарушением здоровья и психоэнергетическим истощением, невротизацией (тревожностью, страхами, опасениями); второе место – переживания утраты многообразия профессиональных взаимодействий и отношений (27 %), третье место – переживания по поводу ограничения возможностей социальной жизни, снижение желания реального общения в пользу дистанционного (20 %), далее идут переживания искажения времени (12 %), снижение профессиональной мотивации (6 %).

С позиций традиционных моделей выгорания [8] и концепции пентабазиса В. А. Ганзена [9; 10] по результатам пилотажного исследования предварительно можно выделить четыре группы субфакторов выгорания: психоэнергетическое истощение (энергетическая дезадаптация), деформация коммуникаций (пространственная дезадаптация), когнитивные ошибки восприятия времени (временная дезадаптация), когнитивные искажения получения и переработки информации (информационная дезадаптация).

Мы предполагаем, что при более углубленном исследовании будет получена четырех или пятифакторная модель выгорания IT-специалистов. В структуре, которой обнаружится следующее. Субфактор психо-энергетической дезадаптации (истощение энергетических ресурсов); субфактор сензитивно-эмпатических нарушений психической регуляции (дезадаптации), как следствие социальной разобщенности, коммуникативно обедненного пространства и «индивидуализма» (предикторы дегуманизации или деперсонализации, коммуникативной дезадаптации в социальном пространстве); субфактор когнитивно-информационных искажений (один из предикторов редукции личных достижений), субфактор когнитивно-временных искажений (один из предикторов временной дезадаптации, невротизации и психосоматических заболеваний). На основании этого планируется построение мультифакторной модели и практических рекомендаций для предупреждения и преодоления синдрома выгорания IT-специалистов.

Выводы

1. Результаты выборочных пилотажных исследований говорят о необходимости разработки современного психодиагностического инструментария, позволяющего оценивать уровни выго-

рания и заблаговременно прогнозировать зону бифуркации выгорания, после которой затруднена или невозможна обратимость процессов выгорания.

2. Обнаружены специфические особенности выгорания IT-специалистов, которые можно структурировать с позиции пентабазиса В. А. Ганзена.

Заключение

Отмечающийся аналитиками в настоящее время рост дефицита IT-кадров в России во всех областях производства и научных исследований, включая и армейские военные специальности, актуализирует проблему психологической помощи и охраны труда специалистов IT-сферы. Назрела реальная потребность выявления предикторов и специфических особенностей выгорания IT-кадров для последующей разработки моделей его профилактики и преодоления в целях снижения дефицита данных специалистов на рынке труда в России.

В перспективе результаты подобных исследований (факторов риска профессионального выгорания IT-специалистов) лягут в основу построения теоретических моделей и технологий предупреждения и преодоления синдрома выгорания [11]. В прикладном аспекте знание рисков выгорания и его специфики для субъектов удаленной работы «цифрового пространства» имеет огромное значение для сохранения ментального здоровья и долголетия квалифицированных кадров IT-сферы, обладающих высокой мотивацией, продуктивностью и неподверженными «душевной эрозии» [2; 12]. Исследования предикторов выгорания могут быть использованы в теории и практике психологического сопровождения IT-специалистов.

Новизна исследования состоит в направленности на мало изученную профессиональную группу – IT-специалистов, на выявление факторов, детерминирующих развитие выгорания, его специфику.

Имеются факты, свидетельствующие о том, что среди специалистов IT-сферы ярко проявляются признаки выгорания, идет «омоложение» многих заболеваний.

Статья имеет дискуссионный характер для постановки гипотез, дизайна исследования и проектирования инструментария для оценки профессионального выгорания IT-специалистов.

Список источников

1. Водопьянова Н. Е., Гофман О. О., Густелева А. Н., Сережин Д. В. Анализ трудностей дистанционного обучения студентов и поиск путей совладания с ними // Личностные и регуляторные ресурсы достижения образовательных и профессиональных целей в эпоху цифровизации : материалы международной научно-практической онлайн-конференции (г. Ставрополь, 22–23 октября 2020 года). М. : Издательство «Знание», 2020. С. 417–433.
2. Водопьянова Н. Е., Гофман О. О., Чесноков В. Б. Развитие субъекта труда в XXI веке: тенденции и проблемы цифровизации общества / Абдурахманов Р. А., Алдашева А. А., Бабий Л. В., Баев М. С. [и др.]. // Психология труда, организации и управления в условиях цифровой трансформации общества. Тверь : Тверской государственный университет, 2021. С. 137–150.
3. Grunfeld E. A., Morland A. B., Bronstein A. M., Gresty M. A. A psychophysical and questionnaire investigation // Brain. Oxford: Oxford University Press, 2000. Vol. 123. P. 277–290.

4. Shirom A. Burnout in work organizations // International Review of Industrial and Organizational Psychology. New York: Wiley, 1989. Vol.4. P. 25–49.
5. Perlman B., Hartman A. E. Burnout: Summary and Future Research // Human relations. 1982. Vol. 35. № 4. P. 283–305.
6. Burish M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout /eds. W. B. Shaufeli, C. Maslach, T. Marek // Professional burnout: Recent developments in the theory and research. Washington: Taylor & Francis, 1993. P. 75–93.
7. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. 329 с.
8. Водопьянова Н. Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 160 с.
9. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Ленинград : ЛГУ, 1984. 175 с.
10. Ганзен В. А., Ронгинская Т. И. Системное описание потребностей человека : учебное пособие. СПб. : СПбГУ, 2004. 61 с.
11. Водопьянова Н. Е., Чесноков В. Б. Дискуссионные аспекты психодиагностики свойств и состояний субъекта труда // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 3. С. 68–71.
12. Водопьянова Н. Е., Журина М. А. Особенности ценностно-мотивационной сферы IT специалистов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2020. № 2. С. 91–100.

References

1. Vodop'janova N. E., Gofman O. O., Gusteleva A. N., Serezhin D. V. Analysis of the difficulties of distance learning for students and the search for ways to cope with them. In: *Personal and regulatory resources for achieving educational and professional goals in the era of digitalization: materials of the international scientific and practical online conference; Stavropol; October 22–23; 2020*. Moscow: Publishing house "Knowledge". 2020. p. 417–433. (In Russ.).
2. Vodop'janova N. E., Gofman O. O., Chesnokov V. B. Development of the Subject of Labor in the 21st Century: Trends and Problems of the Digitalization of Society. In: *Psychology of work, organization and management in the context of digital transformation of society*. Tver': Tver State University. 2021. p. 137–150. (In Russ.).
3. Grunfeld E. A., Morland A. B., Bronstein A. M., Gresty M. A. A psychophysical and questionnaire investigation. *Brain*. Oxford: Oxford University Press. 2000;123: 277–290.
4. Shirom A. Burnout in work organizations. *International Review of Industrial and Organizational Psychology*. New York: Wiley. 1989;4: 25–49.
5. Perlman B., Hartman A. E. Burnout: Summary and Future Research. *Human relations*. 1982;35;4: 283–305.
6. Burish M. In search of theory: some ruminations on the nature and etiology of burnout. In: Shaufeli W. B., Maslach C., Marek T. (eds.) *Professional burnout: Recent developments in the theory and research*. Washington: Taylor & Francis; 1993. p. 75–93.
7. Orel V. E. *Syndrome of mental burnout of personality*. Moscow: Institute of Psychology RAS. 2005. (In Russ.).
8. Vodop'janova N. E. *Prevention and correction of burnout syndrome: methodology, theory, practice*. Sankt-Peterburg: Saint Petersburg University Press; 2011. (In Russ.).
9. Ganzen V. A. *System descriptions in psychology*. Leningrad: LGU; 1984. (In Russ.).
10. Ganzen V. A., Ronginskaja T. I. *System description of human needs: a textbook*. Sankt-Peterburg: SPbGU; 2004. (In Russ.).
11. Vodop'janova N. E., Chesnokov V. B. Debatable aspects of psychodiagnostics of properties and states of the subject of labor. *Bulletin of the Kostroma State University*. N. A. Nekrasova. 2016;22;3: 68–71. (In Russ.).
12. Vodop'janova N. E., Zhurina M. A. Features of the value-motivational sphere of IT specialists. *Bulletin of the Kostroma State University*. N. A. Nekrasova. 2020;2: 91–100. (In Russ.).

Информация об авторах

Н. Е. Водопьянова – доктор психологических наук, профессор кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности
В. Б. Чесноков – кандидат психологических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 15.01.2022;
одобрена после рецензирования 14.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

N. E. Vodopyanova – Doctor of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Psychological Support of Professional Activities
V. B. Chesnikov – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

The article was submitted 15.01.2022;
approved after reviewing 14.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья
УДК 159.953.5

СООТНОШЕНИЕ САМООЦЕНКИ И ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Алексей Анатольевич Дьячков¹, Максим Александрович Мutowчи²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ dyachkov-alexh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4698-7002>

² max1mutov4i@mail.ru

Аннотация. Статья освещает промежуточные результаты исследования познавательной субъектности курсантов военных институтов войск национальной гвардии. Представлены теоретические выкладки изучения влияния самооценки на познавательную деятельность курсантов. Психологические основы формирования самооценки личности в условиях военно-педагогического социума связаны с вовлечением изменений, происходящих в жизнедеятельности курсанта и в нем самом. Самооценка связана с категорией субъектности, так как имеет общее значение в отношении человека к себе и окружающей действительности.

Ключевые слова: познавательная субъектность, самооценка, познавательная деятельность курсантов, психологические основы формирования самооценки

Для цитирования: Дьячков А. А., Мutowчи М. А. Соотношение самооценки и познавательной деятельности курсантов военных институтов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 63–67. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/011.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

RATIO OF SELF-ASSESSMENT AND COGNITIVE ACTIVITY OF MILITARY INSTITUTE CADETS

Alexey A. Dyachkov¹, Maxim A. Mutowchi²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ dyachkov-alexh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4698-7002>

² max1mutov4i@mail.ru

Abstract. The article is devoted to covering the intermediate results of the study of the cognitive subjectivity of cadets of military institutes of the National Guard Troops. Theoretical findings of studying the influence of self-esteem on the cognitive activity of cadets are presented. The psychological foundations of the formation of self-esteem of the personality in the conditions of a military pedagogical society are associated with the involvement of changes taking place in the life of the cadet and in it itself. Self-esteem is related to the category of subjectivity, as it has a general significance in relation to the person to himself and the surrounding reality.

Keywords: cognitive subjectivity, self-esteem, cognitive activity of cadets, psychological foundations of self-esteem formation

For citation: Dyachkov A. A., Mutowchi M. A. Ratio of self-assessment and cognitive activity of military institute cadets // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 63–67. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/011.pdf>.

© Дьячков А.А., Мutowчи М.А., 2022

Введение

В психологии, на современном этапе ее развития, принято изучать психику человека в контексте его деятельности. Субъектный подход в психологии, как мы полагаем, наиболее полно соответствует исследованию личностных характеристик субъекта. Советский ученый-психолог, достигший наибольшего уважения в исследованиях субъектности, А.В. Брушлинский считает, что человек как субъект – это вершитель своего жизненного пути, который в конкретных жизненных условиях инициирует и развивает на высшем уровне системности свою специфическую активность. В одной из своих работ он подчеркивает: «трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром (практического, чисто духовного и т. д.)» [1].

Психологов и преподавателей постоянно волновал вопрос о том, какими путями, методами достигается усвоение знаний, как развивать активность обучающихся в процессе самоподготовки.

Эти и многие другие вопросы непосредственным образом связаны с системой самоотношения личности человека. В различной литературе отмечается, что самооценка – это одно из важнейших составляющих развития личности. Военнослужащие войск национальной гвардии в этом отношении не являются исключением. Здесь можно говорить о различных типах отношений личности к себе под влиянием мнений командиров, преподавателей и других курсантов, что и выступает выражением самооценки. Так же можно сказать, что оценивание самого себя человеком в различных областях тоже является самооценкой.

Основные положения

Е.А. Иванов в своей статье отмечает: «Процесс самореализации личности и ее самооценка непосредственно связаны в основных проявлениях. Так, ощущение собственной нереализованности способствует снижению самооценки, а заниженная самооценка рассматривается как одна из причин осложненной личности и препятствует полноценной самореализации. В этой взаимосвязи определенное "первенство" влияния принадлежит самооценке» [2].

Частных самооценок большое количество. Однако не представляется возможным суждение о личностных свойствах человека по самооценке, предварительно не исследовав его систему ценностей, его основную сферу деятельности и т. д. [3].

Курсант военного института войск национальной гвардии, являясь субъектом и объектом социальной деятельности, включен в обширную систему отношений. Она выступает для себя как «Я», противопоставляя свои интересы и ценности, а иногда вступая в противостояние с «другими». Субъективно переживание наличия собственного «Я» выражается в том, что мы принимаем как данное свою тождественность себе самому в прошлом, настоящем, будущем. Уровень адекватности «образа-Я» уточняется в процессе изучения его важнейшего аспекта – самооценки лич-

ности. Оптимальная самооценка, проявляющаяся в уверенности в себе, базируется на необходимом опыте и соответствующих знаниях. Считается, что у большинства людей проявляется тенденция оценивать себя чуть выше среднего. В своей практической деятельности люди обычно стремятся к получению таких результатов деятельности, которые согласуются с самооценкой, и тем самым способствуют ее укреплению. Нельзя оспаривать тот факт, что результаты деятельности также влияют на самооценку [4].

Исходя из исследований трудов многочисленных авторов, мы отмечаем, что самооценка, вне зависимости от влияния тех или иных основных или второстепенных факторов ее формирования, носит субъективный характер [5].

Отсюда можно сделать вывод о том, что курсанты с высокой самооценкой стремятся к достижению успеха и реализации своих приобретенных профессиональных навыков на практике [6].

Психологические основы формирования самооценки личности в условиях военно-педагогического социума связаны с вовлечением изменений, происходящих в жизнедеятельности курсанта и в нем самом. О.В. Белоконов в своей работе выделяет следующие психологические основы формирования самооценки личности курсантов [7]:

- юношеский возраст, с которым совпадает обучение курсантов в вузе, характеризуется развитием рефлексии, что находит яркое проявление в негативной самооценке, завышенном уровне притязаний, юношеском негативизме, неудовлетворенности собой,

- особенностью юношеского возраста является стремление к самостоятельности, в силу чего при сохранении внешней детерминации военно-педагогического социума регуляция поведения курсанта в основном определяется его требованиями к самому себе;

- жизнедеятельность курсанта сопровождается процессом постоянной смены ролей, обусловленной культурными и социальными факторами военно-педагогического социума, что приводит к глубокому переосмыслению «Я-концепции» курсанта и влияет на характер его самооценки;

- отсутствие у курсантов возможности полноценно удовлетворять элементарные физиологические потребности зачастую приводит к психологическому дискомфорту, следствием чего может стать снижение критичности по отношению к окружающим и к себе;

- замкнутость коллектива курсантов вынуждает каждую личность строго регламентировать взаимоотношения с членами группы, подчинять личные интересы образовательному процессу и служебным обязанностям.

Также курсант, находясь в ситуации «вынужденного сожительства» со всеми членами коллектива, непосредственно находится под влиянием мнений окружающих, что как негативно, так и позитивно может сказываться на его самооценке [8].

Следует отметить, что с позиций ключевых ха-

характеристик личности самооценку следует рассматривать как одно из явлений субъектности — сложной интегративной характеристики личности, которая указывает на ее активно-избирательное, инициативно-ответственное, преобразовательное отношение к себе, к людям, к деятельности, к миру и жизни в целом [9].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что самооценка связана с категорией субъектности, так как имеет общее значение в отношении человека к себе и окружающей действительности.

Как правило, интерес к учению как умственной деятельности интенсивнее побуждает заниматься по всем учебным предметам хорошо успевающих курсантов. У большинства тех, кто имеет среднюю успеваемость, интерес к учебной деятельности высок по отдельным, наиболее интересным и значимым для них предметам, по которым они хорошо успевают. Низкие результаты учения не свидетельствуют об отсутствии познавательных мотивов. Учащиеся с низкой успеваемостью, также указывают на желание получить определенные знания и умения. Метод обучения станет активным, если он реализуется на фоне интенсивного и устойчивого внимания учащихся [10].

Осознанность цели, величина потребности в ней для личности, оказывают непосредственное влияние на волевые усилия. Если деятельность увлекает или захватывает, волевые усилия начинаются постепенно свертываться, а то и вовсе исчезают, уступая роль регулятора внимания интересам. В этом случае внимание носит непринудительный характер.

Ограниченный объем человеческого внимания (4–6 одновременно охваченных вниманием объектов) накладывает определенный «отпечаток» на познавательную деятельность. Отмечается, что для оптимального восприятия информации, должно содержаться не более шести ключевых понятий. Больше их количество неминуемо приведет к тому, что некоторые из узловых понятий будут выпадать из зоны активного внимания.

В учебном познании активная деятельность показывает состояние обучения, которое характеризуется стремлением к учению, умственным напряжением и проявлением волевых усилий в процессе овладения знаниями, что способствует повышению качества образовательного процесса курсантов. Познавательная активность в учении – мощное средство формирования личности, её всесторонней образованности, научного мировоззрения, высоких моральных качеств, повышения профессионализма будущих специалистов [11].

Наиболее интересным для нашего исследования представляется познавательная активность личности, непосредственным образом относящаяся к субъекту учебного познания. В педагогических исследованиях активность воспринимается как устоявшийся дидактический принцип [12]. Активность нередко связывают с различными физическими действиями в процессе познаватель-

ной деятельности. Считается необходимостью соединение активности мысли с физической активностью [13]. Известны исследования, устанавливающие взаимосвязь познавательной активности и физиологическим движением глаз во время решения когнитивной задачи. Как активность расценивается также внимательное слушание командира, пристальное наблюдение за демонстрируемым материалом. Здесь возникает необходимость в разделении мыслительной (внутренней) и моторной (внешней) активности.

Многие ученые в области психологии говорят о зависимости активности от психических процессов, таких как внимание, воображение, анализ, синтез, догадки, предложения, сомнения, интерес, настойчивость, энтузиазм и др. [14].

В исследованиях последних лет замечается некоторая тенденция рассмотрения активности с позиции отношения к предмету и процессу деятельности, при этом цели уделяется второстепенное значение. Между тем, отношение курсанта к цели деятельности определяет его активность. Потребностно-мотивационная сфера личности связана с целью и обуславливает активность. Четко сформулированная цель определяет волю, характер и способ действий, совершаемых человеком для ее достижения [13].

Сознательная активность, будучи движущей силой целенаправленной учебно-познавательной деятельности, определяет ее результативность. Поэтому ее правомерно рассматривать не только как условие, но и как средство достижения цели обучения [14].

Все эти определения, хотя и правильно отмечают отдельные признаки активности личности в учебном процессе, однако неполно характеризуют сущность данного понятия. Делая вывод из рассмотренных определений изучения специфики учебного процесса курсантов, необходимо конкретизировать определение понятия активности.

Активность курсанта обладает тесной связью с его самостоятельностью. Самостоятельность курсанта при работе с учебным материалом на занятиях, на самостоятельной подготовке, во внеаудиторное время, непосредственно влияет на развитие активности. О. Ч. Холов, говоря об активности, рассуждает о том, что зачастую уже в самостоятельной деятельности курсанта начинают проявляться компоненты активности, и, наоборот, проявление активности у курсантов направляет личное самостоятельности [13].

Заключение

В результате проведенных наблюдений мы приходим к выводу о том, что творческая активность в познавательной деятельности курсанта отвечает за направленность его действий на глубокое выявление свойств вещей или явлений, а порой и на создание новых ценностей. Исходя из проведенного исследования, мы приходим к выводу о том, что познавательная активность – это проявляемое курсантом отношение к учебно-познавательной деятельности, которое характеризуется стремлением достичь поставленную

цель. Допускается ранжирование целей, обуславливающих познавательную активность. Заметим, что активность как качество личности выражает сформированное и устоявшееся отношение человека к деятельности, суть которого – способность и потребность познавать, выявлять нерешенные задачи и проблемы, имеющие общественную значимость, искать и находить пути их решения и применять найденные решения в общественной практике.

Подводя итог описанному исследованию, счи-

таем, что субъектность является регулятором учебно-познавательной деятельности и основополагающим фактором ее инициации и развития [15]. Субъектность выражает определенную позицию личности и раскрывает те характеристики личности, которые определяют её отношение к деятельности. Атрибутами субъектности, влияющими на интенсификацию познавательной деятельности, являются: активность сознательность, ответственность, высокая самооценка, готовность к саморазвитию и самоуправлению [16].

Список источников

1. Турчин А. С., Дьячков А. А. Психолого-методологические основания повышения качества обучения в вузе войск национальной гвардии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2019. № 1 (1). С. 46–50.
2. Иванов Е. А. Особенности самооценки курсантов – будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации / Е. А. Иванов, С. В. Лычагина // Научное мнение. 2019. № 6. С. 46–50. DOI: 10.25807/PBH.22224378.2019.6.46.50.
3. Андреева Г. М. Общение и межличностные отношения // Социальная психология. изд. 5-е, испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2009. 362 с.
4. Наумов П. Ю., Лаптев А. А., Дьячков А. А. Проблема профессиональных ценностей в развитии офицерских кадров // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 9. № 11 (11). С. 114–117.
5. Кашапов М. М. Метакогнитивные основы конфликтной компетентности : монография / ред. М. М. Кашапов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ, 2012 . 428 с. URL: <https://lib.rucont.ru/efd/238185> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Дьячков А. А. Психолого-методологические основания повышения качества обучения в ВУЗЕ войск национальной гвардии / А. А. Дьячков, А. С. Турчин // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2019. № 1 (1). С. 46–50.
7. Белоконев О. В. Специфика формирования адекватной самооценки курсантов в условиях военного вуза // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 2. № 6. С. 109–112.
8. Дьячков А. А., Буряков В. Н. Анализ подходов к развитию компетентности будущих специалистов силовых ведомств и их авторская интерпретация // Правда и Закон. 2017. № 2. С. 77–80.
9. Столин В. В. Самосознание личности. М. : МГУ, 1983. 284 с.
10. Огулло Н. Н., Дьячков А. А. Изменение субъективных когнитивных способностей в процессе развития профессионально-важных качеств у курсантов в период обучения в военном институте // Научное мнение. 2021. № 3. С. 94–100. <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2021.3.94.100>.
11. Дьячков А. А., Наумов П. Ю. Проблема организации и самоорганизации познавательной деятельности военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 6. С. 107–110.
12. Яцук К. В., Краснов-Михальченко А. А. Стимулирование учебной деятельности // Военный научно-практический вестник. 2016. № 1 (4). С. 169–171.
13. Холов О. Ч. Активность в стимулировании учебной деятельности // Вопросы педагогики. 2018. № 2. С. 112–113.
14. Сырых Е. В., Ольховик Н. В. Способы активизации познавательной активности и мыслительной деятельности при формировании коммуникативной способности у курсантов на начальном этапе обучения иностранному языку в военном вузе // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. 2018. № 2 (10). С. 121–129.
15. Ранних В. Н., Зимин А. Г. Современные методы формирования познавательной деятельности студентов // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. 2016. № 2. С. 109–114.
16. Волкова Е. Н., Гришина А. В. Исследование структуры субъектности в младшем подростковом возрасте с разным уровнем игровой компьютерной зависимости // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 1. С. 69–78. <https://doi.org/10.17759/pse.2015200108>.

References

1. Turchin A. S., Dyachkov A. A. Psychological and methodological grounds for improving the quality of training at the university of the National Guard Troops. *Voenno-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri*. 2019;1 (1): 46–50. (In Russ.).
2. Ivanov E. A., Lychagina S. V. Features of self-esteem of cadets – future officers of the National Guard Troops of the Russian Federation. *Nauchnoe mnenie*. 2019;6: 46–50. Available from: doi: 10.25807/PBH.22224378.2019.6.46.50. (In Russ.).

3. Andreeva G. M. Communication and interpersonal relations. In: Andreeva G. M. (eds.) *Social'naja psihologija*. Moscow: Aspekt Press; 2009. 384 p. (In Russ.).
4. Laptev A. A., Naumov P. Yu., Dyachkov A. A. The problem of professional values in the development of officer personnel. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-jeekonomicheskikh nauk*. 2017;9;11(11): 114–117. (In Russ.).
5. Kashapov M. M. (eds.) *Metakognitive foundations of conflict competence: monograph*. Yaroslavl: JarSU; 2012. 428 p. Available from: <https://lib.rucont.ru/efd/238185> [Accessed 4th November 2021]. (In Russ.).
6. Dyachkov A. A., Turchin A. S. Psychological and methodological grounds for improving the quality of training at the University of the National Guard Forces. *Voенно-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri*. 2019;1(1): 46–50. (In Russ.).
7. Belokonev O. V. Specifics of the formation of adequate self-esteem of cadets in the conditions of a military university. *Fundamental and applied research in the modern world*. 2014;2;6: 109–112. (In Russ.).
8. Dyachkov A. A., Buryakov V. N. Analysis of approaches to the development of competence of future specialists in law enforcement agencies and their author's interpretation. *Truth and Law*. 2017;2: 77–80. (In Russ.).
9. Stolin V. V. *Self-awareness of personality*. Moscow: Moscow State University; 1983. (In Russ.).
10. Ogullo N. N., Dyachkov A. A. Change in subjective cognitive abilities in the process of developing professionally important qualities among cadets during their studies at a military institute. *Scientific opinion*. 2021;3: 94–100. Available from: <https://doi.org/10.25807/PBH.22224378.2021.3.94.100>. (In Russ.).
11. Dyachkov A. A., Naumov P. Yu. The problem of organizing and self-organizing the cognitive activities of military personnel. *Current problems of the humanities and socio-economic sciences*. 2018;12;6: 107–110. (In Russ.).
12. Yatsuk K. V., Krasnov-Mikhailchenko A. A. Stimulation of educational activities. *Voennyj nauchno-prakticheskij vestnik*. 2016;1(4): 169–171. (In Russ.).
13. Holov O. C. Activity in stimulating educational activities. *Questions of pedagogy*. 2018;2: 112–113. (In Russ.).
14. Syryh E. V., Ol'hovik N. V. Methods of activating cognitive activity and thought activity in the formation of communicative ability among cadets at the initial stage of foreign language training at a military university. *Gumanitarnyj vestnik Voенnoj akademii raketnyh vojsk strategicheskogo naznacheniya*. 2018;2(10): 121–129. (In Russ.).
15. Early V. N., Zimin A. G. Modern methods of shaping the cognitive activity of students. *Izvestia of Tula State University. Pedagogy*. 2016;2: 109–114. (In Russ.).
16. Volkova E. N., Grishina A. V. Study of the structure of subjectivity in younger adolescence with different levels of game computer dependence. *Psychological science and education*. 2015;20;1: 69–78. Available from: <https://doi.org/10.17759/pse.2015200108>. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Дьячков – кандидат психологических наук, доцент, AuthorID: 629554, SPIN-код: 5046-9196
М. А. Мутовчи – курсант

Статья поступила в редакцию 06.12.2021;
одобрена после рецензирования 16.01.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

A. A. Dyachkov – Candidate of Sciences (Psychology), Docent, AuthorID: 629554, SPIN-code: 5046-9196
M. A. Mutovchi – cadet

The article was submitted 06.12.2021;
approved after reviewing 16.01.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья
УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ЛОКУС КОНТРОЛЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Ольга Борисовна Полушина¹, Артём Сергеевич Чичкин²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ polushina.olga2016@yandex.ru

² Chichkin00@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности локус контроля военнослужащих войск национальной гвардии, в частности курсантов военного вуза. Для оценки локуса контроля использовалась методика Дж. Роттера. В исследовании приняли участие курсанты в количестве 77 человек. Преимущественно доминирует интернальный локус контроля у курсантов.

Ключевые слова: локус контроля, интернальность, экстернальность, ответственность

Для цитирования: Полушина О. Б., Чичкин А. С. Особенности локус контроля курсантов военного института // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 68–70. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/012.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

FEATURES OF THE LOCUS OF CONTROL OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTE

Olga B. Polushina¹, Artem S. Chichkin²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ polushina.olga2016@yandex.ru

² Chichkin00@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of the locus of control of servicemen of the National Guard troops, in particular cadets of a military university. To assess the locus of control, the method of J. Rotter is used. The study involved cadets in the number of 77 people. The internal locus of control dominates mainly in cadets.

Keywords: locus of control, internality, externality, responsibility

For citation: Polushina O. B., Chichkin A. S. Features of the locus of control of cadets of the Military Institute // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 68–70. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/012.pdf>.

© Полушина О.Б., Чичкин А.С., 2022

Введение

Одним из критериев зрелости личности выступает умение принять на себя ответственность за решения, поступки, действия. Соответственно определение и изучение особенностей локуса контроля у будущих офицеров является весьма актуальной задачей. Деятельность военнослужащих осуществляется в экстремальных условиях, предъявляя тем самым повышенные требования к

зрелости личности, принятию на себя ответственности, т.е. локуса контроля.

Основные положения

Понятие «локус» (с лат. – место, в английском языке locus of control) [1, с. 241] введено в психологию Дж. Роттером в 1966 г. Выделяют внешнее внутреннее «место» контроля. Личность с доминированием внешнего (экстернального) локуса

контроля приписывает причины всего что с ней происходит внешним обстоятельствам (внешний мир, другие люди, судьба, рок и пр.). Внутренний (интернальный) локус контроля предполагает, что человек приписывает себе ответственность за происходящее в его жизни. Локус контроля является субъективной характеристикой, формируется в процессе социализации. Крайне редко встречаются крайние варианты локуса контроля (чисто внешний и чисто внутренний). Чаще всего выделяют смещенный локус контроля.

Для военнослужащего войск национальной гвардии ответственность за свои поступки является фактором успешного и гармоничного развития личности, выполнения служебно-боевых задач и повышения эффективности работы всех должностных лиц.

Поскольку, ответственность за результаты своих поступков является важной чертой хорошего командира (начальника), управляющего своим подразделением, группой, коллективом, изучение уровня субъективного контроля является и будет актуальным на протяжении долгого времени.

Локус контроля взрослого человека, как правило, является статичным, практически не изменяющимся с возрастом и с трудом поддающимся изменениям. Поэтому оценка локуса контроля в курсантском возрасте является прогностической оценкой. Как отмечает Р. А. Терехин [2; 3], локус контроля напрямую определяет готовность военнослужащих к психологической готовности военнослужащих к изменениям служебной ситуации.

Методы и методики исследования

В ходе проведения исследования были использованы следующие методы: анализ научных источников; опрос (тестирование); обработка данных. В качестве методики исследования использовали опросник Дж. Роттера. В эмпирическом исследовании приняли участие курсанты 4 курса военного института войск национальной гвардии в количестве 77 человек. Возраст испытуемых от 19 до 25 лет включительно ($M = 21$).

Результаты

На рисунке 1 представлено соотношение уровня интернальности и экстернальности в изученной выборке. В группе испытуемых-военнослужащих преобладает высокий уровень субъективного контроля. Большинство испытуемых считают, что важные события в их жизни есть результат их собственных действий, что они могут ими управлять, и, таким образом, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. Обобщение различных эмпирических данных позволяет говорить о данной группе испытуемых как о людях, более уверенных в себе, спокойных и благожелательных, пользующихся популярностью в среде сверстников по сравнению с экстерналами. Данных курсантов отличает более позитивная система отношений к миру и большая осознанность смысла и целей жизни.

Исходя из анализа данных, можно сформулировать следующие моменты: напрашиваются

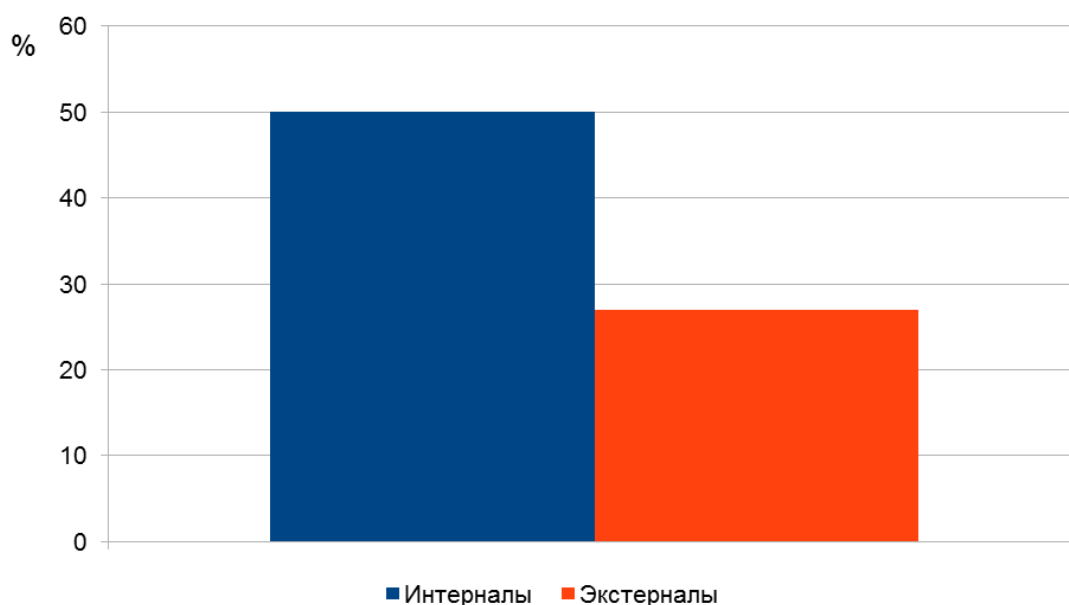

Рисунок 1 – Процентное соотношение проявления интернальности и экстернальности курсантов военного института

Figure 1 – The percentage ratio of the manifestation of internality and externality of cadets of the military institute

следующие выводы:

1. Большая часть курсантов подразделения имеют высокий уровень субъективного контроля.

2. Высокий уровень интернальности у курсантов военного вуза может быть обусловлен требованиями служебной деятельности, которые заложены в профотборе курсантов при поступлении. Индивиды с очень низким субъективным контролем личности не проходят профотбор.

3. Курсанты с очень высоким уровнем интернальности наиболее ответственные, уверенные в себе, целеустремлённые, стрессоустойчивые личности.

4. Курсанты с высокими показателями экстернальности склонны приписывать свои неудачи воздействия окружающей среды, обстоятельствам и участию других людей в делах своей жизнедеятельности.

5. Большинство курсантов имеет средний уровень субъективного контроля. Данные испытуемые проявляют ситуативную ответственность и инициативность, на фоне общей экстернальности.

По итогам сделанных выше выводов можно сформулировать практические рекомендации для учета уровня субъективного контроля в учебно-профессиональной деятельности:

1. Курсанты с высоким уровнем интернальности наиболее эффективно могут исполнять роль

командира отделений. Это обусловлено характерными для этих людей качествами: ответственность за свои поступки, инициативность, целеустремлённость, контроль своих поступков и мотивов и другие положительные в военной деятельности черты личности. Такие командиры осознают свою ответственность за приказы, которые отдают, объективно оценивают окружающую обстановку, а подчинённые понимают важность немедленного и беспрекословного подчинения.

2. Курсанты с экстернальной внутренней установкой нуждаются в дополнительном контроле со стороны руководящего состава, так как было выявлено, что такие люди менее мотивированные, ответственные и инициативны. Их стремление развиваться и учиться находится на низком уровне, интерес к изучению дисциплин не выражен, поскольку данные индивиды не считают, что их подготовка может помочь им в критической ситуации – ведь всё зависит от сторонних обстоятельств, случая и «судьбы».

3. Поскольку экстернальные личности больше подвержены вере в судьбу, случай, шанс, чудо, везение – данные индивиды могут быть подвержены игромании (как и другим видам зависимости), по принципу «а вдруг пройдёт». Следовательно, требуют особого контроля по данной особенности поведения.

Список источников

1. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М.: АСТ, 2009. 811 с.
2. Терехин Р. А. Социально-психологические детерминанты психологической готовности военнослужащих к изменению служебной ситуации в процессе военно-профессиональной социализации. СПб.: Центр стратегических исследований, 2020. 88 с.
3. Терехин Р. А. Взаимосвязь нервно-психической устойчивости и готовности к изменению служебной ситуации курсантов военного вуза // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2017. № 1 (45). С. 119–125.

References

1. Meshherjakov B. G., Zinchenko V. P. (eds.). *Big psychological dictionary*. Moscow: AST; 2009. (In Russ.).
2. Terekhin R. A. *Social and psychological determinants of psychological readiness of military personnel to change the service situation in the process of military-professional socialization*. Saint-Petersburg: Center for Strategic Studies; 2020. (In Russ.).
3. Terekhin R. A. The relationship of neuropsychic stability and readiness to change the service situation of cadets of a military university. *New in psychological and pedagogical research*. 2017;1 (45): 119-125. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент

А. С. Чичкин – курсант

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

O. B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent

A. S. Chichkin – cadet

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья
УДК 159.9

ПСИХОЛОГО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОТИВАЦИИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Анатолий Степанович Турчин¹, Данил Дмитриевич Акимов²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ ast55@mail.ru

² kafedra_opp@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются психолого-методические основания постановки исследования важной психолого-педагогической проблемы, связанной с выявлением реальной структуры мотивов, определяющих в период обучения в военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии отношение к овладению комплексом профессионально значимых компетенций. Авторы на примере динамики мотивационной сферы обосновывают необходимость ориентировки психологов-исследователей на методологические принципы, сложившиеся в отечественной психологии, реализация которых обеспечивает полноту и достоверность информации, которая может изменить отношение к различным ценностям и, соответственно, стимулам, используемым в учебно-воспитательном процессе.

Ключевые слова: мотив, мотивация, стимул, личность, рефлексия, методологические принципы исследования

Для цитирования: Турчин А. С., Акимов Д. Д. Психолого-методологические аспекты изучения мотивации курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 71–75. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/013.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

PSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING THE MOTIVATION OF CADETS OF MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF HIGHER EDUCATION OF THE NATIONAL GUARD TROOPS

Anatoly S. Turchin¹, Danil D. Akimov²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ ast55@mail.ru

² kafedra_opp@bk.ru

Abstract. The article discusses the psychological and methodological foundations for the formulation of the study of an important psychological and pedagogical problem related to the identification of the real structure of motives that determine the attitude to mastering a complex of professionally significant competencies during the period of training in the National Guard Troops at the university. The authors, using the example of the dynamics of the motivational sphere, substantiate the need for psychologists-researchers to focus on methodological principles that have developed in Russian psychology, the implementation of which ensures the completeness and reliability of information that can change attitudes to various values and, accordingly, stimuli used in the educational process.

Keywords: motive, motivation, incentive, personality, reflection, methodological principles of research

For citation: Turchin A. S., Akimov D. D. Psychological and methodological aspects of studying the motivation of cadets of military educational organizations of higher education of the National Guard Troops // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 71–75. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/013.pdf>.

© Турчин А.С., Акимов Д.Д., 2022

Введение

Время обучения в образовательной организации высшего образования (ООВО), как правило, совпадает с возрастным периодом ранней юности, актуальной задачей которого является подтверждение адекватности первичного профессионального самоопределения.

В ООВО формируются основы организационной культуры. Достигается это в совместной деятельности всех субъектов образовательной организации, что предполагает единый подход к системе стимулирования развития профессионально-важных качеств личности будущего офицера Росгвардии.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что в достаточно регламентированном учебно-воспитательном процессе военной ООВО существуют положения, которые в гражданских ООВО могут быть оценены преподавателями в качестве наиболее действенных стимулов. Однако, что по этому поводу думают обучаемые, обычно специально не изучается, а рассматривается как некая константа. Так, материальное стимулирование в период вузовского обучения обычно сводится к получению стипендии, размеры которой заранее известны и привязаны к показателям промежуточных аттестаций.

Поскольку стимулирование, в том числе и материальное, воспринимается личностью преимущественно как процесс внешний по отношению к субъекту деятельности, регламентируемый принятыми в организации, и, как правило, документально подтверждаемый, то можно достаточно легко определить, какие стимулы оказывают единичное или краткосрочное воздействие, и какие сохраняют свое влияние на поведение респондентов на протяжении всего периода вузовского обучения. Гораздо сложнее в этом плане проблема мотивации, поскольку она претерпевает у большинства курсантов, в том числе и в связи с личными успехами в освоении воинской профессии, существенные изменения.

Основные положения

В психологической литературе посвященной проблеме учебной мотивации на данный момент нет единой позиции как по поводу определения основного понятия мотив, так и связанных с ним понятий мотивационной сферы, иерархии мотивов и др. [1]–[4]. В большинстве случаев мотив определяют, как побуждение к деятельности. При этом механизмы биологической мотивации относительно понятны, в то время, как мотивация человека в каждой научной школе, выводится из различных источников. Так, в психоанализе она связывается с работой защитных механизмов (сублимация, проекция, каузальная атрибуция и др.). В теории поля К. Левина особая роль отводится воздействию структуры данного поля, в том числе ключевых его компонентов («колокольчик» из воспоминаний Б. В. Зейгарник об экспериментах К. Левина или камень, на которой надо усесться маленькому ребенку и др.). В позднем бихевиоризме это феномен оперантного обу-

словливания, в чем-то совпадающий с феноменом «завтрашней радости» у А. С. Макаренко.

В психологической теории деятельности проблема мотивации всегда считалась приоритетной. Психологический механизм «сдвига мотива на цель», по А. Н. Леонтьеву [5], позволяет объяснить возникновение важных для процесса обучения потребностей, а именно, это относится как к появлению (или проявлению) желательного мотива, так и к его закреплению как устойчивого при особых условиях (в частности, так может происходить закрепление мотивационной связи между единичным приемом психоактивных веществ и мотивов наркопотребления).

Целью данной статьи является выявление динамики мотивации обучающихся в военной ООВО войск национальной гвардии и системы ценностных ориентаций.

Научная задача, решаемая авторами, заключается в определении относительно стабильных и недостаточно актуализируемых ценностных ориентаций, которые могут в дальнейшем, т. е. в период службы по контракту в подразделениях Росгвардии, явиться основанием неодинакового реагирования молодых офицеров на стимулирование их со стороны вышестоящего руководства. В этой связи нами было выполнено эмпирическое исследование, направленное на уточнение особенностей восприятия курсантами психологической специальности принятой системы стимулирования, их мотивации и ценностных ориентаций. Предполагая ведущую роль материального стимулирования, мы учитывали также возможность того, что и моральные стимулы в жизни молодых людей играют значимую роль. Поскольку в группе курсантов, как и в любой учебной группе, так или иначе, осуществляется внутригрупповое сравнение, и его результаты влияют на самочувствие каждого курсанта, представляет интерес проследить, как в период получения высшего профессионального образования меняется оценка стимулов в зависимости от личного успеха и возраста респондентов.

При планировании исследования мы опирались на основные методологические принципы: детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности, а также психологическую концепцию деятельностного подхода в развитии личности (Л. С. Выготский [6], А. Н. Леонтьев [5], С. Л. Рубинштейн [7] и др.); системно-деятельностный подход, представленный в исследованиях А. В. Карпова [3], В. А. Мазилова [8], В. Д. Шадрикова [9]. и др.). Приведем интерпретацию общепсихологических методологических принципов [10].

Принцип детерминизма требует интерпретировать фиксируемые феномены, исходя из закономерного взаимодействия доступных эмпирическому контролю факторов. В его русле мотивация определяется комплексом внутренних личностно-значимых черт, которые формируются в процессе деятельности и ее взаимодействия с другими людьми, но при этом нельзя рассматривать личность в статике. Любой процесс деятель-

ности или общения приводит к определенным изменениям в иерархии мотивов. Применительно к предмету нашего исследования можно предположить, что индивидуальные особенности мотивации курсантов в системе вузовского образования обусловлены личностными и индивидуально-психологическими особенностями их, как субъектов учебной и внеучебных видов деятельности. Это соответствует идее С. А. Рубинштейна о том, что внешние причины действуют через внутренние условия [4]. Любое психическое состояние обусловлено внешними факторами, и наоборот, поведение человека определяется своеобразием психических процессов индивида. Данное положение несколько ограничивает возможности воспитания и преобразования иерархии мотивов, так как ставит результативность мотивирования курсантов в жесткую зависимость от наличия уже выраженных предпосылок профессионализации. Поскольку предпосылки складываются до начала обучения вузовского типа, то результат носит преимущественно вероятностный характер. В этой связи, вариант детерминации психических явлений, предложенный А. Н. Леонтьевым, согласно которому внутреннее, преломляясь во внешнем, изменяет себя [5], представляется более реалистичным. Речь идет о формировании личности молодых людей, успех которого во многом зависит от роли первичного воинского коллектива и личного успеха в освоении воинской специальности. Эта трактовка детерминизма нам ближе, так как позволяет понять, почему происходит переоценка своих возможностей и перспектив деятельности, и закрепление правильного профессионального самоопределения, а именно, благодаря позитивному изменению позиции личности курсанта, получающего образование в Санкт-Петербургском военном ордена Жукова институте войск национальной гвардии (СПВИ войск национальной гвардии). Психологические особенности мотивации детерминированы материальными, социальными и психологическими условиями той ситуации, в которой они находятся, а также предпосылками, которые связаны с их индивидуальными различиями.

Принцип единства сознания и деятельности позволяет, изучая поведение и деятельность, выяснить внутренние психические механизмы, которые обеспечивают успешность достижения целей действий, т. е. открывать объективные закономерности психики. С. А. Рубинштейн писал, что деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием их адекватного выполнения [7]. Мы полагаем, что данная связь должна быть конкретизирована наличием связующего звена – позитивной коммуникации курсантов, включенных в процесс решения социально-значимых и одобряемых дел, на протяжении всего периода обучения в образовательной организации высшего образования.

Принцип развития в социальной и педагогиче-

ской психологии интерпретируется как результат освоения опыта и процесс социализации личности курсанта, включение его в систему высшего профессионального образования. По Л. С. Выготскому, он выступает как генетический принцип. Это означает, что ни одно психическое явление или процесс не может быть понято адекватно без изучения их предыстории. Принцип развития может рассматриваться в единстве с двумя принципами построения психологической теории – это детерминизм и системность. Для нас он важен, так как изменение мотивации, как правило, отражается в комплексе значимых свойств личности, т. е. ее индивидуально-психологических чертах. Этот принцип используется и в акмеологическом подходе [10]. Личность не просто развивается (неотвратимо, необратимо и постоянно), но траектория развития может зависеть от внутренних и внешних условий. Курсант самостоятельно выбирает варианты развития в соответствии с определенным для себя приоритетом.

Принцип системности требует исследовать явления в их зависимости от внутренне связанного целого, которое они образуют, приобретая благодаря этому целому новые свойства [11]–[13]. Принцип системности предлагает рассмотрение психических явлений как сложного единства, не сводимого к простой сумме его элементов. В этом случае явление рассматривается как система, обладающая структурой, а свойства элемента определяются его местом в данной структуре. Системный подход в отношении проблематики мотивации личности дает возможность рассматривать ее как часть более широкой системы. Оценка личностью себя (личностная рефлексия) выступает частью различных систем. С одной стороны, мотивация есть часть внутреннего мира личности, с другой часть системы межличностного взаимодействия. Система есть множество обладающих генетической общностью элементов, отношения которых носят характер взаимодействия для обеспечения определенного взаимоотношения с миром. Она формирует и воспроизводит адаптивные взаимоотношения с окружающей средой, которые обеспечивают ее развитие (сохранение, воспроизведение, видоизменение и т. д.). В нашем исследовании мотивация является элементом и результатом образовательной и самообразовательной деятельности, имеющая свою структуру и свои детерминанты, которые в свою очередь находятся во взаимосвязи с индивидуально-психологическими особенностями личности каждого курсанта по отношению к отдельным курсантам, проявляющимися и учебной (воинской) группе в целом.

Часто упускают из виду, что система может находиться в различных состояниях или стадиях развития. Представители деятельностного подхода к обучению подчеркивают, что в этом плане важно обнаружить системообразующий компонент, оценивая который можно прогнозировать как развитие, так и деградацию системы [10]. В нашем случае именно мотивация выступает таким системообразующим компонентом. По-

следнее совпадает с известным положением деятельностной теории учения и общепсихологической теории деятельности, согласно которым деятельность как бы маркируется соответствующим (своим) типом мотивации, что легко обнаруживается в школьной практике, когда ученик, теряя мотивации учения, подменяет ее мотивацией общения со сверстниками и др.

В эмпирическом исследовании участвовали курсанты 2 курса – 40 человек, 3 курса – 20 человек и 5 курса – 20 человек факультета (военно-политической работы) СПВИ войск национальной гвардии. Все полученные данные были зафиксированы в табличных данных. Возраст испытуемых военнослужащих составляет от 18 до 25 лет. Соотношение исследуемых военнослужащих составляет 10 % женатых и 90 % не женатых. В качестве диагностического инструментария были применены следующие тестовые методики:

- 1) методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (МУН) А. А. Реана;
- 2) тест-опросник «Определение уровня самооценки» (С. В. Ковалёв);
- 3) опросник реальной структуры ценностей (С. С. Бубновой);
- 4) экспресс-диагностика социальных ценностей личности.

Выполненное в сентябре – октябре 2021 г. эмпирическое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Исследование самооценки и мотивации на успех (неудачу) у 2, 3 и 5 курсов выявило схожую положительную динамику: самооценка курсантов повышается во время обучения, и с каждым годом обучения курсантов с высокой самооценкой становится больше; курсантов, ориентированных на успех, к пятому курсу становится гораздо больше, нежели на втором курсе.

2. Для того чтобы выбрать основные формы стимулирования, которые можно целенаправленно использовать, мы изучали ценностные ориентации курсантов фронтально и по кластерам. Результатом исследования стало определение групп курсантов с примерно одинаковым влиянием на них типов ценностных ориентаций.

3. Стимулирование оказывает заметное влияние на качество выполняемых задач, стоящих перед подразделением, сказываются на качестве боевой подготовки и влияют на боевую готовность подразделения. Поэтому для успешного руководства подразделением командиру необходимо

понимать мотивационную сферу присущую его подразделению, и умело организовывать систему стимулирования.

4. Для курсантов наиболее выраженными стимулами являются материальные ценности, сфера достижений и карьерного роста. В обследованном подразделении преобладают стимулы карьерного роста и материальных средств. Значимость данного фактора была выявлена в нескольких методиках, что говорит о его повышенном влиянии на личный состав, что определяет его, как один из значимых рычагов стимулирования военнослужащих.

Заключение

Проблема стимулирования в учебной группе курсантов ООВО войск национальной гвардии требует постоянного изучения, так как личный состав этих групп может меняться, и каждый военнослужащий имеет свою иерархию ценностей и значимых мотивов, определяющих поведение и деятельность. Ее решение во многом определяется подготовленностью командиров и их знанием индивидуальных личностных черт личного состава. Решение данной проблемы жизненно необходимо, поскольку выступает наиболее значимым условием совершенствования качества обучения и воспитания, а в дальнейшем может отразиться на повышении готовности к выполнению служебно-боевых задач и профессиональной пригодности [14].

По результатам исследования для командиров подразделений, в которых проводилось данное обследование, были сформулированы практические рекомендации по совершенствованию системы стимулирования военнослужащих, обучающихся на разных курсах СПВИ войск национальной гвардии.

Гипотеза о том, что в процессе обучения у курсантов меняются ранговые показатели ценностных ориентаций и уровень самооценки, что ведет к формированию мотивации на успех в служебной деятельности, может быть верифицирована и доказана.

Методологические принципы детерминизма, единства сознания и деятельности, развития и системности, позволяющие планировать и реализовывать как краткосрочные, так и лонгитюдные исследования динамики мотивации и стимулирования курсантов, получающих специальность военного психолога.

Список источников

1. Бодалев А. А., Васина Н. В. Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становится? СПб. : Речь, 2010. 224 с.
2. Казьянин И. И. Поощрение как основной вид стимулирования военнослужащего // Приоритетные направления развития правовой системы общества: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Гомель, 1–2 октября 2020 года). Гомель : Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2020. С. 49–55.
3. Карпова Е. В. Структура и генезис мотивационной сферы личности в учебной деятельности : монография. Ярославль : ЯГПУ имени К.Д. Ушинского, 2007. 570 с.
4. Кузнецова А. Ю. Основные теории мотивации // Студенческий. 2019. № 2-2 (46). С. 39–41.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М. : Политиздат, 1977. 304 с.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений: в 6 т. М., 1984. Т. 2. С. 6–341.

7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер Ком, 1998. 705 с.
8. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: история и современность: монография. Ярославль : МАПН, 2007. 352 с.
9. Шадриков В. Д. Цель учебной деятельности. М. : Логос, 2001. 167 с.
10. Турчин А. С. Методологические основания акмеидиагностики // Человеческий фактор. Социальный психолог. Ярославль : МАПН, 2019. № 2 (38). С. 59–65.
11. Вислогузов П. А. Эволюция методологических подходов к исследованию мотивации и стимулированию труда военнослужащих / под общ. ред. А. В. Туголукова // Актуальные вопросы развития современной науки и образования: сборник научных трудов по материалам II международной научно-практической конференции (г. Москва, 31 июля 2019 года). М. : ИП Туголуков Александр Валерьевич, 2019. С. 80–84.
12. Леонтьев А. А. Деятельный ум. Деятельность. Знак. Личность. М. : Смысл, 2001. 392 с.
13. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М. : Наука, 1978. 392 с.
14. Смирнов Д. В. Система развития профессиональной психологической пригодности будущих офицеров / Д. В. Смирнов, П. Ю. Наумов, А. А. Дьячков; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2020. 152 с.

References

1. Bodalev A. A., Vasina N. V. *Acmeology. Real man. What is it and how does it become?* Saint-Petersburg: Rech'. 2010. (In Russ.).
2. Kaz'janin I. I. Encouragement as the main type of incentive for a soldier. In: *Priority directions for the development of the legal system of society: materials of the VIII International Scientific and Practical Conference; Gomel; October 1–2; 2020*. Gomel: Gomel State University. Francis Skaryna. 2020. p. 49–55. (In Russ.).
3. Karpova E. V. *Structure and Genesis of the Motivational Sphere of Personality in Educational Activity: monograph*. Jaroslavl': JaGPU imeni K.D. Ushinskogo. 2007. (In Russ.).
4. Kuznecova A. Ju. Basic theories of motivation. *Student*. 2020;2-2(45): 39–41. (In Russ.).
5. Leont'ev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, 1977. (In Russ.).
6. Vygotskij L. S. Thinking and speech. In: *Collected Works*. 1984;2: 6–341. (In Russ.).
7. Rubinshtejn S. L. *Fundamentals of General Psychology*. Saint-Petersburg: Piter Kom. 1998. (In Russ.).
8. Mazilov V. A. *Methodology of psychological science: history and modernity: monograph*. Yaroslavl: MAPN. 2007. (In Russ.).
9. Shadrikov V. D. *Purpose of learning activity*. Moscow: Logos, 2001. (In Russ.).
10. Turchin A. S. Methodological foundations of acmedactics. *Human factor. social psychologist*. Yaroslavl: MAPN. 2019;2(38): 59–65. (In Russ.).
11. Visloguzov P. A. The evolution of methodological approaches to the study of motivation and stimulation of military personnel. In: Tugolukov A. V. (eds.) *Topical issues of the development of modern science and education: a collection of scientific papers based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference; Moscow; July 31; 2019*. Moscow: IP Tugolukov Aleksandr Valer'evich. 2019. p. 80–84. (In Russ.).
12. Leont'ev A. A. *Active mind. Activity. Sign. Personality*. Moscow: Meaning. 2001. (In Russ.).
13. Judin Je. G. *System approach and principle of activity*. Moscow: The science. 1978. (In Russ.).
14. Smirnov D. V., Naumov P. Ju., D'jachkov A. A. *System for the development of professional psychological fitness of future officers*. Tambov: Derzhavinsky Publishing House. 2020. (In Russ.).

Информация об авторах

А. С. Турчин – доктор психологических наук, профессор
Д. Д. Акимов – курсант

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 20.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

A. S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor
D. D. Akimov – cadet

The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 20.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОДИАГНОСТИКА ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕД

Научная статья
УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ХОДЕ КОНТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Андрей Климентьевич Черных¹, Игорь Николаевич Зозулин²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ chernykhak@rosgvard.ru

² zozulinin@rosgvard.ru

Аннотация. В статье рассматривается новый подход к решению задачи оперативного формирования максимального числа групп психологов, для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции. Решение задачи основано на использовании идей отыскания максимального потока в графе. Приведён содержательный пример, иллюстрирующий предложенный подход.

Ключевые слова: группы специалистов-психологов, нечёткое множество, нечёткая логика, трёхдольный граф, трёхвершинное сочетание, максимальный поток

Для цитирования: Черных А. К., Зозулин И. Н. Психологическая поддержка населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 76–82. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/014.pdf>.

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY, PSYCHODIAGNOSTICS OF DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENTS

Original article

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF THE POPULATION AND MILITARY PERSONNEL OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING THE COUNTERTERRORIST OPERATION

Andrey K. Chernykh¹, Igor. N. Zozulin²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ chernykhak@rosgvard.ru

² zozulinin@rosgvard.ru

Abstract. The article considers a new approach to solving the problem of the operational formation of the maximum number of groups of psychologists to perform the tasks of psychological support of the population and military personnel of the National Guard of the Russian Federation during a counterterrorist operation. The solution of the problem is based on the use of the ideas of finding the maximum flow in the graph. A meaningful example illustrating the proposed approach is given.

Keywords: groups of specialist psychologists, fuzzy set, fuzzy logic, three-sided graph, three-vertex combination, maximum flow

For citation: Chernykh A. K., Zozulin I. N. Psychological support of the population and military personnel of the National Guard Troops of the Russian Federation during the counterterrorist operation // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 76–82. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/014.pdf>.

© Черных А.К., Зозулин И.Н., 2022

Введение

В статье будем рассматривать задачу, в которой исходными данными являются три множества специалистов-психологов трёх различных специализаций. В задаче требуется определить максимальное число групп специалистов-психологов.

При этом в каждую из этих групп необходимо включить по одному специалисту из каждого множества и, кроме того, в группы должны войти психологически совместимые специалисты-психологи.

В результате реализации предложенного в статье алгоритма будут сформированы, оптимальным образом, несколько групп специалистов-психологов, численностью по три специалиста каждая. При этом первый специалист каждой группы выбирается из некоторого множества специалистов-психологов 1 специализации (первый специалист), второй – выбирается из множества специалистов-психологов 2 специализации (второй специалист (старший группы)), третий – выбирается из множества специалистов-психологов 3 специализации (третий специалист). Известна степень истинности нечёткого высказывания «первый специалист психологически совместим со вторым специалистом (старшим группы)» и «второй специалист (старший группы) психологически совместим с третьим специалистом» для каждой пары первый специалист – старший группы и старший группы – третий специалист. Под эффективностью группы понимается степень истинности высказывания «члены группы психологически совместимы со старшим группы», под эффективностью варианта формирования максимального числа групп – степень истинности высказывания «каждая группа психологически совместима со старшим группы».

Новизну и актуальность статье придаёт, по нашему мнению, предлагаемый алгоритм решения сформулированной выше задачи, использующий методы решения задачи о максимальном потоке, который является альтернативным алгоритму, представленному в публикации «Выбор оптимальной методики организации переподготовки психологов на основе использования математических методов» [1].

Следует также отметить универсальность предлагаемого алгоритма, которая заключается в возможности варьирования числа вершин в различных долях графа, а также его не высокую вычислительную сложность.

Как понятно из вышесказанного, для решения задачи будем использовать теорию графов, подходы теории нечётких множеств и нечёткой логики, основные положения которых приведены, например, в ряде публикаций [2]–[17].

Отметим, что ребром (u, v) будем обозначать то, что первый психолог u и старший группы психологов v входят в одну группу. Весом этого ребра будет степень истинности высказывания о психологической совместимости специалиста-психолога u и старшего группы v .

Трёхвершинным ансамблем назовем путь, состоящий из двух дуг и содержащий три различные вершины. Под весом ансамбля будем понимать минимальный из весов его ребер [18].

Трёхвершинным сочетанием P в графе $G=(V, E)$ назовем такое множество трёхвершинных ансамблей из G , что любые два различных ансамбля из P не являются смежными, т. е. не имеют общих вершин. Мощностью трёхвершинного сочетания назовем количество трёхвершинных ансамблей в нём. Под весом сочетания понимается наименьший из весов его ансамблей. Трёхвершинное сочетание назовем максимальным, если его мощность максимальна [18].

На рисунке 1 представим необходимый для дальнейших рассуждений трёхдольный граф $G=(V, E)$, т. е. граф, множество вершин которого состоит из непересекающихся множеств вершин V_1, V_2, V_3 , при этом: $w_j^1 \in V_1 (j=1, 2, \dots)$, $w_j^2 \in V_2 (j=1, 2, \dots)$ и $w_j^3 \in V_3 (j=1, 2, \dots)$.

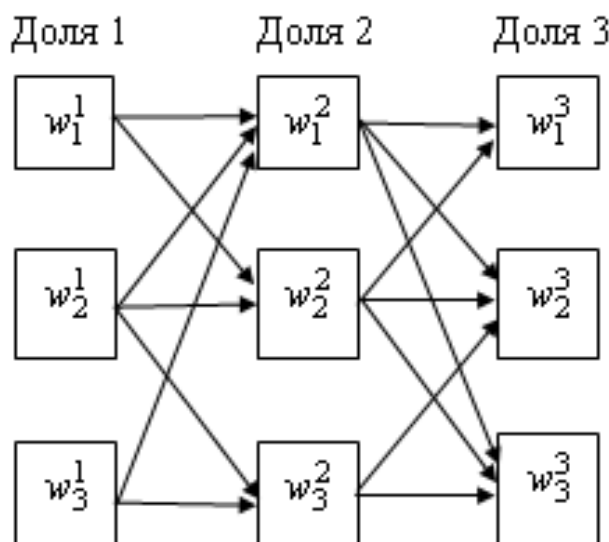

Рисунок 1 – Трёхдольный граф G

Figure 1 – A three-sided graph G

Для заданных нечётких высказываний $\tilde{A}$ и $\tilde{B}$, нечёткую логическую операцию конъюнкция будем выполнять по формуле (1):

$$\mu_{\tilde{A} \wedge \tilde{B}} = \min \{ \mu_{\tilde{A}}, \mu_{\tilde{B}} \} \quad (1)$$

Основные положения

Приведём постановку задачи применительно к подходам теории графов.

Имеем трёхдольный граф $G=(V, E)$, в котором V_1, V_2 и V_3 – соответственно множество вершин первой, второй и третьей долей графа, при этом $V_1 \cap V_2 = \emptyset (V_1 \cap V_3 = \emptyset, V_2 \cap V_3 = \emptyset)$. Предполагаем, что в каждой доле вершины упорядочены и в $V_r, r=1, 2, 3$ – число вершин.

Введём обозначения: $w_i^1, i=1, 2, \dots, l_1$ и i –

вершина из V_1 , w_j^2 ($j = 1, 2, \dots, l_2$), j -я вершина из V_2 , w_k^3 ($k = 1, 2, \dots, l_3$) k -я вершина из V_3 .

Под весом ребра будем понимать надёжность выполнения соответствующего требования («первый специалист психологически совместим со старшим группы», «старший группы психологически совместим с третьим специалистом» и т. п.). В задаче необходимо сформировать наибольшее трёхвершинное сочетание максимального веса. Под весом сочетания, в силу формулы (1), будем понимать минимальный вес ребра из числа ребер, образующих это трёхвершинное сочетание.

Для решения указанной задачи для заданного графа G строится из граф G^* . Если граф G изображен на рисунке 1, то граф G^* представлен на рисунке 2.

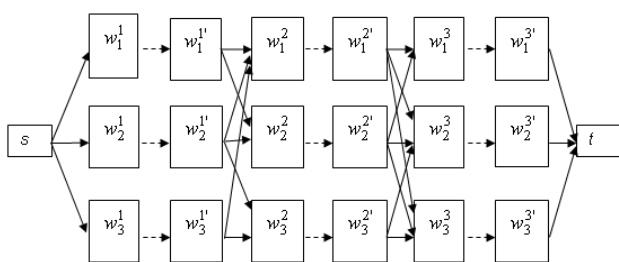

Рисунок 2 – Граф G^*

Figure 2 – Graph G^*

Опишем алгоритм построения графа G^* .

Каждую вершину w_k^l ($k, l = 1, 2, \dots$) графа G заменим на ребро: $(w_k^l, w_k^{l'})$ ($k, l, l' = 1, 2, \dots$).

Подчеркнём, что замена вершины графа на ребро этого графа позволяет реализовать условие пропуска через эту вершину единичного потока, необходимое для реализации предлагаемого алгоритма.

Если на графе G есть ребро (w_k^l, w_u^v) то на графе G^* есть ребро $(w_k^l, w_k^{l'})$ и ребро $(w_u^{l'}, w_u^v)$. Кроме этого на графе G^* имеется вершина s – источник, соединенная ребрами со всеми вершинами первой доли графа G , и вершина t – сток, соединенная со всеми вершинами третьей доли графа G^* (рисунок 2).

Рассматривая граф G^* в виде сети, у которой пропускные способности всех рёбер равны 1, будем находить в ней максимальный поток.

Замечание 1. Рассмотрим на графе G трёхвершинный ансамбль $(w_i^1, w_j^2)(w_j^2, w_k^3)$. На графе G^* имеется единственный путь, содержащий эти вершины – это путь, проходящий через вершины $s, w_i^1, w_i^1', w_j^2, w_j^2', w_k^3, w_k^3', t$. В дальнейшем будем считать, что этот путь соответствует рассматриваемому ансамблю и наоборот. Следовательно, каждому трёхвершинному ансамблю на соответствует определенный путь на G^* и наоборот.

Замечание 2. Загруженные пути на графе G^* не пересекаются. Действительно, в силу условий, налагаемых на поток, входной поток в каждую вершину должен равняться выходному потоку из

неё. На графе G^* в каждую вершину, не считая источника и стока, либо входит либо выходит точно одна дуга. Следовательно, ни одна из указанных вершин не может лежать на двух загруженных путях.

Замечание 3. Число загруженных путей равно величине максимального потока.

Замечание 4. Так как непересекающимся загруженным путям соответствуют непересекающиеся трёхвершинные ансамбли, то величина максимального потока не превосходит мощности трёхвершинного сочетания.

Замечание 5. Непересекающимся трёхвершинным ансамблям соответствуют непересекающиеся пути от источника до стока на графе G^* . Это следует непосредственно из определения соответствия путей и ансамблей. Следовательно, максимальное число непересекающихся трёхвершинных ансамблей в графе G (мощность максимального трёхвершинного сочетания) не превосходит величины максимального потока.

Замечание 6. Из замечаний 4 и 5 следует, что величина максимального потока на G^* равна мощности максимального трёхвершинного сочетания на G .

Для решения задачи по отысканию максимального трёхвершинного сочетания максимального веса на графе G предлагается следующий алгоритм.

На предварительном этапе по условиям задачи строится граф G_1^* .

На этапе с номером τ ($\tau = 1, 2, \dots$) для графа G_τ^* находится максимальный поток. Пусть его величина равна v_τ , а число загруженных путей от источника до стока равно M_τ . Строим соответствующее трёхвершинное сочетание и определяем его вес, пусть он равен g_τ (он равен величине построенного максимального потока). Убираем из графа G_τ^* дуги («первый специалист психологически совместим со старшим группы», «старший группы психологически совместим с третьим специалистом»), вес которых не превосходит g_τ . Если при этом появляется изолированная вершина, то убираем и её. Получаем граф $G_{\tau+1}^*$. Переходим к следующему этапу.

Вычисления алгоритма завершаются в том случае, когда на текущем этапе максимальный поток станет меньше, чем максимальный поток первого этапа.

В рамках задачи оперативного формирования максимального числа групп психологов, для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции, предполагается, что i -тый ($i \in V_1$) специалист-психолог первой специализации психологически совместим с i -тым ($j \in V_2$) специалистом-психологом второй специализации (старшим группы) с оценкой, которая измеряется по шкале в 100 баллов. Степень психологической совместимости специалистов-психологов первой и второй специализации зададим нечётким числом D_{ij}^p , $D_{ij}^p = \langle a_{ij}^p, b_{ij}^p, c_{ij}^p \rangle$,

с функцией принадлежности $\mu_{D_{ij}^p}$. Будем считать, что если оценка более 90 баллов, то психологическая совместимость специалистов-психологов первой и второй специализации достаточно надёжна.

Таким образом, степень истинности нечёткого высказывания «имеет место надёжная психологическая совместимость i -го специалиста первой специализации с j -тым специалистом второй специализации (старшим группы)» равна $\mu_{D_{ij}^p}(90)$. Будем также считать, что если оценка более 90 баллов, то психологическая совместимость специалистов-психологов первой и второй специализации достаточно надёжна.

Степень психологической совместимости i -го ($j \in V_2$) специалиста-психолога второй специализации (старшего группы) с k -тым ($k \in V_3$) специалистом-психологом третьей специализации, аналогично уже рассмотренной паре специалистов-психологов, будет оцениваться с использованием 100 бальной шкалы и задаваться нечётким числом $D_{jk}^d = \langle a_{jk}^d, b_{jk}^d, c_{jk}^d \rangle$, с функцией принадлежности $\mu_{D_{jk}^d}$. Будем считать, что если оценка более 90 баллов, то психологическая совместимость специалистов-психологов второй и третьей специализации достаточно надёжна.

Таким образом, степень истинности нечёткого высказывания «имеет место достаточно надёжная психологическая совместимость i -го специалиста второй специализации (старшего группы) с k -тым специалистом третьей специализации» равна $\mu_{D_{jk}^d}(90)$.

На рисунке 3 проиллюстрируем порядок определения, например, степени истинности нечёткого высказывания «имеет место достаточно надёжная психологическая совместимость второго специалиста второй специализации (старшего группы) с третьим специалистом третьей специализации» для нечёткого числа $D_{23}^d = \langle 30, 70, 100 \rangle$. Здесь $\mu_{D_{23}^d}(90) = 0,33$.

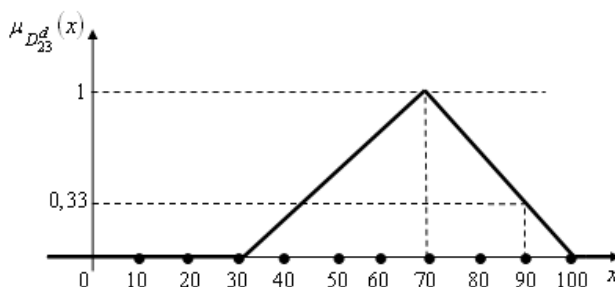

Рисунок 3 – Определение степени истинности нечёткого высказывания

Figure 3 – Determining the degree of truth of a fuzzy statement

Результаты

Проиллюстрируем предложенный алгоритм решения задачи оперативного формирования максимального числа групп психологов, для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции, примером.

Пример. Для формирования групп психологов имеется 4 специалиста-психолога 1 специализации (вершины первой доли), 3 специалиста-психолога 2 специализации (вершины второй доли) и 5 специалистов-психологов 3 специализации (вершины третьей доли). Данные по весам рёбер, используемым для расчётов приведены в таблицах 1, 2.

Необходимо сформировать оптимальным, по критерию психологической совместимости, образом несколько групп специалистов-психологов численностью по три человека каждая.

На рисунке 4 представим трёхдольный граф G , в котором в случае, если степень уверенности в психологической совместимости пары специалистов равна нулю, то, в целях упрощения последующих рисунков и вычислений, соответствующее ребро мы изображать не будем.

Таблица 1 – Веса рёбер между вершинами первой и второй долей

Table 1 – The weights of the edges between the vertices of the first and second lobes

Вершины первой доли	Вершины второй доли		
	w_1^2	w_2^2	w_3^2
w_1^1	0.6	0.7	0
w_2^1	0.7	0.6	0.7
w_3^1	0.9	0	0.9
w_4^1	0.8	0.8	0.7

Таблица 2 – Веса рёбер между вершинами второй и третьей долей

Table 2 – The weights of the edges between the vertices of the second and third lobes

Вершины второй доли	Вершины третьей доли				
	w_1^3	w_2^3	w_3^3	w_4^3	w_5^3
w_1^2	0.8	0.5	0.7	0	0
w_2^2	0.9	0.8	0.9	0	0.5
w_3^2	0	0.9	0.6	0.9	0.8

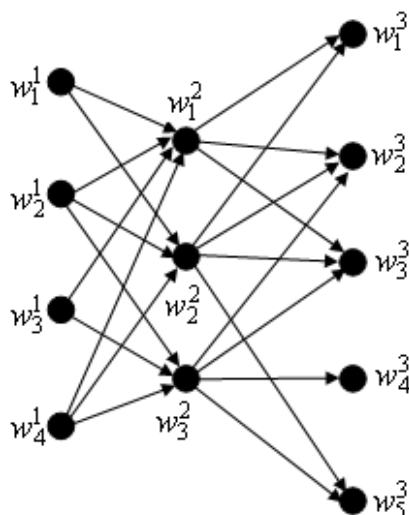

Рисунок 4 – Трёхслойный граф G с ребрами, соответствующими парам специалистов, степень уверенности в психологической совместимости которых больше нуля

Figure 4 – A three-sided graph G with edges corresponding to pairs of specialists whose degree of confidence in psychological compatibility is greater than zero

На первом этапе максимальный поток равен 3 (жирные линии на рисунке 5), максимальное трёхвершинное сочетание – $w_1^1, w_1^2, w_1^3; w_2^1, w_2^2, w_2^3; w_3^1, w_3^2, w_3^3$. Его вес равен 0.6. Убираем на графе ребра, с весами, не превосходящими значения 0.6, и переходим на этап 2.

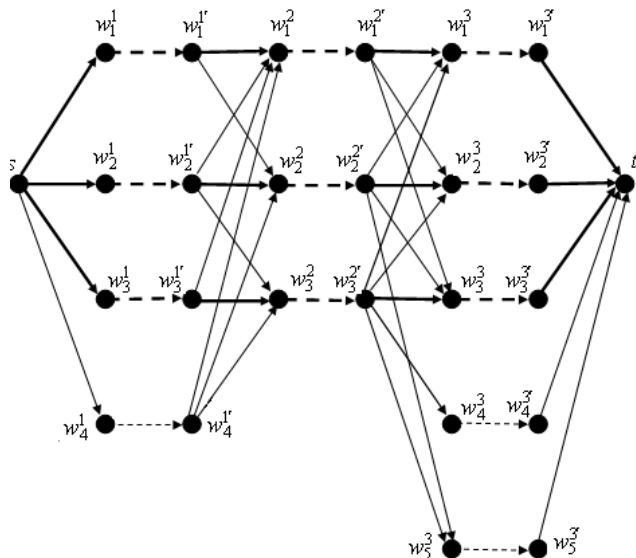

Рисунок 5 – Граф G^* (этап 1)

Figure 5 – Graph G^* (stage 1)

На втором этапе максимальный поток равен 3 (жирные линии на рисунке 6), максимальное трёхвершинное сочетание – $w_1^1, w_2^2, w_3^3, w_2^1, w_1^3, w_1^4, w_3^2, w_3^5$. Его вес равен 0.7. Убираем на графе ребра, с весами, не превосходящими значения 0.7 и переходим на этап 3.

На третьем этапе максимальный поток равен двум (жирные линии на рисунке 7), максимальное

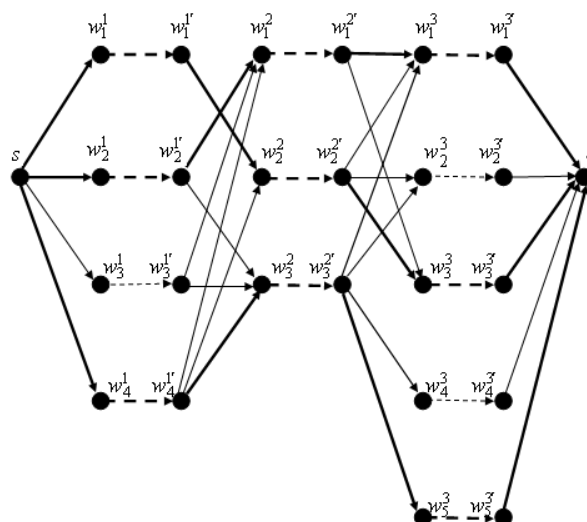

Рисунок 6 – Граф G^* (этап 2)

Figure 6 – Graph G^* (stage 2)

трёхвершинное сочетание – $w_3^1, w_1^2, w_1^3, w_4^1, w_2^2, w_2^3$, его вес равен 0.8. Надёжность увеличилась, но мощность сочетания уменьшилась.

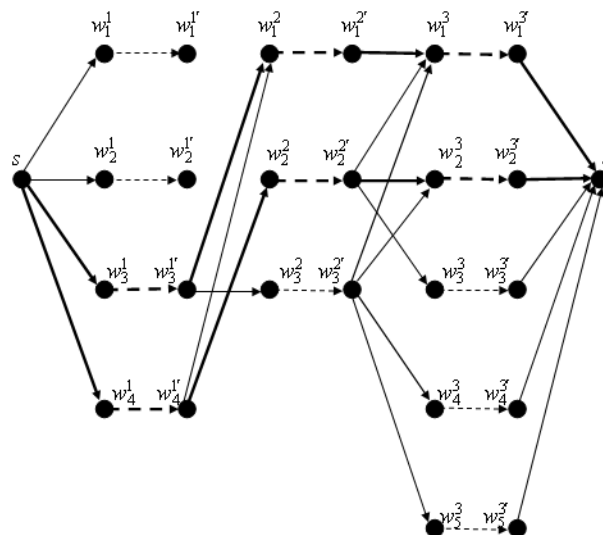

Рисунок 7 – Граф G^* (этап 3)

Figure 7 – Graph G^* (stage 3)

Поэтому решение задачи оперативного формирования максимального числа групп психологов, для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции, получено на втором этапе.

Таким образом, для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции, необходимо сформировать 3 группы специалистов-психологов: первую в составе – первого специалиста-психолога первой специа-

лизации, второго специалиста-психолога второй специализации и третьего специалиста-психолога третьей специализации; вторую в составе – второго специалиста-психолога первой специализации, первого специалиста-психолога второй специализации и первого специалиста-психолога третьей специализации; третью в составе – четвертого специалиста-психолога первой специализации, третьего специалиста-психолога второй специализации и пятого специалиста-психолога третьей специализации. Надёжность психологической совместимости сформированных групп специалистов-психологов равна 0.7.

Выводы

Таким образом, предложен алгоритм отыскания максимального трёхвершинного сочетания на трёхдольном графе, реализующий оптимальный порядок формирования групп специалистов

-психологов для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции.

Несомненными достоинствами предложенного алгоритма являются:

- возможность формирования с его использованием групп специалистов-психологов для выполнения задач психологической поддержки населения и военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации в ходе контртеррористической операции различной численности;

- его не высокая вычислительная сложность.

- универсальный характер предлагаемого подхода, что позволяет использовать его командирами (начальниками) для формирования психологически совместимых и компетентных подразделений военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации.

Список источников

1. Выбор оптимальной методики организации переподготовки психологов на основе использования математических методов / Вилков В. Б., ЩербакOVA О. И., Черных А. К., Худякова Т. Л. [и др.] // Эспасиос. 2018. Т. 39. Вып. 20. № 16.
2. Харари Ф. Теория графов. М.: Ленанд, 2018. 304 с.
3. Оре О. Графы и их применение. М.: Ленанд, 2015. 208 с.
4. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 166 с.
5. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. М.: Радио и связь, 1982. 429 с.
6. Вилков В. Б., Черных А. К., Флегонтов А. В. Задачи на графах с нечетко заданными весами: монография. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. 160 с.
7. Вилков В. Б., Черных А. К., Флегонтов А. В. Теория и практика оптимизации решений на основе нечетких множеств и нечёткой логики: монография. СПб.: Изд. РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. 160 с.
8. Вилков В. Б., Флегонтов А. В., Черных А. К. Математическая модель задачи о распределении в условиях неопределенности // Дифференциальные уравнения и процессы управления. 2018. № 2. С. 180–191.
9. Черных А. К., Козлова И. В., Вилков В. Б. Вопросы прогнозирования материально-технического обеспечения с использованием нечётких математических моделей // Проблемы управления рисками в техносфере. 2015. № 4 (36). С. 107–117.
10. Леоненков А. В. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 725 с.
11. Яхьяева Г. Э. Нечеткие множества и нейронные сети. М.: Бином, 2006. 315 с.
12. Черных А. К., Вилков В. Б. Управление безопасностью транспортных перевозок при организации материального обеспечения сил и средств МЧС России в условиях чрезвычайной ситуации // Пожаровзрывобезопасность. 2016. Т. 25. № 9. С. 52–59.
13. Тэрано Т., Асаи К., Сугэно М. Прикладные нечёткие системы. М.: Мир, 1993. 368 с.
14. Штовба С. Д. Введение в теорию нечетких множеств и нечеткую логику. Винница: УНИВЕРСУМ-Винница, 2001. 71 с.
15. Вагнер Г. Основы исследования операций. М.: Мир, 1972. Т. 1. 335 с.
16. Mamdani E. H., Assilian S. An Experiment in Linguistic Synthesis with Fuzzy Logic Controller // International Journal of Man-Machine Studies. 1975. Vol. 7. № 1. P. 1–13.
17. Piegat A. Fuzzy Modeling and Control. New York: Springer, 2001. 733 p.
18. Вилков В. Б., Черных А. К. О подходе к решению задачи комплектования подразделений личным составом на основе потокового алгоритма // Вопросы оборонной техники. Сер. 16: Технические средства противодействия терроризму. 2019. № 1-2 (127–128). С. 29–37.

References

1. Vilkov V. B., Shcherbakova O. I., Chernykh A. K., Andreev V. P., Khudyakova T. L., Kazakova S. N. The choice of an optimal methodology for the retraining organization of psychologists based on the use of mathematical methods. *Espacios*. 2018;39;20;16.
2. Harari F. *Graph theory*. Moscow: Lenand. 2018. (In Russ.).
3. Ore O. *Graphs and their application*. Moscow: Lenand. 2015. (In Russ.).
4. Zade L. *The concept of a linguistic variable and its application to making approximate decisions*. Moscow: Mir. 1976. (In Russ.).

5. Kofman A. *Introduction to the theory of fuzzy sets*. Moscow: Radio i svjaz'. 1982. (In Russ.).
6. Vilkov V. B., Chernyh A. K., Flegontov A. V. *Problems on graphs with fuzzy weights: monograph*. Saint-Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Gercena. 2018. (In Russ.).
7. Vilkov V. B., Chernyh A. K., Flegontov A. V. *Theory and practice of optimizing solutions based on fuzzy sets and fuzzy logic: monograph*. Saint-Petersburg: Izd. RGPU im. A. I. Gercena. 2017. (In Russ.).
8. Vilkov V. B., Flegontov A. V., Chernyh A. K. Mathematical model of the distribution problem under uncertainty. *Differential equations and control processes*. 2018;2: 180-191. (In Russ.).
9. Chernyh A. K., Kozlova I. V., Vilkov V. B. Issues of Forecasting Logistics Using Fuzzy Mathematical Models. *Problems of risk management in the technosphere*. 2015;4(36): 107–117. (In Russ.).
10. Leonenkov A. V. *Fuzzy modeling in MATLAB and fuzzyTECH*. Saint-Petersburg: BHV-Peterburg. 2005. (In Russ.).
11. Jah'jaeva G. Je. *Fuzzy sets and neural networks*. Moscow: Binom. 2006. (In Russ.).
12. Chernyh A. K., Vilkov V. B. Management of transportation safety in the organization of material support for forces and means of the Russian Emergencies Ministry in an emergency. *Fire and explosion safety*. 2016;25;9: 52–59. (In Russ.).
13. Tjerano T., Asai K., Sugjeno M. *Applied fuzzy systems*. Moscow: Mir. 1993. (In Russ.).
14. Shtovba S. D. *Introduction to fuzzy set theory and fuzzy logic*. Vinnica:
15. Vagner G. *Fundamentals of Operations Research*. Moscow: Mir. 1972. Vol. 1. (In Russ.).
16. Mamdani E. H., Assilian S. An Experiment in Linguistic Synthesis with Fuzzy Logic Controller. *International Journal of Man-Machine Studies*. 1975;7;1: 1–13.
17. Piegat A. *Fuzzy Modeling and Control*. New York: Springer; 2001. 733p.
18. Vilkov V. B., Chernyh A. K. On the approach to solving the problem of manning subdivisions based on a streaming algorithm. *Questions of defense technology*. 2019;1-2 (127-128): 29–37. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А.К. Черных – доктор технических наук, профессор
И. Н. Зозулин – заместитель начальника кафедры информатики и математики

Статья поступила в редакцию 25.10.2021;
 одобрена после рецензирования 26.11.2021;
 принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

A. K. Chernykh – Doctor of Sciences (Engineering), Professor
I. N. Zozulin – Deputy Head of the Department of Computer Science and Mathematics

The article was submitted 25.10.2021;
 approved after reviewing 26.11.2021;
 accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
 The authors declare no conflicts of interests.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.6

ИССЛЕДОВАНИЕ САМООЦЕНКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РОСГВАРДИИ

Светлана Викторовна Лычагина¹, Денис Дмитриевич Степанов²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kafedra_opp@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается важная в психолого-педагогическом плане составляющая, связанная с исследованием самооценки, как важного звена в формировании самосознания личности. Отмечается, что учебно-воспитательный процесс образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии способствует формированию адекватной самооценки у большинства курсантов. Последнее создает положительную перспективу для организации воспитательной работы на всех курсах обучения в военных образовательных организациях высшего образования.

Ключевые слова: самооценка, военнослужащие, регуляция деятельности, субъектность, социум, мотивы, цели, адекватность

Для цитирования: Лычагина С. В., Степанов Д. Д. Исследование самооценки военнослужащих Росгвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 83–87. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/015.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

SELF-ASSESSMENT STUDY OF THE SERVICEMEN OF THE RUSSIAN GUARD

Svetlana V. Lychagina¹, Denis D. Stepanov²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, kafedra_opp@bk.ru

Abstract. The article considers an important component in psychological and pedagogical terms related to the study of self-esteem as an important link in the formation of self-awareness of the individual. It is noted that the educational process of the educational organization of higher education of the National Guard Troops contributes to the formation of adequate self-esteem in the majority of cadets. The latter creates a positive perspective for the organization of educational work in all courses of study in the Military Educational Institution.

Keywords: self-assessment, military personnel, regulation of activity, subjectivity, society, motives, goals, adequacy

For citation: Lychagina S. V., Stepanov D. D. Self-assessment study of the servicemen of the Russian Guard // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 83–87. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/015.pdf>.

© Лычагина С.В., Степанов Д.Д., 2022

*Никто не может приобрести низкую самооценку
в изоляции. И никто из нас не в состоянии
изменить ее в одиночестве.
А. Санфорд*

Введение

Проблема формирования адекватной самооценки находится на стыке интересов специали-

стов нескольких отраслей психологической науки, прежде всего, психологии личности, возрастной и педагогической психологии, психологии труда и др. Для военных психологов самооценка и ее динамика представляет интерес, поскольку в условиях служебно-боевой деятельности есть ряд факторов, негативно влияющих на самосознание личности и, соответственно, способствующих нестабильности самооценки. Кро-

ме того, показатели самооценки анализируются в структуре профессионального психологического отбора в войска национальной гвардии Российской Федерации.

Способность к адекватной самооценке может оцениваться как средство саморазвития и самоконтроля.

Будучи продуктом интегративных процессов, прежде всего, самоотношения и самопознания, самооценка рассматривается в качестве важного регулятора поведения и деятельности личности. В литературе она рассматривается не только как центральной новообразование психики развивающегося субъекта, но и как детерминирующий школьную и вузовскую судьбу человека фактор [1]–[4].

Эффективность выполнения своих обязанностей, а также успешный процесс служебно-боевой и служебно-оперативной деятельности определяется устойчивой внутренней мотивацией военнослужащих к службе и к достижению успеха, сформированностью у них адекватного целеполагания, способностью к сохранению логики рассуждений, быстрым и точным выполнением военно-профессиональных действий в любых ситуациях. Нарушение этой системы в любом звене может привести к изменению структурных компонентов деятельности и, следовательно, к снижению её эффективности в целом. Важное значение имеет определение факторов, которые могут негативно повлиять на мотивы, цели и действия военно-профессиональной деятельности.

В учебной литературе обычно самооценка характеризуется как результат оценивания личностью самой себя на основе внутригруппового сравнения [4; 5]. Хотя считается, что ее проявления достаточно объективны и доступны психологической диагностике, в то же время внутренняя картина изменений самооценки обучаемых, в том числе и курсантов военных образовательных организаций высшего образования (ВООВО), требует применения не только формализованных процедур (тестирования), но и применения широкого спектра средств регистрации поведенческих проявлений самооценки в типовых и чрезвычайных ситуациях.

При помощи самооценки происходит регуляция поведения и взаимоотношений личности. Самооценка – сложное динамическое образование, личностный параметр умственной деятельности. Согласно А. В. Петровскому, самооценка есть ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения. Самооценка – проекция реального «Я» на «Я-идеальное» [5].

Самооценка является важнейшей составляющей личности. В самооценке слиты различные аспекты отношения личности к себе. Процесс самореализации и самооценка тесно связаны и влияют друг на друга: ощущение нереализованности себя снижает самооценку, а заниженная самооценка препятствует полноценной самореализации. В этой взаимосвязи определенное

«первенство» влияния принадлежит самооценке.

С позиций ключевых характеристик личности самооценку следует рассматривать как одно из явлений субъектности – сложной интегративной характеристики личности, которая указывает на ее активно-избирательное, инициативно-ответственное, преобразовательное отношение к себе, к людям, к деятельности, к миру и жизни в целом. Также субъектность задевает все сферы жизни человека, выступая при этом интегративной личностной характеристикой. Она, проявляясь и в личностном, и в индивидуальном, и в индивидуальном способе ее бытия, обладая способностью к динамике, а значит, к развитию и формированию.

По мнению Б. Г. Ананьева [6], самооценка является наиболее важным компонентом самосознания личности, и ее целесообразно анализировать с учетом самоотношения, наряду с аутосимпатией и самопринятием.

И. С. Кон отмечает определяющую роль самооценки в процессе социальной адаптации личности. Она не возникает одномоментно, а является продуктом деятельности и межличностного взаимодействия. В этой связи особая роль принадлежит социальной среде, т. е. самооценка – это относительно позднее образование в структуре развивающейся личности [7].

По мнению Т. Шибутани самооценка является ядром функционального единства ценностей личности [8, с. 46].

Курсанты, поступающие в ВООВО в возрасте 17–20 лет, безусловно, дают себе отчет о значимости самооценки. Нарушения самооценки ведут к потере душевного равновесия, неудовлетворенности своей жизнью. Для эмоциональных отношений важнее удовлетворенность самореализацией, чем успехи, заметные для окружающих.

Мнение человека о себе субъективно, т. е. его утверждения не всегда истинны. Однако это несколько не смущает и не мешает порождать устраивающие себя оценки своих поступков и качеств, которые соотносятся с «духом времени», т. е. поведенческими стереотипами, организационной культурой и т. д.

Эмпирическое исследование

Целью выполненного исследования было установление реальной картины формирования самооценки в образовательном пространстве ВООВО войск национальной гвардии.

Предметом исследования является самооценка курсантов 3 года обучения, что связано с особым отношением большинства ученых-психологов и педагогов к этому курсу, как переломному в плане осуществляемой профессионализации деятельности обучаемых.

Диагностическое исследование курсантов было проведено на методике Т. В. Дембо и С. Я. Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан) [9] и теста на самооценку личности: «Я-реальное», «Я-идеальное» – методика С. А. Будасси.

Рассмотрим некоторые полученные результаты самооценки. Данные отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели самооценки курсантов ВООВО

Table 1 – Self-evaluation indicators of of cadets of military educational organizations of higher education

Шкалы	курсанты, n = 58		
	М	m	δ
Здоровье	85,78	1,69	12,85
Способности	79,43	2,19	16,70
Характер	71,02	2,43	18,47
Авторитет у сослуживцев	73,28	2,03	15,48
Техническая умелость	72,02	2,89	21,98
Внешность	79,43	2,14	16,27
Уверенность в себе	80,34	2,28	17,35
Примечание – М – среднее арифметическое; m – ошибка среднего; δ – стандартное квадратичное отклонение			

При проведении данной методики шкала «здоровье» является контрольной. Таким образом, среднегрупповые показатели по этой шкале ($M = 85,78$) позволяют говорить об адекватной, с тенденцией к завышению, самооценки курсантов третьего курса ВООВО. Кроме того, поскольку требования к состоянию здоровья являются безусловным компонентом профессиональной пригодности при поступлении в ВООВО, можно сказать, что данные диагностики подтверждают личностную значимость высоких требований к показателям здоровья военнослужащих.

Анализируя данные таблицы 1, можно отметить, что самую высокую оценку курсанты обследованного подразделения дают показателям здоровья ($M = 85,78$) и уверенности в себе ($M = 80,34$). Ниже всего оценивают свой характер ($M = 71,02$); техническую умелость, способность что-то делать своими руками ($M = 72,02$) и авторитет у сослуживцев ($M = 73,28$).

Анализ среднегрупповых показателей позволяет отметить тенденцию к завышенной самооценке по шкалам «способности» ($M = 79,43$), «внешность» ($M = 79,43$) и «уверенность в себе» ($M = 80,34$). Вероятно, высокие требования к уверенности в себе, качествам ума и внешности отражают совокупность социальных требований к внешнему облику офицера: физически развитый, спортивного телосложения, мужественный, подтянутый, с военной выправкой, хладнокровный, уверенный в себе молодой человек.

Относительно невысокий средний балл по самооценке технической умелости ($M = 72,02$) соотносится с низкими баллами по военно-профессиональным дисциплинам технического профиля. Можно предположить, такая самооценка отражает недостигнутый пока требуемый уровень успешности в учебно-профессиональной деятельности.

По методике Т. В. Дембо и С. Я. Рубинштейна,

нами получены следующие данные. По показателю «здоровье» доминирует завышенная самооценка – 55 % курсантов склонны чрезвычайно высоко оценивать свое физическое состояние. 41 % адекватно оценивает состояние своего здоровья и лишь 4 % дают низкую оценку, вероятно, по причине актуального плохого самочувствия.

Следовательно, в основном курсанты уверены в своем здоровье. Предполагают, что в настоящий момент находятся в хорошей физической форме, что позволяет им успешно выполнять учебно-тренировочные упражнения.

Показатель «способности» позволяет говорить о примерно одинаковой представленности отражения завышенной (40 %) и адекватной (46 %) самооценки, а 14 % всех респондентов не высоко оценивают свои способности.

Иная картина фиксируется по показателю «характер». Несмотря на то, что большинство (41 %) склонны адекватно оценивать свой характер, 35 % всех респондентов дают низкие оценки и только 24 % курсантов скорее переоценивают качества своего характера. Именно по этой шкале наблюдается самый большой процент респондентов, которые дали себе низкие оценки. Данное положение можно интерпретировать по-разному, но данные наблюдений и бесед позволяют связывать это не с невротизацией, а с желанием саморазвития.

По следующему показателю «авторитет у сослуживцев» ярко выражена адекватная самооценка. Тех, кто отмечает для себя, что, в принципе, имеет авторитет у сослуживцев, в обследованном подразделении оказалось 66 %. Считают, что их авторитет безусловный, мнение доминирует в ситуации принятия решения, а сами они пользуются влиянием в коллективе 15 % всех респондентов. 19% участников обследования предполагают, что авторитетом не пользуются, и к их мнению вряд ли будут прислушиваться. Послед-

нее мы склонны связывать с тем, что учебная группа курсантов создается на определенный временной период, и, хотя она может проходить, согласно А. В. Петровскому разные стадии организации, но в основном фиксируется уровень кооперации, а не тот, который соответствует трактовке коллектива А. В. Петровским [5].

По показателю «техническая умелость» почти одинаково представлены адекватная (36 %) и завышенная самооценка (38 %). Четверть всех респондентов (26 %) имеют низкую самооценку, полагая, что пока не располагают в достаточной мере необходимыми для воинской службы компетенциями.

Довольны своей внешностью 43 % курсантов – адекватная самооценка. Еще 45 % дают более высокие оценки своей внешности (завышенная самооценка внешности). Только 12 % не высоко оценивают свои внешние данные, вероятно, хотели бы изменить внешний облик.

Считают себя уверенными в собственных силах и возможностях, порой переоценивая способности 47 % курсантов, реалистично оценивают собственные силы и верят в себя 36 % и 17 % считают, что им не хватает уверенности в своих силах и возможностях.

Актуальным в плане оценивания результативности работы по воспитанию и самовоспитанию является оценивание «Я-реального» и «Я-идеального», в частности, когда рассматривается симптоматика внутриличностного конфликта. Считается, что если фиксируется разрыв между этими образами, то самооценка будет иметь тенденцию к снижению. И напротив, приближение к идеалу способствует ее повышению.

Соотношение уровнейых показателей подтверждает этот вывод: у большей части курсантов диагностируется высокая самооценка (55 %) и у трети (36 %) адекватная самооценка. Адекватную

самооценку (имеющую тенденцию к завышению) можно соотнести с положительным отношением к себе, самопринятием и самоуважением, социальной востребованностью и др., поскольку уровень самооценки, как отмечается в литературе [1]–[3] выражает степень реальных и идеальных, или желаемых, представлений о себе.

Низкий уровень самооценки зафиксирован лишь у 9 % всех респондентов. Подобный уровень с тенденцией к занижению требует психологической коррекции, так как свидетельствует о сформированном (или формирующемся) негативном самовосприятии и не всегда критичном внутригрупповом сравнении.

Заключение

Полученные в эмпирическом исследовании самооценки курсантов ВООВО данные позволяют судить о важности проблематики самооценки и самосознания в целом для психологической службы образовательного учреждения. Рассогласованность образов «Я-реального» и «Я-идеального» требует оказания личности квалифицированной психологической помощи вне зависимости от курса обучения (в описываемом случае таких респондентов 9 % от количества опрошенных).

В отечественной психологической литературе преобладающим является мнение о том, что наиболее благоприятной и, следовательно, адекватной является самооценка, имеющая тенденцию к завышению, но не приводящая к игнорированию личностных черт, препятствующих эффективному восприятию и пониманию человека человеком [2].

В среде военнослужащих также мы видим работу над самооценкой, ее адекватным проявлением, поскольку это тоже является психолого-педагогическим направлением для успешной профессиональной деятельности.

Список источников

1. Гостев А. А. Образная сфера человека в познании и переживании духовных смыслов. М. : ИП РАН, 2001. 84 с.
2. Осницкий А. К. Психология самостоятельности: методы исследования и диагностики. Нальчик : Эль-Фа, 1996. Вып. 1. 128 с.
3. Реан А. А. Психология человека от рождения до смерти. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 99 с.
4. Турчин А. С. Самооценка в структуре психологических качеств личности военнослужащих и курсантов военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 2 (7). С. 89–96. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2019/06/018.pdf>.
5. Общая психология: учебник / под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., доп. и перераб. М., 1976. 479 с.
6. Ананьев Б. Г. К постановке проблемы развития детского самосознания / Ред. Е. Строганова // Психология развития: хрестоматия. СПб. : Питер, 2001. С. 111–115.
7. Кон И. С. Проблема «Я» в психологии / под ред. Д. Я. Райгородского // Психология самосознания: хрестоматия по социальной психологии личности. Самара: БАХРАХ-М, 2007. С. 45–96.
8. Шибутани Т. Я-концепция и чувство собственного достоинства // Самосознание и защитные механизмы личности. Самара: БАХРАХ-М, 2008. 654 с.
9. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Просвещение, 1986. 192 с.

References

1. Gostev A. A. (eds.) *The figurative sphere of man in the cognition and experience of spiritual meanings*. Moscow: IP RAN; 2021. (In Russ.).

2. Osnickij A. K. (eds.) *Psychology of independence: methods of research and diagnostics*. Nal'chik: Jel'-Fa; 1996. (In Russ.).
3. Rean A. A. (eds.) *Human psychology from birth to death*. Saint-Petersburg: Prajm-EVROZNAK; 2006. (In Russ.).
4. Turchin A. S. Self-assessment in the structure of the psychological qualities of the personality of servicemen and cadets of the military educational organization of higher education of the National Guard Troops. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii*. 2019;2(7): 89–96. (In Russ.).
5. Petrovskij A. V. (eds.) *General psychology: textbook*. Moscow; 1976. (In Russ.).
6. Anan'ev B. G. To the formulation of the problem of the development of children's self-awareness. In: Stroganova E. (eds.) *Developmental Psychology: Reader*. Saint-Petersburg: Piter; 2001. (In Russ.).
7. Kon I. S. The problem of "I" in psychology. In: Rajgorodskij D. Ja. (eds.) *Psychology of self-consciousness: an anthology on the social psychology of personality*. Samara: BAHRAH-M; 2007. (In Russ.).
8. Shibutani T. Self-concept and self-esteem. In: *Self-awareness and defense mechanisms of personality*. Samara: BAHRAH-M; 2008: 220–231. (In Russ.).
9. Rubinshtejn S. Ja. *Psychology of a mentally retarded student: textbook*. Moscow: Prosveshhenie; 1986. (In Russ.).

Информация об авторах

С. В. Лычагина – кандидат педагогических наук,
доцент

Д. Д. Степанов – курсант

Статья поступила в редакцию 18.01.2022 ;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали
эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

Contribution of the authors

S. V. Lychagina – Candidate of Sciences (Pedagogy),
Docent

D. D. Stepanov – cadet

The article was submitted 18.01.2022 ;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.6

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ КОМАНДИРА КАК СУБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

Николай Матвеевич Филимонцев

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kafedra_opp@bk.ru

Аннотация. В статье раскрываются социально-психологические качества, структурные компоненты формирования личности офицера. Рассматриваются основные морально-идеологические и духовные ценности, характеризующие современного офицера войск национальной гвардии.

Ключевые слова: личность офицера, руководитель, модель личности офицера, морально-психологические качества командира, социальные ценности, честь, воинский долг, патриотизм

Для цитирования: Филимонцев Н. М. Социально-психологические особенности личности командира как субъекта управления войсками // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 88–92. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/016.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

SOCIO-PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE PERSONALITY OF THE COMMANDER AS A SUBJECT OF COMMAND AND CONTROL

Nikolay M. Filimontsev

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, kafedra_opp@bk.ru

Abstract. The article reveals the socio-psychological qualities, structural components of the formation of the officer's personality. The main moral, ideological and spiritual values that characterize the modern officer of the National Guard Troops are considered.

Keywords: officer's personality, leader, officer's personality model, commander's moral and psychological qualities, social values, honor, military duty, patriotism

For citation: Filimontsev N. M. Socio-psychological features of the personality of the commander as a subject of command and control // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 88–92. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/016.pdf>.

© Филимонцев Н.М., 2022

Введение

В современных условиях развития нашего общества и войск национальной гвардии высокие морально-психологические и профессиональные качества офицеров приобретают исключительное значение. Дело в том, что ответственные и высокие те задачи, которые возложены на них по обеспечению боеготовности и боеспособности частей и подразделений, которыми они командуют. Тем самым обеспечивается национальная и военная безопасность страны. Для того, чтобы обеспечить выполнение данной задачи, командир должен обладать определенными челове-

скими качествами, прежде всего духовными и деловыми.

Основные положения

Личность офицера – устойчивая система социально значимых черт, характеризующих его как руководителя. Первое место среди них занимают духовные ценности. Они органически взаимосвязаны с профессиональными качествами офицера. В деловой обстановке эти черты выступают как единство его моральных качеств с компетентностью, что является основой его авторитета среди подчиненных. Именно от этих качеств

зависит успех деятельности командира, прежде всего в управлении войсками.

Если составить модель личности офицера, то в ее структуре мы должны видеть следующие группы элементов морально-психологического и профессионального характера:

1) направленность личности, что зависит от ее мировоззрения, жизненных устремлений, установок, намерений и целей; направленность определяет основное в деятельности человека;

2) знания, навыки, умения и привычки, приобретенные в ходе обучения и жизненной практики;

3) индивидуальные особенности: эмоции, ощущения, мышление, восприятие, чувства, воля, память;

4) биопсихологические и возрастные свойства личности.

Данными чертами и свойствами личности определяются ее характер и способности, которые в целом определяют офицера как личность, способную выполнять возложенные на него задачи по защите Отечества. приведенная классификация качеств офицера носит условный характер, ибо они находятся в диалектическом единстве.

Командир – живой человек и обладает еще и индивидуальными особенностями, присущими только ему. В своем качественном единстве он – сложное единство многообразных общих, отдельных и особенных свойств и качеств, присущих всем людям нашей страны, национальности, которую он представляет, группы офицеров, в состав которой он входит, а так же возрастных и индивидуальных черт.

Итак, характеризуя личность современного командира войск национальной гвардии как систему социально значимых качеств, вместе с тем мы особо отмечаем духовные ценности личности военного руководителя. Дело в том, что соотношение духовной ценности с реальной потребностью личностей и общества может служить основанием для классификации ценностей жизни и культуры. В зависимости от целей конкретного философского анализа можно по-разному различать ценности вообще и духовные в частности. В литературе существуют различные подходы к выделению оснований классификации общих духовных ценностей.

1. По уровням общественного бытия и общественного сознания.

Иерархия ценностей должна строиться по такому принципу, где человек, человеческая жизнь и человечество в целом определяются как высшая ценность бытия, а затем выделяются ценности материальной жизни людей, социальные ценности и, наконец, ценности духовной жизни общества.

2. В социологическом плане:

а) по видам духовной деятельности или же в гносеологическом аспекте;

б) по формам общественного сознания: ценности знания; моральные ценности; эстетические ценности.

3. По группам или видам потребностей.

Целесообразно различать потребности не по

их принадлежности к тем или иным группам вещей, явлениям материальной или духовной жизни людей, а по тому, какую – материальную или духовную ценность они удовлетворяют.

4. По отношению к самому человеку, к его потребностям.

Если предмет по своей природе не обладает необходимым для человека свойством, то он и не может стать для него ценностью.

Определим наиболее общую классификацию ценностей культуры как единства трех групп:

– **нравственные** (поступки людей сопоставляются с признанными представлениями в конкретном обществе идеалом добра, который фиксируется в их сознании в виде определенного комплекса моральных норм, правил должного или рекомендуемого поведения);

– **эстетические** (устанавливаются путем сопоставления, сравнения с идеалом прекрасного, принятым каноном красоты);

– **практические** (ценность орудия, действия, акции сравнивается с максимумом целесообразности (эффективности, результативности) в данном виде деятельности).

Условия современной жизни диктуют необходимость возрождения вечных, бесспорных общечеловеческих ценностей как стержневой основы культуры и освобождения от псевдоценностей.

Поэтому в настоящее время назрела необходимость пересмотреть традиционные идеалы и нормы, создать новые, соответствующие требованиям времени ценности и мотивации – духовные, философские, этические, социальные. Система военно-профессиональных ценностей относительно самостоятельная часть материальных и духовных ценностей общества, они формируются в ходе служебно-боевой и военно-политической подготовки войск.

Необходимо четко выделить в структуре военно-профессиональных ценностей условно несколько групп ценностей определяющих её морально-идеологические и специфические военно-профессиональные характеристики:

1. **Социально-политические** (научное мировоззрение, политическое мышление, верность конституционному долгу и выработанные на их основе социальные качества, характеризующие поступки, поведение и отношения воинов): гражданственность, патриотизм, социальный статус, духовная надежность, социальная защищенность.

2. **Моральные:** самоотверженность, воинский долг, воинская честь, достоинство, мужество, справедливость, ответственность, героизм.

3. **Эстетические:** быт военных кадров, героическое и трагическое в ратном труде и др.

4. **Ценности воинской службы**, которые в свою очередь можно подразделить на: материальные (оружие, боевая техника, предметы материального обеспечения и т. д.); ценности, определяющие профессиональную специфику войск (дисциплина и организованность, единоначалие, строгая регламентация жизни, четкий ее ритм, воинские традиции, ритуалы и др.); военно-технические (воинская выучка, мастерство).

Характеризуя каждую из групп ценностей, следует иметь в виду их зависимость от коренных условий жизни нашего общества и условность разделяющих ценности границ, их взаимодействие, диалектическую взаимосвязь.

Новые ценности должны побуждать человека: лучше служить людям, не брать, а отдавать. Источник обновления – это чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию, в центре внимания – целостная человеческая личность и её возможности.

Инерция общественного сознания, инерция мышления, связана отчасти и с тем, что люди («умом понимают») необходимость каких-то инноваций, но эмоционально их отвергают и бессознательно им противятся, стараясь при этом обосновать свою позицию какими-то «псевдорациональными» аргументами [1].

Итак, рассмотрев общие духовные ценности, различные подходы к их классификации, необходимо рассмотреть общие морально-идеологические и собственно военно-профессиональные ценности, пути их становления в условиях формирования войск национальной гвардии. Они формируются и приобретают значимость в результате каких-то поступков отдельных воинов и воинских коллективов в целом. Воин может руководствоваться общими военно-профессиональными ценностями, лишь в той или иной степени может не полностью с ними соглашаться, а иногда и отвергать их. В то же время личный авторитет отдельных командиров и начальников может иногда превышать силу общественного мнения, приводить в конфликт с общепринятой системой ценностей.

Исследуя содержание и тенденции развития ценностных ориентаций личности российского воина, необходимо исходить из анализа и оценки реальной обстановки, сложившейся в обществе, Вооруженных Силах, в войсках. После раскола прежней системы ценностей образовался духовный «вакуум». В чем же заключаются его опасности? А. М. Цибулька считает, что критическое положение во многих сферах общественной жизни, несовпадающие оценки прошлого и настоящего поляризовали позиции людей. У части населения, особенно молодежи, происходит утрата веры в социалистические ценности и идеалы, наблюдается неустойчивость мировоззренческих ориентаций. Люди же среднего и особенно старшего возраста продолжают верить в прошлые идеалы. Увеличивается количество людей, которые вообще пытаются уйти от мировоззренческих проблем. Эти же процессы происходят и Вооруженных Силах [2].

А идеология в свою очередь как бы нормирует социальные процессы, позволяет квалифицировать деятельность воина, каждого человека по жизненно важной для всей общественной системы шкале. Она находит своё выражение в практических делах и жизненных планах воинов, формирует цели, стремления и ценностные ориентации личности, т. е. формирует общественную идею. В качестве таковой ныне, на наш взгляд,

может выступать только государственно-патриотическая идея.

Выделим основные морально-идеологические ценности, присущие каждому, в том числе и военному человеку. Таковыми являются честь, долг, патриотизм.

Воинская честь – это самая главная добродетель офицера, она заставляет его быть бескомпромиссным к самому себе, избавляет его сердце от трепета перед возможной смертью и увечьем, делает саму мысль о пощаде, дарованной врагами, невыносимой [3, с. 10].

Многие русские офицеры большое внимание уделяли такой ценности, как воинская честь. Например, офицер генерального штаба М. Галкин говорил, что обладать честью во все времена было признано необходимостью для офицерского кадра. Кто не может возвыситься до истинного понимания чести, тот пусть лучше откажется от звания офицера, необходимейшему и первому требованию которого он не удовлетворяет. Он считал, что честь – святыня офицера, она – высшее благо, которое он обязан хранить и держать в чистоте. Честь – его награда в счастье и утешение в горе. Честь закаляет мужество и облагораживает храбрость. Честь не знает ни тягости ни опасности: делает лишения легкими и ведет к славным подвигам. Честь не терпит и не выносит никакого пятна [3, с. 199].

В деле развития чувства чести играет особую важную роль авторитет офицера, тем более что солдаты прекрасно чувствуют, искренне ли говорит офицер или нет, то есть от души ли исходят его наставления.

Необходимо разъяснять солдатам все поступки и промахи нижних чинов против чести, разъяснять всю непривлекательность поступков противных понятию о чести.

Честь – это острое, деятельное чувство, побуждающее офицера ревниво заботиться о своем добром имени, репутации. Оно не совместимо с бюрократически равнодушным отношением к подчиненным, беспринципностью, проницательностью, приспособленчеством и угодничеством.

Совесть народа в военной среде получала легированные добавки от риска, отваги, бдительности и мужской дружбы и после переплавки на передовой выливалось в булат воинской чести. Отсюда и ритуал воинского приветствия. Отдать честь, значить подтвердить свою верность воинскому братству, помнить о жертвах и традициях. Воинское приветствие – это жест высочайшего духовного равенства, ибо им обменивается и рядовой с маршалом. Ритуалы армии проникнуты глубоким смыслом, они все подчинены одному – укрепить, сementировать армию, сделать её единой семьей. Если младший отдал честь, а старший не ответил, то старший внес свою лепту в разрушение армии. Ибо идею воинского братства превратил в идею холуйского чинопочитания. К сожалению, как считает автор, на практике есть немало негативных примеров не отдания воинского приветствия особенно, что касается рядовых и сержантов, младших и старших офицеров [1].

Облик армии, прежде всего, зависит от культуры офицерского корпуса, от его готовности к служению, от его достоинства и чести, верности долгу и Отечеству. В России в настоящем офицере всегда видели рыцаря. Доблесть, честность, благородство души, чистая совесть – вот те черты, которые в нем особо ценились. А ведь как правильно сказано. На взгляд автора исследования, каждый офицер обязан знать историю своего Отечества, историю своей армии для повышения своего интеллекта, эрудиции, этикета и в целом профессиональной культуры.

Итак, честь в ее истинном понимании характеризует осознание лицом своего общественного значения и признания за ним этого значения со стороны общества. Первая и главная черта воинской чести – глубокое осознание своей личной ответственности за выполнение воинского долга.

Воинский долг. Источником общественного долга являются интересы общества и потребности людей.

В зависимости от конкретных условий жизни людей, характера их деятельности долг принимает различные формы. Обязанности по отношению к Отечеству выражает понятия патриотический, гражданский и воинский долг. Человек имеет нравственные обязанности и по отношению к семье, товарищам, близким – отсюда семейный, товарищеский долг. В каком бы виде долг не наступал, он всегда связан с общественными интересами.

По своим задачам долг российского воина выражает самую высокую почетную обязанность – быть готовым с оружием в руках защищать Отечество, мир на земле.

Осознание воинского долга включает в себя следующие стороны:

1) Идеиная стойкость, преданность народу.

Воинский долг требует от человека полной отдачи сил и способностей.

2) Овладение военными знаниями.

Отличная боевая выучка воинов наряду с высоким моральным духом личного состава является основой боеспособности войск, важнейшим условием победы в бою, безупречного выполнения священного воинского долга по защите Отечества.

Военные знания укрепляют моральные силы воина, создают условия для проявления активности и энтузиазма, рождают уверенность в успешном выполнении задачи.

3) Морально-психологические качества офицера.

Решающая роль в современном бою принадлежит морально-психологической стойкости.

Долг, ставший главным и личным желанием, побуждает к поступку, в который вкладывается максимум воли и упорства. Истинный долг предполагает первенство общественных интересов над личными ради общей пользы.

Патриотизм. Высшей духовной ценностью, за которую русские люди, прежде всего, были готовы проливать свою кровь на бесчисленных полях брани, издревле считалось Отечество.

Очень образно эту патриотическую идею выразил М. Галкин, один из известных военных деятелей старой армии: «Армия – это дуб, защищающий родину от бурь. Он распространил свои корни по всей стране и высасывает ими народные соки. Этот дуб живёт нацией, которую в свою очередь оберегает. Армия и нация подобны дереву и почве, первая прикрывает, вторая питает» [4]. Дух патриотизма – нравственный универсальный идеал. Он лежит в основании и венчает всякую национальную военную систему, в противном случае она не имеет никакой ценности. Патриотизм же российского воина уникален. Он глубоко коренится в душе русского человека, ибо формировался долгим историческим опытом, выстраданным драматической судьбой Отечества и передаётся от поколения к поколению [3, с. 201].

Дух патриотизма должен лежать в основании и венчать всякую военную систему, в противном случае она не будет иметь никакой цены. Русский солдат и вообще простолюдин представляет в высокой степени плодотворную почву для развития патриотизма, который, как известно, заключается в благоговейной преданности и любви к Родине. Эти чувства глубоко коренятся в душе нашего человека, вложены в него долгим историческим опытом и передаются от поколения к поколению.

Заключение

Солдат и простолюдин, не знающий отечественную историю, не имеющий понятия о прошлой жизни своего народа, представляют собой скорее невежественного, некультурного полудика, чем военного человека или гражданина.

Таким образом, в основе военно-профессиональных ценностей офицера лежат духовные ценности, которые и определяют его направленность его управленческой деятельности, как в мирные дни, так и в военное время.

Список источников

1. Пепелев В. В. Психологические особенности становления авторитета командиров подразделений на современном этапе развития Вооруженных Сил : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Пепелев Вячеслав Валерьевич. Тамбов, 2004. 24 с.
2. Цибулька А. М. Проблема становления новой системы военно-профессиональных ценностей в условиях реформы Вооруженных Сил России : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 22.00.06 / Цибулька Алексей Михайлович. СПб., 1998. 21 с.
3. О долге и чести воинской в российской армии: Собрание материалов, документов и статей / Сост. Ю. А. Галушко, А. А. Колесников; под ред. В. Н. Лобова. М. : Воениздат, 1990. 368 с.
4. Тарасов М. М. Педагогическое обеспечение деятельности военнослужащих внутренних войск МВД России : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Тарасов Михаил Михайлович. СПб., 2006. 399 с.

References

1. Pepelev V. V. *Psychological features of the formation of the authority of unit commanders at the present stage of development of the Armed Forces*. Tambov. 2004. (In Russ.).
2. Cibul'ka A. M. *The problem of the formation of a new system of military professional values in the context of the reform of the Russian Armed Forces*. Saint-Petersburg. 1998. (In Russ.).
3. Galushko Ju. A., Kolesnikov A. A., Lobov V. N. (eds.) *On Military Duty and Honor in the Russian Army. Iv: A Collection of Materials, Documents, and Articles*. Moscow: Voenizdat. 1990. (In Russ.).
4. Tarasov M. M. *Pedagogical support for the activities of military personnel of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Saint-Petersburg. 2006. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. М. Филимонцев – кандидат исторических наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 02.03.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

N. M. Filimontsev – Candidate of Sciences (History),
Docent

The article was submitted 02.03.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 130(2)+316.6+355.4

ТИПЫ СТРАТЕГИЙ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Лев Викторович Шабанов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lev.shabanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды принятия решения и стили руководства, связанные с ними. Показана корреляция социально-психологического типа стратегирования как процесса принятия управленческого решения и факторов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых. В статье показаны три исторически сложившихся группы стратегий: стратегия как представление (древнегреческое понимание, наиболее отработанное в период войн Александра Македонского), стратегия как концентрация/деконцентрация сил (древнеримское стратегирование, отработанное в Галльских войнах Юлия Цезаря) и стратегия как спланированная военная хитрость (китайская трактовка в виде схем-стратагем Сунь Цзы). Эти стратегии имеют определённые правила применения и используются до сих пор. В статье приведены примеры стратегического воздействия из Древней истории, Средневековья, Нового и Новейшего времени.

Ключевые слова: стратегия, расстановка, стратегирование, концентрация, стратагема, алгоритм

Для цитирования: Шабанов Л. В. Типы стратегий как социально-психологический феномен принятия решения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 93–102. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/017.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

TYPES OF STRATEGIES AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF DECISION-MAKING

Lev V. Shabanov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, lev.shabanov@mail.ru

Abstract. The article discusses the types of decision-making and leadership styles associated with them. The correlation of the socio-psychological type of strategizing as a managerial decision-making process and environmental pressure factors in the form of the current situation, the forecast for the actions of the enemy and the understanding of the activities of their subordinates shown. The article shows three historically formed groups of strategies: strategy as a representation (ancient Greek understanding, most worked out during the wars of Alexander the Great), strategy as concentration of forces (ancient Roman strategizing, worked out in the Gallic wars of Julius Caesar) and strategy as a planned military ruse (Chinese interpretation in the form of Sun Tzu stratagems). These strategies have certain rules of application and still used today. The article provides examples of strategic influence from Ancient history, the Middle Ages, Modern and Modern times.

Keywords: strategy, placement, strategizing, concentration, stratagem and algorithm

For citation: Shabanov L. V. Socio of strategies as a socio-psychological phenomenon of decision-making // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 93–102. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/017.pdf>.

© Шабанов Л.В., 2022

Введение

В современных социальных науках, когда заходит разговор о стратегии, как правило, эксперты используют количественные термины, приводя не столько «отраслевые» определения понятию стратегии (политическая, экономическая, стратегия развития и т. д.), сколько разграничивая стратегию с тактикой. Стратегия – длительная форма деятельности, тактика – короткая. Стратегия имеет большие ресурсы и строится на замысле их правильного применения, тактика – это работа в условиях дефицита ресурса и строится из необходимости его экономии. Стратегия объёмна и глобальна, тактика – локальна и ограничена массой сложившихся на конкретном участке условий. Между тем, многие специалисты уже не используют термина «большая тактика», который нивелирует количественные характеристики различий стратегии и тактики. И уж совсем становится неочевидным, что в истории войны, полководцами были отработаны три теоретических подхода к стратегии, которые оказывались выигрышными, каждая в своё время и в своём месте. В данной статье будут рассмотрены стратегии как некое представление (стратегия как странность, театр) для противника; как стратегирование сил и ресурсов (правильной расстановки страт), как последовательно применимой хитрости (системы перехвата инициативы).

Основные положения

Война в системе человеческих отношений являлась всего лишь одной из возможностей контроля энергетических, технологических и людских ресурсов. Если рассмотреть, например, старовенетское, ныне английское слово *War* (русское – вор, свора, ворог, враг, варяг), то можно получить ряд производных, указывающих нам на саму профессию «стратег»: *weag* (носить на себе, рус. – *утварь*), *wirele* (провода, линии соединений, рус. – *варианты*), *work* (действие как физическая работа, лат. – операция), *warfare* как борьба (*to war*, согласуется с рус. – *товар*), *wearfare* как стоимость износа (лат. – амортизация), *warranty* (гарантии, рус. – *гвардия*), наконец; *whore* (скверный, продажный). Таким образом, задачи стратега – это рассчитать ресурс и доставить воинские подразделения к месту выполнения поставленной перед ними задачи (желательно сохраняя между ними связь (*сварку*) и налаживая по ходу действия системы снабжения (*варево*, *навар*) и *квартиры*). Задачи тактика – это непосредственное боестолкновение и командование внутри стычки (*заварухи*), дабы не допустить разрушение строя и паники (*кавардак*).

Тактика – это философия пространства, в котором происходит определённое действие, связанное с общей стратегией как часть и целое.

Стратегия – это определённая философия времени, рассматривающая общее командование как концентрацию или децентрацию ресурсов в определённом ритме (ровном или равном) разворачивающейся операции (действия).

Стратегия в этом смысле соотносится с категорией время гораздо больше, нежели с категорией пространство (как страда – это не поле и не люди, а вовремя собранный урожай). Время в стратегии выступает не просто как длительность маневра, но и как характеристика возможного изменения или корректировки деятельности командира. Сам же командир, как стратег, управляет не только приданным ему ресурсом, но и вероятностью событий, а также и самой возможностью влияния на вероятности.

Отсюда, говоря о стратегировании, можно выделить три подхода:

I. «Греческий подход»: стратегия как театр (понятие «трагедия» в те времена не являлась «страдающим» жанром, более того имела в своём социально-психологическом основании «открытый» финал). Суть стратегии – путём демонстрации своих действий перехватить инициативу у противника и заставить его в противостоянии играть именно ту роль, которую ему навязали. Это тщательно подготовленная импровизация или хорошо обставленный яркими элементами, отвлекающими от сути процесса, фокус. Наиболее эффективно этот метод был применён: Александром Македонским в битве при Гавгамелах, в Российской военной истории – Иваном III Великим во время «Стояния на Угре» и Иваном IV Грозным в битве при Молодях; в современной истории, это стратегия вытеснения врага с территории Крыма в мае 1944 г. (И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, и А. М. Василевский).

II. «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку и одержание победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование – т. е. манипуляция стратами (блоками, элементами легиона) для создания перевеса через принцип концентрации/деконцентрации сил). Наиболее яркими примерами древности здесь являются осада Алезии Юлием Цезарем и бой Константина Великого у Мульвийского моста, в истории России – это Полтавская битва Петра I Великого и штурм Измаила А. В. Суворова; в современной истории – стратегический план Битвы за Москву маршала Б. М. Шапошникова.

III. «Китайский подход»: стратегия – как стратагема, в которой выбор направленного действия с открытым (очевидным) третьим шагом и закрытым вторым. Противостояние в небе и на земле – есть бесконечный путь хитрости. Здесь необходимо отметить автора «Книги 36 стратагем» генерала Сунь Цзы, в истории России – это стратегия войны 1812 г. (Александр I, Барклай де Толли, М. И. Кутузов), наступление Юго-Западного фронта 1916 г. генерала А. А. Брусилова и операция «Багратион» (лето 1944) маршала К. К. Рокоссовского.

Материалы и методы

Рассмотрим обозначенные тезисы через призму методов сравнительно-исторического абстрагирования и психологического анализа принятия решения стратегами, исходя из тех под-

ходов к решению стратегической задачи, которые были описаны выше.

Первая стратегия обозначена как «Греческий подход»: стратегия как театр (понятие «трагедия» в те времена не являлась «страдающим» жанром, более того имела в своём социально-психологическом основании «открытый» финал). Суть стратегии – путём демонстрации своих действий перехватить инициативу у противника и заставить его в противостоянии играть именно ту роль, которую ему навязали. Главный объект воздействия – эмоциональный фон личности командира с целью ограничения рациональных факторов факторами эмоциональными за счёт простых тактических приёмов [1, с. 113–117].

Наиболее ярким примером подобной стратегии являются действия Александра Македонского в битве при Гавгамелах (1 октября 331 г. до н. э.) [2, с. 9–18]. Персидский царь Дарий III собрал вокруг себя армию, не просто превосходящую македонцев по численности, но и технологично: 100 тыс. конницы среднего вооружения, 200 тыс. ударной пехоты, до 70 тыс. тяжёлых пехотинцев «щитоносцев», до 15 тыс. тяжёлой конницы, 200 «серпоносных» колесниц, 15 боевых слонов (к обслуживанию войск были призваны 4 сатрапии $\cong$ 1 млн чел). Александр имел при себе 40 тыс. отборных пехотинцев и 7 тыс. конницы. Замысел Дария был прост: длинное отступление вглубь Персии, отрыв авангарда Александра от тылов и баз снабжения, затем окружение и ликвидация истощённой длительным переходом армии македонцев.

Генеральное сражение должно было проходить недалеко от крупного города (Ниневии) для непрерывного снабжения огромной армии в случае затяжного ожидания македонской капитуляции. У местечка Гавгамелы армии вышли на линию боевого соприкосновения. Понимая невозможность прямой победы Александр начал разыгрывать представление. Первые линии фланг, как только на них были брошены колесницы с серпами и косами, подняв шум и выстрелив в морды летящим навстречу лошадям бычьими пузырями, волчьими головами и пр., вызвали свалку в рядах атакующих. Обезумевшие лошади повернули назад и порезали собственную пехоту. Дальний правый фланг персов неверно расценивая, подымающаяся неразбериху, двинулся вперёд и смяв левый фланг македонцев, стал угрожать всей армии Александра. Однако тот, предвидя возможности прорыва, расположил новую «декорацию» – богатый и практически не охраняемый обоз, куда и кинулась персидская конница, полностью выйдя из боя. Главным актом, разыгрываемой Александром «пьесы» была прямая атака на место расположения самого Дария III. Задача была простой – заставить Дария испугаться и бежать с поля боя. Бегство командующего, его гвардии (а их задача сопровождать царя), а также двора (т. е. его штаба) вызовет резкое падение качества управления войсками, а после приведёт к паническому бегству.

Дождавшись, когда с левого фланга персов

двинется конная лавина бактрийцев и массагетов, серьёзно открывая ряды персидской пехоты. Александр начал свой маневр. Сдвинув македонские фаланги так, чтобы они могли вклиниться в пехоту противника и создать тактический коридор, Александр во главе 9 конных эскадронов предпринял удар в направлении ставки Дария. За ним справа шла тяжёлая пехота, а слева – расширяли коридор 6 полков македонской фаланги.

Не видя начала македонской атаки, Дарий выслал подкрепление к захватившим обоз всадникам – сам же планировал оказать давление на первые ряды фаланги с помощью боевых слонов. Однако тут в ставку персидского царя ворвался первый македонский эскадрон – паника и замешательство решили исход битвы. Итог: Александр потерял 1 200 человек, Дарий – 40 тысяч, однако собрать армию заново персам уже не удалось (царь потерял лицо и доверие воинов).

История с выманиванием противника в виду демонстрации слабости или отступления довольно стара. Провоцирование противника к наступлению в невыгодных условиях на обозы предпринимали великий князь Александр Ярославич Невский (Ледовое побоище), Эдуард III Плантагенет (битва при Креси), в Болгарской компании Андроника III Палеолога (1329).

Другая стратегия, связанная с демонстрацией «декораций», была предпринята в годы правления Ивана III Великого, во время его походов на Великий Новгород и в период знаменитого «Стояния на Угре» (осень 1480) [3]. Великий князь Московский, зная о военном союзе хана Большой Орды Ахмата и короля Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского Казимира IV, понимал, что война должна разворачиваться не на полях сражений, а на линиях коммуникаций. Запутав союзников с собственной же логистике, можно было одержать победу малой кровью и не уходя от своих баз снабжения. Так крымский хан Менгли I Гирей «связал» войска Казимира в Подоле, отрезав контакты с ханом Большой Орды и обезопасив тылы московскому войску, а Иван III блокировал хана Ахмата, перекрыв мобильными стрелками все броды на реках угорской линии (Калужская область), закрыв Ахмату возможность карательного рейда на Крым с целью пополнения провизией и фуражом.

Война приобрела характер затяжного противостояния на истощение, однако, как только лагерь соперников «взаимоосадили» друг друга. Иван Молодой (сын Ивана III), царевич Нур-Девлет (сын Менгли I Гирея) под командованием князя Василия Ноздроватого-Звенигородского, произвели диверсионную вылазку в столицу Большой Орды – Новый Сарай. Хан Ахмат оказался в страшном положении – нет провианта, разграблена столица, в плену наследник. Наступила развязка: наследника обменяли на признание полного поражения Большой Орды и отказ от претензий на земли, входившие в Улус Джучи (территории России, Кавказа, Казани, Крыма, Причерноморья, Урала, Западной Сибири); голодная армия Ах-

мата напала и разграбила 12 городов короля Казимира (как месть за не оказанную помощь); в Большой Орде началась междоусобица (в январе 1481 года тюменский хан Ибак с ногайцами совершит удачное нападение на степную ставку Ахмата, где и убьёт его). В 1502 году хан Менгли I Гирей окончательно разобьёт войска Большой Орды, которая после этого прекратит своё существование.

В разгар I Ливонской войны (1558–1583) Иван IV Грозный получил удар в спину. Крымский хан, находясь в вассальной зависимости от Османской империи, развернул ряд походов против Астрахани (1563, 1567–1569), на Рязань (1570) и на Москву (1571). Иван Грозный, понимая, что постепенное усиление набегов крымчаков связано с их постоянным усилением за счёт турецкой армии, принял решение на маневренный бой с заманиванием противника в ловушку. Так, ожидая очередного похода на Москву в 1572 году, царём и опричниной была спланирована операция, известная в истории как битва при Молодях [4].

Было заведомо известно, что на Москву движется не просто конная лава крымчаков, ногаев и черкасов; они будут сопровождать мощный турецкий корпус, оснащённый артиллерией и инженерными частями (все набеги на города до 1572 года заканчивались неудачами именно из-за отсутствия осадной артиллерии и инженеров). Перевес сил противника так же был не в пользу русского царя (60 тыс. Девлет I Гирей против 23–25 тыс. гарнизонов, находившихся на линии «Пояса Богородицы» вокруг Москвы). Царь Иван Грозный принял решение на объединение сил земщины и опричнины вокруг воеводы Михаила Воротынского (20 тыс.) с задачей постепенного заманивания врага в узкое пространство, где бы Гирей не мог получить численного преимущества в атаке. На усиление Воротынскому были отправлены 7 тыс. рейтар капитана Фаренсбаха из Нарвы, а также отряды донских и запорожских казаков с задачей постоянно тревожить отстающие группы неприятеля, заставляя их держать плотные колонны (мешая друг другу).

Вся наступающая армада в итоге должна была выйти к Серпухову, где была установлена главная «декорация» битвы – гуляй-город воеводы Дмитрия Хворостина, который изображал аррьергардные силы, прикрывающие отступление войск в Москву. Попытка Девлет Гирей обойти укрепления была пресечена ротами Штадена и Одоевского, которые несмотря на разгром, остановили врага, заставив Гирей поверить в бегство русской армии, прикрытое гуляй-городом. Замысел крымского хана был идти на Москву, где к тому времени с авангардом закреплялся воевода Иван Бельский, был встречен разумными возражениями со стороны Теребердей-мурзы и Дивей-мурзы, которые посчитали правильным разгромить московские гарнизоны по очереди, не оставляя у себя в тылу опасный укрепленный район, сломив который можно было прямо на плечах отступающих стрельцов войти в Москву.

С 31 июля правая рука крымского хана Дивей-

мурза, не дожидаясь подхода основных сил, повёл войска на гуляй-город. Штурм оказался неудачным, а сам мурза был взят в плен. Ко 2 августа 1572 года был подготовлен и начат второй штурм гуляй-города. Находящийся на внешней линии передовой отряд стрельцов (3 тыс.), а также конница, прикрывающая фланги, были практически уничтожены, но не пропустили врага – погибла лёгкая ногайская конница вместе со своим ханом, а также трое турецких мурзы вместе с их полками.

Девлет Гирей приказал конникам спешиться и бросил вперёд янычарскую гвардию (7 тыс.) с одной задачей – любой ценой сломать стены гуляй-города. Началась новая атака, однако местность не позволяла османам воспользоваться численным преимуществом. В момент нарастания штурма укреплений, воевода Воротынский предпринимает маневренный удар в тыл крымчакам, который был поддержан Хворостинным артиллерией из-за стен гуляй-города.

Только тогда хан Девлет понял, что имеет дело не с аррьергардом отступающей армии, а с самым русским войском, но было поздно. Не выдержав двойного удара, противник побежал (в Крым вернулось только 15 тыс. и на десять лет набеги с юга полностью прекратились).

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) также использовались стратегии «театра». Остановимся на операции по освобождению Крыма (8 апреля – 12 мая 1944) [5, с. 290–345]. Мало кто знает, но сама подготовительная часть первой Крымской весны была начата в ставке верховного главнокомандующего осенью 1943 г., когда на все предложения офицеров ставки по захвату плацдармов и штурму Перекопа, И. В. Сталин ответил: «Нет, противник из Крыма должен бежать сам. Задача Красной Армии – освобождение Украины». Дело в том, что в результате Мелитопольской (26 сентября – 5 ноября 1943) и Керченско-Эльтигенской десантной операции (31 октября – 11 ноября 1943) советские войска прорвали укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке, захватили плацдармы на южном берегу Сиваша и на Керченском полуострове, но освободить Крым сразу же не удалось.

В ставке было известно насколько мощную оборону создали немецко-румынские войска под командованием генерал-полковника Йенеке (сменён 1 мая 1944 генералом Альмендингером). Крымская группировка, собранная вокруг 17-й армии (штаб в Симферополе), имела около 200 тыс. чел., своё авиакрыло (148 самолётов) и ВМС (265 вымпелов, 60 десантных барж и 14 подводок).

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин поставил координаторам фронтов, выходящих на Крым, маршалам К. Е. Ворошилову и А. М. Василевскому специфическую задачу. Было необходимо наладить широкополосное радиовещание, в передачах которого бы постоянно и ненавязчиво использовалось слово «эвакуация». С одной стороны, крымская группировка противника должна была привыкнуть и в конце концов

воспринимать как норму использование понятия эвакуация, с другой стороны – наступление Красной армии на Украине, отрезало Крым не только от тыловых баз, но и от всей системы логистики и снабжения. А в таких условиях «эвакуация» превращается в бессознательное стремление как можно быстрее оказаться на «большой земле», а не зарываться в землю и любой ценой удерживать «Готию» (Крым).

Радиостанции работали всю зиму: популярная музыка, последние известия и немного пропаганды, но главным было то, что слово «эвакуация» вошло в обиход солдат и офицеров вермахта. Над Крымом шли воздушные бои, на Чёрном море бились корабли, охотились подлодки, а Красная армия шла по Украине всё дальше и дальше на Запад. Первыми забили тревогу интендантские службы – начались перебои со снабжением – «воздушные мосты» и морские паромы не покрывали полностью необходимые запросы обороняющейся армии. Многие солдаты просто ждали любого повода, чтобы оказаться на румынских или болгарских паромах и убраться на Балканы. В этих условиях 8 апреля 1944 г. Красная армия начала освобождение Крыма. За 35 дней противник потерял около 150 тыс. живой силы (генерал Альмендингер 10 мая эвакуировался морем вместе со штабом на шнельботе и был отправлен в резерв, генерал-полковник Йенеке был отправлен под трибунал и 31 января 1945 г. исключен из списков вермахта). Безвозвратные потери РККА составили 17 754 человека.

Если провести корреляцию социально-психологического типа стратегирования как процесса принятия управленческого решения относительно сложившейся ситуации (факторов давления среды), прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых, можно сделать вывод: стратегическая диспозиция напрямую зависит от тактических приёмов, «загоняющих» противника в ситуацию цугцванга (когда любое ответное действие ставит противоположную сторону во всё более и более худшие условия ведения боя) [6, с. 244].

Вторым типом стратегирования является «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку, чтобы в наступлении одержать победу (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование – т. е. манипуляция стратами (расстановка своих сил с учётом их качественных и количественных возможностей) для создания перевеса через принцип концентрации / децентрации сил). Главный объект воздействия – волевые качества личности командира (выдержка, решительность, организованность) [7, с. 6–9].

Наиболее классической операцией стратегирования здесь будет являться блестяще проведённая Юлием Цезарем осада Алезии (лето 52 г. до н. э.) [8]. Задача Цезаря оказалась крайне нетривиальной: с 60 тыс. войск (легионы составляли 50 тыс.), нужно было не просто взять штурмом укреплённую крепость (вождь Верцингеторикс сосредоточил там ок. 100 тыс.), но и от-

бить атаку союзных галлам войск (вождь Коммий вёл с собой войско ок. 250 тыс.), которые атаковали римлян с тыла. Навязав противнику идею длительной и осторожной осады, Цезарь решил провести следующую стратификацию сил: с одной стороны, отрезая город сплошной стеной от любых внешних связей, и полностью огородив тылы легиона внешним кругом оборонительных укреплений, внутри которых легионеры могли безопасно перемещаться с относительно спокойных участков на участки, подвергающиеся атакам извне. Так как теперь помощь в осаждённый город прийти не могла, Верцингеторикс решил изгнать из города всех небоеспособных лиц, включая женщин и детей. Выброшенные наружу жители Алезии оказались внутри кольца осады, но снаружи городских стен, мешая Верцингеториксу сделать эффективную вылазку, и полностью сковали действия осаждённых, которые должны были пробивать бреши в римских боевых порядках навстречу пришедшим на помощь войскам Коммий. С учётом отдельно действующего конного корпуса римлян в тылах наступающих сил Коммий, любая попытка прорыва зависела от возможностей управления армиями, разделёнными «двойным поясом» Цезаря. Однако возможности атаки одного из противников, тут же показывали римлянам, куда будет наносить удар второй. Так правильная стратификация войск позволила одержать Риму решающую победу в Галльской войне (58–50 гг. до н. э.).

Будущий император Рима Константин I Великий во время битвы с Максенцием у Мульвийского моста также использовал идею правильной стратификации войск [9]. Правильней сказать, что это была битва двух стратегических линий. Максенций, представитель первого типа стратегов (стратегия как театр), рассчитывал заманить Константина в ловушку. Он вывел крупное войско (ок. 80–100 тыс.) за стены Рима и переправился на северный берег Тибра. Возле разрушенного Мульвийского моста он приказал построить понтонную переправу, куда без особого выбора позиции вынужден будет наступать Константин. Крепления переправы имели хитрый замок, который должен был разрушить мостовые крепления, как только армия Максенция перейдёт на другой берег, а воины Константина (ок. 50 тыс.) возьмут переправу под свой контроль.

Утром 28 октября 312 г. войска выстроились напротив друг друга на северном берегу Тибра. В центр Максенций поставил отборных преторианцев для контроля за полем боя и ополченцев призывников, которые и должны были, неся огромные потери, отступая, заманить войска Константина в ловушку (на понтонный мост). Однако ложный манёвр Максенция не сработал. Стратегия Константина состояла в том, чтобы не штурмовать переправу, а ударить тяжёлой конницей вдоль берега реки и, посеяв панику и неразбериху в стане противника, отдать поле боя медленно наступающей пехоте. Сам же мост Константин рассматривал как путь отступления Максенция, который необходимо будет разрушить

при отступлении врага, чем и решить исход схватки. По иронии судьбы Максений не просто попался в собственную ловушку, но и утонул во время крушения собственной переправы.

Несколько иная схема стратификации была предпринята императором Российской империи Петром I Великим во время Полтавской битвы (27 июля 1709) [10, с. 441]. Пётр должен был решить две задачи: не позволить Карлу XII Шведскому составить лучшую стратификацию нежели в Русской армии и максимально использовать поле битвы, создавая максимальные трудности маневренного боя для шведских войск. Для этого Пётр максимально укрепляет крепость Полтаву, которая принимает на себя практически всю артиллерийскую мощь шведского корпуса (королю Карлу придётся оставить под Полтавой 3/4 орудий, в битве с царём Петром будет участвовать только 41 орудие). Следующим решением Петра I стало сооружение редутов, развёрнутых «куриной лапкой» в направлении лагеря противника, но редуты были поставлены так, что наступающие шведы при любом тактическом маневре обхода армии Петра оказывались всегда под перекрёстным ударом редутной артиллерии. Однако Карл и его генералы увидели в редутах намерение русской армии обороняться и по возможности контратаковать, но не вести специальных наступательных действий. При таком расположении сил у Карла XII была вполне обоснованная надежда – ударить отборными частями по новобранцам (их легко вычисляли по новой, невыцветшей на солнце форме) и обратив их в бегство, посеять панику и, создавая артиллерии невыгодные условия для стрельбы с редутов, быстро двинуться на русские армейские обозы, потеря которых и предрешит исход всей кампании.

Пётр предусмотрел эту хитрость и приказал переодеть новобранцев в старую форму, а новую отдать ветеранам. Несмотря на сильнейший удар шведов – русская армия выдержала атаку настолько, но что её второй эшелон в бой так и не вступил (рассказ о прорыве шведами первой линии и чудесном спасении Петра придуман литератором XVIII в. П. Н. Крёкшиным, отсюда и попал в историческую литературу).

Славу великого стратега генералиссимуса А. В. Суворов завоевал ещё в период Русско-турецкой войны (1768–1774) [11], но в рамках стратификации сил и резервов штурм крепости Измаил заслуживает отдельного рассмотрения. Непрístupная крепость с 35-тысячным гарнизоном и самой современной на тот момент фортификацией считалась главным оплотом Османской империи на северном побережье Чёрного моря. Именно в Измаил отступали разбитые турецкие части, получали там отдых и медпомощь, усиливали гарнизон. Суворов понимал, что взятие крепости – решит исход войны однозначно в пользу Российской империи, поэтому в начале декабря 1790 он с 31-тысячной армией двинулся к Измаилу. Для более выгодной расстановки сил была предпринята двухдневная бомбардировка крепости, в дымах и взрывах сераскир Мехмед-

паша не смог оценить замысла на штурм и определить, где будут располагаться основные, а где – вспомогательные штурмовые колонны. 11 декабря в 5.30 утра начался штурм: 5-ая штурмовая колонна атамана М. И. Платова вошла на стены крепости первой, к 8.00 утра – все укрепления были взяты под контроль, бои в самой крепости были завершены к 16 часам. Новым комендантом Измаила стал генерал-майор М. И. Кутузов.

Система правильной оценки поля боя и стратификации становится основой военной науки. Стратификации посвящают свои работы А. В. Суворов, Наполеон Бонапарт, фон Клаузевиц, фон Шлиффен, А. Бирс, а также исследователи I мировой войны (например, Л. Ф. Ричардсон, С. Б. Переслегин). Однако, наиболее ярко стратегия расстановки сил себя проявила в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Рассматривая один из самых трагических этапов войны – Битву за Москву (30 сентября 1941 – 20 апреля 1942), можно увидеть, как (главный стратег битвы) маршал Б. М. Шапошников выстраивает войска, постоянно гася скорость продвижения врага к столице (в октябре вермахт продвигается со средней скоростью 36 км/сутки, в ноябре – от 25 до 3,5 км/сутки, в декабре – максимальный проход вперёд = 1,5 км/сутки) [5, с. 120–180]. При этом с 16 октября Верховный главнокомандующий силами РККА И. В. Сталин отменяет эвакуацию правительственных учреждений из Москвы и ставит задачу на подготовку контрнаступления, даты которого ориентировочно ставятся на конец ноября – начало декабря. Шапошников начинает концентрацию сил для контрнаступления в условиях постоянных оборонительных боёв, когда думать о контрнаступлении нет никакой возможности. Однако из Сибири и Казахстана уже выдвигаются дивизии, которые остановят вермахт на подступах к столице, а из Дальнего Востока выходят эшелоны с войсками для контрнаступления, которые отбросят врага к Ржеву (не надо также забывать, что в этот же период идёт эвакуация заводов и предприятий – по одним и тем же путям, только в противоположном направлении). Резервы Урала и Поволжья находятся в готовности сдерживать противника на фланге групп армий «Центр» и «Юг», а Ленинград, куда в начале декабря отбудет Г. К. Жуков, также надёжно сдерживает возможные резервы группы армий «Север». При этом на Москву идут 2 млн человек при абсолютном превосходстве в авиации и артиллерии, а РККА за весь период сражений имеет не более 1 млн 250 тыс. человек, включая войска НКВД, партизан и ополченцев.

Подводя итог применения данного вида стратегии, можно увидеть корреляцию социально-психологического типа принятия управленческого решения с факторами давления среды в виде прогнозирования действий противника в свете понимания деятельности своих подчинённых в условиях реального поля боя, которое рассматривается как максимально взаимоувязанных

между собой опорных пунктов и линий противодействия. Коррелируют психологическая выдержка и опыт ресурсной организации: чем больше выдержка, тем меньше ошибок.

Третий тип – это «Китайский подход»: стратегия как стратагема, в которой выбор направленного действия с открытым (очевидным) третьим шагом и закрытым вторым: противостояние в небе и на земле – есть бесконечный путь хитрости. Главный объект воздействия – уровень субъектности личности командира, от психологического состояния которого и зависит боевой дух его армии [12].

Китайский генерал Сунь Цзы (VI в. до н. э.) считается автором (не только теоретиком, но и практиком) искусства применения военных стратагем. Для ведения войны он, опираясь на знаменитую «И-Цзин» (Книга перемен, описывающая все процессные состояния в 64 схемах-гексаграммах), разработал 36 схем «Искусства войны» [13]. Метод стратагем Сунь Цзы можно отразить в изречении: Беспорядок рождается из порядка, трусость рождается из храбрости, слабость рождается из силы. Порядок и беспорядок – это число (ресурс количества средств); храбрость и трусость – это мощь (ресурс качества подчинённых); сила и слабость – это форма (ресурс времени операции). Рассмотрим 3 стратагемы на примере нескольких военных операций, проведённых армией России против объединённой Европы (Империя Наполеона и «Третий Рейх» Гитлера).

Стратегия войны 1812 г. (авторы: Александр I, Барклай де Толли, М. И. Кутузов), описывается в китайских военных стратагемах следующим образом: 2. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» (лучше врагов разделить, чем позволять им быть вместе; нападай там, где уступают, не нападай там, где дают отпор). Мало кто понимает, что русская армия, отступая от границы к Москве, занималась не только концентрацией сил (120 тыс. русских штыков против 500 тыс. общеевропейских под командованием Наполеона I), но и не проиграла ни одного сражения, постоянно нанося противнику чувствительные потери и вынуждая растягивать коммуникации [14, с. 348–392]. Наполеон в итоге вынужден был постоянно ослаблять ударную группу армии вторжения, в то время как фельдмаршал Кутузов (казалось бы, отступая и оставляя позиции), напротив, усиливался и обретал возможность не просто перехвата инициативы, но и полного разгрома самой мощной армии в мире. Далее была применена стратагема 16 «Если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти» (*теснимый противник будет ещё сражаться, противник, имеющий пути для бегства, сражаться не будет; нужно преследовать врага, не давая ему передышки, но и не тесня его чрезмерно – когда же силы противника иссякнут, его воля сражаться исчезнет: вражеская армия рассеется и её можно пленить, даже не замочив в крови оружие*).

Генерал А. А. Брусилов, в условиях постоянного дефицита ресурсов и «снарядного голода», с особой тщательностью планировал наступление

Юго-Западного фронта, которое развернулось 27 мая по 7 сентября 1916 г. [15, с. 4–9] Генерал М. Галактионов, автор предисловия к воспоминаниям Брусилова, напишет: знаменитый «Брусиловский прорыв» стал предтечей замечательных прорывов, осуществлённых Красной армией в Великой Отечественной войне. Что же сделал такого новаторского генерал А. А. Брусилов, планируя наступление. Во-первых, решил провести по одному прорыву на фронте каждой из четырёх своих армий – это распыляло собственные силы, но и лишало противника возможности своевременно перебросить резервы на направление главного удара. Во-вторых, командующим армиями была предоставлена полная свобода выбора участков прорыва. Генералы армий на местах в прямом смысле слова, лучше видели слабые места противника, чем штабисты в тылу. В-третьих, Брусилов применил ещё одну новацию – короткую артподготовку. До этого артподготовка шла несколько суток, и противник просто уводил свои войска с позиций. Кроме того, сама артподготовка «указывала» противнику на участок будущего прорыва, что позволяло сконцентрировать силы для купирования и устранения критической ситуации на фронте. Хорошо укреплённая и глубокоэшелонированная оборона Австро-Венгрии считалась неприступной для Русской армии, поэтому нанесение главного удара летней кампании 1916 г. ожидалось на Западном фронте, а активность армий Брусилова воспринималась как отвлекающий маневр – демонстрация (описанный выше 1-й тип стратегирования).

В китайских стратагемах это описывается как 10. «Скрывать за улыбкой кинжал» (*добываясь доверия противника и внушая ему спокойствие – тогда осуществляй свои скрытые планы; подготовив всё, как подобает, нападай без колебаний и не давай врагу опомниться*).

Похожая ситуация разворачивалась в ходе Советско-Финской «Зимней» войны 28 февраля 1940 г., когда две армии Северо-Западного фронта под прикрытием ледяного «гуляй-поля» провели наступление в полосе от озера Вуокса до Выборжского залива, дезориентировав противника, так и не понявшего направление главного удара.

Маршал К. К. Рокоссовский и его Белорусская наступательная операция «Багратион» (лето 1944) – одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества [5]. Однако, Гитлер, видя стратегию нанесения периферийных ударов, воспринимал успехи советского наступления, как случайные и некритичные для общего состояния вермахта, поэтому многократно запрещал отступление, не соглашаясь с предложениями своих генералов «на местах», имевших более чёткое представление о действиях Рокоссовского. В ходе операции советская армия нанесла крупнейшее поражение немецкой армии за всю военную историю Германии, разгромив группу армий «Центр» Вермахта. Ни вернуть инициативу,

ни восполнить потери («Тысячелетний рейх» оказался не в состоянии – стратагема 30 «Превратить роль гостя в роль хозяина») (*нащупывать вход и продвигаться вперёд, пока не достигнешь главенства*).

Проведём корреляцию социально-психологического типа стратегирования и факторов давления среды: фактор стратагем решает главную задачу, показывая очевидный первый ход в процессе решения операции, после ответного хода противника, вторым ходом – перехватить инициативу и навязать врагу свои условия ведения противостояния, с целью его дальнейшего разгрома. Коррелируют расчёт и опыт: чем больше опыт (искусность), тем вернее расчёт.

Результаты

В данных типах стратегий рассматривается социально-психологический феномен принятия решения стратегом, который старается понять, как в конкретной ситуации выработать правильное решение. Сравнивая три подхода, условно обозначенных как греческий, римский и китайский, можно в ближайшем приближении заявить о следующих результатах:

1. «Греческий подход» (стратегия как театр) работает в условиях относительной свободы использования пространства и требует от стратега понимания трёх элементов, представленных в виде:

- сложившейся ситуации (карта местности и сама местность: «гладко было на бумаге, да забыли про овраги»);

- возможных действий противника (какую стратегию выберет противоположная сторона: «сила силе доказала: сила силе – неровня»);

- оценки деятельности своих подчинённых (степень готовности и количество опыта: «день постоять, да ночь продержаться»).

2. «Римский подход»: стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку с дальнейшим одержанием победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол – стратегирование) работает в условиях относительной свободы использования времени и требует от стратега понимания:

- своевременности управленческого решения относительно факторов давления среды («даже если местность неизменна, время всё равно идёт и количество изменений нарастает»);

- прогноза на действия противника («хватит ли времени у противника, чтобы понять замысел стратега, а если – да, то хватит ли у него времени на создание контрманевра»);

- понимания ресурса своих подчинённых («быстрота реакций подразделения всегда зависит от степени растраченной впустую энергии, дачи и выполнения команд, в которых не было необходимости, ненужных организационных мероприятий, создающих хаос и разногласия командования»).

3. «Китайский подход»: стратегия применения хитрой многоходовки, где противник видит 1-й и

3-й ход стратега, но не видит 2-го, что позволяет варьировать преимущества и недостатки времени и пространства боя;

- процесс принятия управленческого решения («время есть, ресурса – нет, значит, ресурсом становится избыток времени»);

- факторов давления среды в виде сложившейся ситуации («есть возможность подготовить пространство для боя, но не нет времени на привлечение ресурса, значит, растягивая пространство события, навязываем противника ту же дефицитность»);

- прогноз действий противника и деятельности своих подчинённых («заставить противника думать, что у него есть время, но нет пространства – или наоборот, заставить подчинённых действовать на своём пространстве, как будто у них нет времени – или наоборот»).

Обсуждение

Название стратегий, представленных в статье, было предложено, исходя из исторического пути каждого из типов рассматриваемых действий, что облегчает научную часть теоретического восприятия информации.

«Греческий подход» (от применения фаланги, как единицы комплексного боя, до возникновения Империи Александра Македонского) – это в первую очередь стратегия понимания большого маневра относительно действий противника. Именно от правильности понимания, разыгрываемой «трагедии» и зависит успех. Подобные стратегии используются не просто против превосходящих сил противника, но и ввиду слишком большой протяжённости фронта соприкосновения – когда управление подразделениями или серьёзно затруднено, или вообще невозможно. Стратег здесь выступает своеобразным режиссёром театральной постановки, запутывающим и разведку, и тактиков, и стратегов противника. Главный объект воздействия греческой стратегии – эмоциональный фон личности командира, а цель – заставить его ошибиться, перейдя с рационального уровня оценки обстановки на эмоциональный.

«Римский подход» (от распределения отдельных задач в рамках всего комплекса легиона и до создания Юлием Цезарем легионов Римской империи): стратегия как строительство обороны для перехода в контратаку и одержание победы (здесь, стратегия – это в первую очередь глагол, стратегирование). Главный объект воздействия – волевые качества личности командира, а цель – заставить его потерять стратегическую инициативу ввиду постоянного нарастания потока данных, в которых невозможно определить направление главного удара.

«Китайский подход» (от появления трактатов о стратагеммах, на основании которых рождается новая китайская армия, до образования комплексного военного дела Китайской Империи Цинь): главный объект воздействия – уровень субъектности командира, а цель – дать возможность

врагу максимально и не по назначению использовать весь свой стратегический ресурс во времени и пространстве, чтобы нанести ему ответный удар, решающий исход противостояния.

За пределами детального рассмотрения остались элементы оценки обстановки:

Сумма комбинаций явлений, которую можно вычислить через наблюдаемые события, которые могут повторяться, иметь своё пред и пост явление, а значит, возможность предопределять следующие за ними события.

Сумма интерпретаций фактов, которые объясняют состоявшиеся события – их длиной, прерыванием, повторяемостью, пред и пост фактами, связь которых становится очевидной.

Сумма замеченных явлений (*которые могут не быть фактами, являясь мифом, легендой, идеологией, проектом*) в общем потоке Бытия и событий жизни, вычленяемых человеком как состоявшиеся, ожидаемые, неизменные, неотвратимые, предотвращённые.

Сумма упущенных фактов (*незамеченных / находящихся за пределами внимания*) в событиях, влияние которых может быть изучено или просчитано с определёнными вероятностями (что и позволяет видеть «окно» возможностей).

Здесь, поднимая вышеуказанные вопросы, имеет смысл рассмотреть эти феномены стратегии за пределами статьи о стратегировании, концентрируясь на психологическом портрете стратега, его волевых качествах, субъектности. Суммирование комбинаций, интерпретаций, замеченных явлений и упущенных фактов – является не столько алгоритмом стратегии, сколько качественными показателями самого стратега, что является темой другого исследования.

Выводы

Все три теоретически-описанных типа стратегии оказываются выигрышными, но каждая в своё время и в своём месте.

Корреляция социально-психологического типа стратегирования (стратегия как театр, трагедия)

есть процесс принятия управленческого решения в пространстве факторов постоянно меняющегося давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых в пространстве. Стратегия побеждает именно тогда, когда оказывает успешное воздействие на эмоциональный фон личности командира армии противника.

Корреляция социально-психологического типа стратегирования (концентрация и смена страт) как процесса принятия управленческого решения и факторов чётко распознанных, опознаваемых элементов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых во времени. Стратегия побеждает именно тогда, когда оказывает успешное воздействие на волевые личности командира армии противника.

Социально-психологический тип стратегирования (стратегема, хитрость многоходовки) как процесс принятия управленческого решения и факторов давления среды в виде сложившейся ситуации, прогноза на действия противника и понимания деятельности своих подчинённых, коррелирует в обратной связи «время ≠ пространство», что позволяет воздействовать на уровень субъектности личности командира армии противника (заставляя его либо использовать возможности пространства при дефиците времени, либо располагать временем, но не иметь пространство маневра).

Таким образом, вся сумма стратегий оказывается в зависимости от правила выбора решения (стратегия поиска и перехват), но при этом остаётся свободной от режима выбора этих правил (либо театр, либо концентрация страт, либо стратегема), т. к. основная цель стратегирования – это постоянное количественное давление тактическими угрозами на противника, когда локальная задача реагирования на нарастание угрожающих действий, позволит в итоге создать на одну угрозу больше, чем может парировать противник.

Список источников

1. Александрин В. В. Знак эмоции противоположен направлению изменения мотивационного возбуждения // Актуальные проблемы современной науки. М., 2018. № 6 (103). С. 113–117.
2. Грин П. Александр Македонский: Царь четырёх сторон света. М. : ЗАО «Центрполиграф», 2003. 304 с.
3. Разин Е. А. История военного искусства: VI–XVI вв. М. : Полигон; АСТ, 1999. Т. 2. 656 с.
4. Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII вв. М. : Полигон, 1999. Т. 3. 736 с.
5. Исаев А. В., Дробинкин А. В. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Яуза, 2019. 576 с.
6. Шабанов Л. В. Общая конфликтология. СПб. : НИЦ АРТ, 2017. С. 244.
7. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб. : Питер, 2006. 208 с.
8. Цезарь Гай Юлий Записки о Галльской войне = Commentarii de Bello Gallico. М. : Азбука-Классика, 2021. 288 с.
9. Бейкер Дж. Константин Великий. Первый христианский император. М. : ЛитРес, 2004. 320 с.
10. Тарле Е. В. Северная война: Северная война и шведское нашествие на Россию. Русский флот и внешняя политика Петра I. М. : АСТ, 2011. 701 с.
11. Шишов А. В. Генералиссимус великой империи. М. : Олма, 2005. 480 с.
12. Dyachkov A. A., Suvorova O. V., Shabanov L. V. The development of personality qualities of future officers of law enforcement agencies of the Russian Federation // WEB OF SCIENCE SHS Web of Conferences 113, 00037 (2021)/ICTP 2021. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00037/shsconf_ictp2021_00037.html (дата обращения: 16.02.2022).

13. Сунь Цзы Военные стратегемы. М. : АСТ, 2018. 192 с.
14. Отечественная война 1812 г.: актуальные вопросы современной историографии // Историография. Материалы круглого стола. Французский ежегодник, 2011. № 14. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/RoundTable1812-2011.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).
15. Егоров В. В. Брусиловский прорыв (К столетию наступательной операции русского Юго-Западного фронта) // Научный вестник Вольского военного института материального обеспечения. Вольск : Изд-во ВА МТО им. А. В. Хрулёва, 2016. № 2 (38). С. 4–9.

References

1. Aleksandrin V. V. Sign of emotion is opposite to direction of change of motivational arousal. *Current problems of modern science*. Moscow. 2018;6(103): 113-117. (In Russ.).
2. Grin P. *Alexander the Great: King of the Four Sides of the World*. Moscow. ZAO «Centropoligraf». 2003. (In Russ.).
3. Razin E. A. *History of military art: VI–XVI centuries*. Saint-Petersburg: Poligon. 1999. Vol. 2. (In Russ.).
4. Razin E. A. *History of military art: VI–XVI centuries*. Saint-Petersburg: Poligon. 1999. Vol. 3. (In Russ.).
5. Isaev A. V., Drabkin A. V. *History of the Great Patriotic War 1941–1945*. Moscow: Yauza. 2019. (In Russ.).
6. Shabanov L. V. *Common Conflict*. Saint-Petersburg: NIC ART. 2017. (In Russ.).
7. Ivannikov V. A. *Psychological mechanisms of will regulation*. Saint-Petersburg: Piter, 2006. (In Russ.).
8. Cezar' Gaj YUlij *Commentarii de Bello Gallico*. Moscow: Non-Fiction, 2021.
9. Bejker Dzh. *Constantine the Great. First Christian Emperor*. Moscow: LitRes. 2004. (In Russ.).
10. Tarle E. V. *Northern War: Northern War and the Swedish invasion of Russia. Russian Navy and Foreign Policy of Peter I*. Moscow: AST. 2011. (In Russ.).
11. SHishov A. V. *Generalissimo great empire*. Moscow: Olma. 2005. (In Russ.).
12. Dyachkov A. A., Suvorova O. V., Shabanov L. V. The development of personality qualities of future officers of law enforcement agencies of the Russian Federation. In: *WEB OF SCIENCE SHS: Web of Conferences* 113, 00037 (2021). Available from: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00037/shsconf_ictp2021_00037.html (Accessed 16th February 2022). (In Russ.).
13. Sun' Czi *Military stratagems*. Moscow: AST. 2018. (In Russ.).
14. Patriotic War of 1812: topical issues of modern historiography. In: *Historiography. Round table materials. French Yearbook; 2011;14*. Available from: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2011/RoundTable1812-2011.pdf> (Accessed 25th January 2022). (In Russ.).
15. Egerev V. V. Brusilovsky breakthrough (To the centenary of the offensive operation of the Russian South-Western Front). In: *Scientific Bulletin of the Volsk Military Institute of Material Support*. Vol'sk: Izd-vo VA MTO im. A. V. Hrulyova. 2016;2(38): 4–9. (In Russ.).

Информация об авторе

Л. В. Шабанов – доктор философских наук,
кандидат психологических наук

Статья поступила в редакцию 23.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

L. V. Shabanov – Doctor of Sciences (Philosophy),
Candidate of Sciences (Psychology)

The article was submitted 23.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 37.04

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУКОВОДСТВА КУРСАНТСКИМ КОЛЛЕКТИВОМ

Николай Матвеевич Филимонцев

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, kafedra_opp@bk.ru

Аннотация. Статья посвящена психолого-педагогическим аспектам руководства курсантским коллективом. В статье рассматриваются психологические, педагогические и социальные особенности учебных групп курсантов военных институтов, особенности руководства курсантским подразделением, а также обуславливающие их причины, анализируется деятельность командиров и педагогов как организаторов и руководителей коллективной учебной деятельности обучаемых.

Ключевые слова: руководство, курсантский коллектив, учебное подразделение, особенности руководства, учебная деятельность, курсанты, обучаемые

Для цитирования: Филимонцев Н. М. Педагогические особенности руководства курсантским коллективом // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 103–108. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/018.pdf>.

GENERAL PEDAGOGY, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Original article

PEDAGOGICAL FEATURES OF THE LEADERSHIP OF THE CADET COLLECTIVE

Nikolay M. Filimontsev

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, kafedra_opp@bk.ru

Abstract. The article is devoted to the psychological and pedagogical aspects of the leadership of the cadet team. The article examines the psychological, pedagogical and social features of the training groups of cadets of military institutes, the peculiarities of the leadership of the cadet unit, as well as their causes, analyzes the activities of commanders and teachers as organizers and leaders of the collective educational activities of trainees.

Keywords: management, cadet staff, training unit, management features, educational activities, cadets, trainees

For citation: Filimontsev N. M. Pedagogical features of the leadership of the cadet collective // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 103–108. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/018.pdf>.

© Филимонцев Н.М., 2022

Введение

«Руководство» является одним из понятий, которое применяется для характеристики процессов социального управления, организаторской деятельности в коллективах людей и в обществе в целом. Наряду с понятием «руководство» с этой целью используются и другие понятия, например, «управление», «организация», «лидерство» и др. Все эти понятия в той или иной мере отражают деятельность специального органа коллектива (факультета, подразделения, части, предприятия, учреждения и т. д.) – субъекта управления, пред-

назначенного для обеспечения единства воли и действий всего личного состава. Условно в деятельности органов управления выделяются два неразрывно связанных звена: 1) руководство людьми и коллективами людей и 2) управление различными процессами (технологическими, развития и роста, вооруженной борьбы и т. д.), результатом которых является достижение конечных целей, стоящих перед теми или иными коллективами. Под руководством подразумевается определенная совокупность процессов взаимодействия между руководителем и его подчинен-

ными, система идеологического и морально-психологического влияния на коллектив [1].

Основные положения

Руководство – это научно обоснованное регулирование совместной жизни и деятельности людей посредством воздействия на их сознание и социально-психологические явления в коллективе, а также на окружающие условия с целью успешного выполнения стоящих задач, всестороннего духовного и физического развития личности и укрепления отношений товарищества и взаимопомощи между людьми.

Руководство курсантскими коллективами – важная сфера деятельности командования военной образовательной организации высшего образования (ВООВО), факультетов, кафедр, командиров (начальников) подразделений, неотъемлемое звено общей системы управления ВООВО, органы управления которого, принимая решения по учебным, организационным, техническим, хозяйственным и другим вопросам, осуществляют также и мероприятия по руководству личным составом, воздействуют на людей, опираются на разум, инициативу, мастерство подчиненных, на силу общественности.

Руководить коллективом курсантов – значит постоянно и глубоко изучать его особенности, регулировать взаимоотношения между его членами, укреплять контакты между руководителями и подчиненными, повышать авторитет органов управления, младших командиров, актива, своевременно разрешать психологические проблемы, порождаемые динамикой внутриколлективной жизни, укреплять организованность и дисциплину.

Руководить коллективом – значит оперативно оценивать его психические состояния, ставить перед ним конкретные задачи, налаживать взаимодействие членов коллектива при их выполнении, стимулировать положительное отношение к ним, поддерживать рабочее настроение, оказывать воздействие на процессы коллективного мышления и формирования коллективных мнений, целей, намерений и мотивов, контролировать ход учебной деятельности и оказывать помощь нуждающимся, оценивать достигнутые результаты и приложенные усилия.

Таким образом, применительно к деятельности командования факультета (подразделения), педагога руководство курсантским коллективом включает решение ряда задач:

а) упорядочение повседневной жизни коллектива, организация и регулирование внутриколлективных связей и взаимодействий, создание актива и формирования социально-психологических явлений, обеспечивающих боевитость и работоспособность коллектива;

б) непосредственное управление учебной деятельностью и другими видами труда курсантов. Как в первом, так и во втором случае необходимо целеустремленное воздействие руководителя на условия жизни и деятельности коллектива, создание благоприятных предпосылок для учебы, общественной работы, быта и отдыха курсантов.

Выполнение этих двух основных направлений в руководстве коллективом способствует более четкому дифференцированию задач, стоящих перед руководителем, и способов их разрешения.

Обе группы задач связаны между собой сложными диалектическими соотношениями. Руководитель заботится, прежде всего, о том, чтобы коллектив был в состоянии готовности к выполнению широкого круга задач, диктуемых его назначением и характером деятельности, чтобы поддерживалась организованность и дисциплина и личный состав был воспитан в духе высокой исполнительности. Все это требует проведения специальных мероприятий, основой которых является воспитательная работа, тщательное и глубокое проникновение в механизмы социально-психологической регуляции внутриколлективной жизни, взаимоотношений личного состава.

Достигнутые в этом процессе результаты позволяют руководителю ставить перед коллективом все более сложные задачи и добиваться их выполнения, опираясь на уже созданные элементы коллективной психологии, на деятельность актива, на свой личный авторитет. Осуществляя управление конкретной деятельностью, руководитель вместе с тем преследует цели, связанные с дальнейшим сплочением коллектива, укреплением дисциплины, улучшения своих взаимоотношений с подчиненными и т. д.

Руководство курсантским коллективом осуществляется на основе общих закономерностей, свойственных процессам руководства людьми вообще, но вместе с тем, оно имеет ряд особенностей, которые определяются:

а) назначением и задачами высшего учебного заведения;

б) психологическими особенностями ведущей деятельности курсантов (учебы);

в) особыми условиями жизни и службы курсантов;

г) особенностями психологии курсантского коллектива.

При этом надо иметь в виду, что военная образовательная организация – кузница подготовки кадров для войск. Его основное назначение и главная задача – подготовка квалифицированных специалистов, обладающих высоким уровнем профессионального мастерства. Этому подчинены все устремления командования ВООВО, факультетов, кафедр, вся жизнь и деятельность личного состава.

Следовательно, цель руководства в ВООВО – сконцентрировать волю и деятельность многочисленных подразделений и общественных организаций военного образовательного учреждения, организовать повседневную жизнь и учебу личного состава так, чтобы все было направлено на обучение и воспитание курсант обладающего всеми необходимыми личностными качествами и всеми необходимыми и профессиональными знаниями [2].

Это достижимо в том случае если курсант займет в процессе своего образования активную познавательную позицию, проявит целеустрем-

ленность, усердие, ответственность, волю, требовательность к себе в формировании профессионала, а педагогический коллектив ВООВО помогает ему в этом.

Таким образом, процесс руководства характеризуется высокой целеустремленностью, наличием специфических целей и критериев оценки труда и достижений всего личного состава.

Это не значит, что руководство института ограничивается организацией и обеспечением его образовательного процесса. Личный состав института активно взаимодействует с подразделениями органов внутренних дел города и района по обеспечению общественного порядка; ученые участвуют в разработке модели современного сотрудника, методик организации взаимодействия органов правопорядка с государственными органами по обеспечению безопасности личности и общества, борьбе с правонарушениями и их предупреждению, основных положений теории управления органами правопорядка. Большое внимание на формирование личности курсанта оказывает сфера, лежащая за пределами ВООВО, с которой он сталкивается дома, на даче, по месту жительства в городе, районе.

Многие увлечения части современной молодежи вполне могут сказаться отрицательно (дискотеки с их морально-психологической атмосферой, беспорядочный секс, злоупотребление алкоголем, распространение наркомании, иметь все и сейчас, «массовая культура», культ насилия в видео- и кинопродукции, педагогическая неразборчивость многих средств массовой информации и др.). Проблема в том, насколько совпадают влияющие на личность курсанта факторы внутри и вне ВООВО. Нередко возникает проблема типа «кто – кого»: победят ли здоровые силы или социально деформирующие личность. Важно ставить дело так, чтобы влияние образовательного учреждения одерживало верх, чтобы у курсантов укреплялся иммунитет к деформирующим влияниям, чтобы они формировались как достойные граждане и подлинны профессионалы своего дела. При хорошей организации все эти разновидности вне учебной работы становятся важным источником профессиональной подготовки будущих офицеров, расширения их кругозора, приобретения опыта, необходимого для их профессиональной деятельности в войсках.

Поэтому умение придать вне учебной работе педагогическую направленность является важной характеристикой эффективности управленческой деятельности руководителя в ВООВО.

Ряд особенностей руководства курсантским коллективом вытекает из того, что ведущим видом его деятельности является учеба, имеющая специфические психологические характеристики. Познавательная деятельность обучаемых – это интеллектуальный труд, сложность и напряженность которого достигает высокого уровня. Известно, что чем сложнее структура деятельности, чем больше в ней спорных (чувственных), интеллектуальных компонентов, тем труднее ее руководить, поскольку «... и более сложные действия

человека регулируются психическими явлениями все более сложного порядка» [3].

В процессе учебного труда, выполнения отдельными обучаемыми определенных учебных заданий, у них формируются профессионально важные знания, умения, навыки, качества личности. Учебный труд, таким образом, имеет двойного рода результаты:

а) внешнее – выполнение учебных заданий, т. е. изучение указанной литературы, выполнение контрольных и других работ и т. д.;

б) внутреннее – соответствующие убеждения, умения, усвоенные способы решения профессионально важных задач, морально-психологические качества личности.

Следовательно, в руководстве учебной деятельностью учитываются не только внешние результаты, но и те психологические сдвиги, которые имеют место в процессе овладения учебной программой, новые психологические образования.

В руководстве коллективом учитывается также специфика учебных задач, состоящих в том, что они обычно не распределяются между курсантами, а решаются каждым из них в полном объеме. Если в ходе служебной деятельности общие задачи расчленяются на частные, соответствующие их специальности, то в учебном процессе общая задача коллектива за некоторыми исключениями (стрельбы, учения и т. п.) являются также и задачей каждого отдельного курсанта.

Эта нерасчленяемость учебных задач выдвигает перед руководством ряд проблем организации коллективной деятельности, такого взаимодействия курсантов в процессе учебы, которое бы способствовало овладению каждым из них всей совокупностью профессиональных знаний и умений. Руководителю постоянно приходится иметь дело с двумя важными тенденциями, вытекающими из данной особенности учебного труда:

а) тождественность решаемых курсантами задач является важным фактором их сближения, помогает им глубже изучить друг друга, обмениваться опытом работы, наладить взаимопомощь, правильно оценивать своих товарищей и действительно влиять на них. Курсанты со знанием дела могут обсуждать свои общие проблемы учебы, уделяя внимание методам работы, вскрывать причины недостатков, высказывать конкретные рекомендации по ее улучшению, здесь методы работы каждого, причины недостатков, пути их устранения всегда могут стать предметом делового разговора. В итоге – создаются благоприятные условия для дружной совместной учебы, стимуляции учебной и общественной активности курсантов, развития взаимопомощи;

б) в силу того, что работа каждого курсанта тождественна работе его товарищей (исключая индивидуально-психологические различия, методы и достигаемые результаты), своеобразно складывается деловое взаимодействие в коллективе. В ходе выполнения ряда учебных задач курсанты работают индивидуально, вне контакта друг с другом, поскольку каждый из них должен овладеть всей совокупностью знаний, предусмотр-

ренных учебной программой. При некоторых условиях это может порождать стремление отдельных курсантов замкнуться в узком кругу своих личных учебных интересов, недостаток интереса к проблемам коллектива, пассивное отношение к общественной работе, нежелание помогать своим товарищам в учебе.

Наличие этих двух тенденций в деловых взаимоотношениях курсантов, обусловленных характером учебной деятельности, побуждает руководителя уделять пристальное внимание организации коллективного труда и общественной работы. Большое значение имеет развитие отношений товарищества и дружбы, чувства гордости за свой коллектив и личной ответственности за его достижения. Умелый учет этих тенденций предполагает, что преподаватель и командир подразделения владеют методами организации совместной учебы, налаживания взаимодействия в процессе выполнения учебных заданий, заботятся о преодолении индивидуалистических наклонностей отдельных курсантов, всесторонне оценивают их вклад в достижения коллектива.

Большая группа особенностей руководства обуславливается специфическими социально-психологическими чертами курсантского коллектива. Курсантский коллектив представляет собой одну из разновидностей воинского коллектива, объединяет личный состав учебной группы единством мировоззрения и деятельности, профессиональной направленности, четкой системой взаимодействий и отношений ответственной зависимости, высокой активностью социально-психологических явлений. Жизнь, деятельность и, соответственно, психология курсантского коллектива характеризуется специфическими чертами, отличающими его от других коллективов.

Во-первых, специфической чертой коллектива курсантов является его основная цель – обеспечение благоприятных условий для овладения каждым курсантом учебной программы ВООВО и всесторонней подготовки к самостоятельной профессиональной деятельности. Реализация этой цели достигается тем, что, во-первых, коллектив создает обстановку взаимодействия, взаимопомощи и коллективного труда, которая стимулирует активность каждого отдельного курсанта, и, во-вторых, курсанты как члены коллектива приобретают опыт решения своих внутриколлективных проблем, практически знакомятся с социально-психологическими механизмами регулирования его жизни и деятельности и таким образом готовят себя к успешной работе по руководству коллективом военнослужащих в будущем.

Во-вторых, коллектив курсантов характеризуется обычно относительной однородностью своего состава: образование, возраст, призвание к профессии – все эти и некоторые другие данные проверяются в процессе вступительных конкурсных экзаменов, предварительного изучения абитуриентов и проводятся в соответствии с требованиями, предъявляемыми к курсантам военного образовательного учреждения высшего образования.

В-третьих, существенной особенностью кол-

лектива курсантов является простота его организационной структуры: курсанты (кроме младших командиров) имеют одинаковые должности и не различаются между собой по служебному положению. Особенностью является также положение младших командиров из числа курсантов одного и того же курса, которые выполняют учебные задания наряду со своими подчиненными. Это обстоятельство нередко выдвигает вопрос о взаимоотношениях младших командиров с курсантами, о путях повышения их требовательности и обеспечении товарищеских уставных взаимоотношений.

В-четвертых, курсантский коллектив отличается особым характером своего формирования, которое начинается, как говорится, с нуля, с объединения определенного числа юношей, зачисленных в институт и ранее не знавших друг друга. В этой связи перед руководителями курсантских коллективов встают специфические задачи комплектования, организации и сплочения подразделений курсантов первого курса, их приобщения к традициям института. К этой работе широко привлекаются преподавательский состав. С целью изучения абитуриентов, их морально-психологических качеств, подготовленности, мотивов поступления, способностей и склонностей создаются специальные группы из преподавателей. Полученные такой группой данные о кандидатах учитываются при принятии решений о зачислении в институт и при комплектовании подразделений [4].

Курсантские подразделения, как правило, комплектуются таким образом, чтобы в будущих коллективах были люди с разносторонней подготовкой, имелись бы широкие возможности для обмена опытом, учитывается социальный состав.

В последующем развитии коллектив проходит ряд этапов сплочения, в общих чертах, соответствующих динамике предъявления требований в коллективе, описанной А. С. Макаренко [5].

Одним из наиболее сложных и ответственных этапов в истории курсантского коллектива вообще и в жизни каждого отдельного курсанта является период становления. В это время коллектив еще слабо ориентируется в условиях жизни, учебы и службы, курсанты не умеют взаимодействовать друг с другом, согласовывать свои усилия при выполнении различного рода задач, что приводит к большим затратам сил, вызывает усталость и порождает искаженное представление о тяготах учебы и последующей службы в войсках. Некоторые курсанты поддаются этому настроению и пытаются уйти из института. С целью ускорения становления коллективов первого курса в институте проводятся специальные мероприятия для изучения курсантами друг друга, выработки единых целей, объединения личного состава на принципиальных основах (вечера знакомств, собрания, диспуты о будущей профессии и обязанностях курсанта и т. п.).

Курсанты знакомятся с традициями старших курсов, усваивают опыт старших товарищей, вырабатывают готовность поддерживать и укреплять лучшие традиции институтского коллектива. Осо-

бое внимание уделяется изучению уставных положений о взаимоотношениях военнослужащих, норм поведения.

Большой вклад в становлении коллектива вносят преподаватели. Они изучают курсантов, оказывают помощь руководству факультетов. Они приучают курсантов к новым формам учебной работы в военном образовательном учреждении высшего образования, сплачивают коллектив посредством организации коллективной деятельности в ходе учебных занятий.

В-пятых, для курсантского коллектива свойственна определенная специфика содержания и форм проявления его психологии, выраженная направленность ее на профессиональные ценности.

В процессе руководства существенное значение имеет учет особенностей, свойственных процессам коллективного мышления, выработки единых мнений. Учебная группа, живущая одной жизнью, одними целями и интересами, имеет большую практику в коллективном обсуждении различных проблем и быстро вырабатывает свое мнение по любому вопросу, привлекающему интерес курсантов, в результате чего легко достигается единство взглядов и действий. Наряду с несомненными достоинствами этого социально-психологического явления здесь возможна и известная торопливость, недостаточная критичность при восприятии и обсуждении информации, неустойчивость мнений.

Важное место в умах курсантов и, соответственно, в процессах повседневного обмена мнениями занимает проблема будущего – начала самостоятельной работы.

По свидетельству руководителей факультетов курсанты в беседах с ними чаще всего интересуются их опытом работы в войсках, особенно в первые годы после окончания института, методами работы с людьми, расспрашивают о конкретных случаях, сложных интересных ситуациях и принятых решениях, о мотивах избрания профессии, быте, бюджете свободного времени, условиях для самообразования, взаимоотношениях в служебных коллективах.

Курсанты внимательно присматриваются к руководящему составу института, факультетов, к преподавателям, тщательно оценивают их личные и деловые качества, на их примере формируют свои представления о будущей профессии, свой идеал офицера войск национальной гвардии.

Разумеется, профессиональная направленность коллектива курсантов не создается сама по себе. Как показывают материалы опроса, профессиональная направленность формирующегося коллектива выражена слабо: преобладают общие, малоконкретные представления о будущей профессии, имеет место большой разбой мнений и другие признаки, свидетельствующие о том, что профессиональные проблемы обсуждаются недостаточно интенсивно. Следовательно, профессиональная направленность курсантского коллектива является результатом

труда преподавателей, руководства факультетов. Важную роль в формировании этого свойства коллектива играет личный пример руководителей, их искренняя преданность своему делу, профессии, проявляющаяся в конкретных делах, в процессе повседневной работы с курсантами.

В-шестых, оценивая курсантский коллектив как объект руководства, следует учитывать высокий уровень самостоятельности и инициативности курсантов, их действенное стремление к самовоспитанию, дисциплинированность, старательность и усердие при выполнении приказаний и служебных обязанностей.

Вместе с тем среди курсантов встречается порой неправильное отношение к некоторым элементам распорядка в институте, проявляют невоспитанность во взаимоотношениях со старшими, что порождает дисциплинарные проступки. Поэтому борьба с такого рода отрицательными индивидуальными наклонностями, предупреждение их является важной задачей руководства коллективом.

Руководство курсантскими коллективами осуществляется также и с учетом их внутренних различий, индивидуальных особенностей каждого коллектива, вызываемых рядом объективных и субъективных факторов:

- специализация военного образовательного учреждения, характер будущей профессии курсантов определяют профессиональные особенности коллектива;

- важную роль играют курсовые особенности, связанные с накоплением курсантами опыта учебы и службы, коллективной жизни и деятельности, а также с возрастными изменениями и переменами в семейном положении (к моменту выпуска ряд курсантов являются женатыми) и т. д.;

- ряд черт коллектива определяется индивидуальными особенностями личного состава данного подразделения, стилем руководства, эффективностью работы общественности, условиями жизни, успехами в учебе и т. д. [5].

Заключение

Таковы основные черты руководства курсантским коллективом и обуславливающие их причины. Если кратко подытожить сказанное, то следует подчеркнуть, что руководство курсантским коллективом заключается в том, чтобы сплотить личный состав учебной группы, последовательно укреплять в нем высокую организованность и дисциплину, регулировать повседневную жизнь курсантов в соответствии с требованиями воинских уставов, и норм морали, направлять энергию личного состава на успешное выполнение учебных заданий. Осуществляясь на основе общих закономерностей, руководство курсантским коллективом имеет свои особенности, которые определяются специфическими задачами военного образовательного учреждения, условиями службы и жизни, специфическими психологическими характеристиками самого коллектива и особенностями его ведущей деятельности – учебы.

Список источников

1. Эльконин Д. Б. Понятие компетентности с позицией развивающего обучения // Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию. Красноярск, 2002. С. 20–29.
2. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе. М. : ЮНИТИ, 2002. 234 с.
3. Рубенштейн С. Л. Основы общей психологии. М. : Педагогика, 1989. 485 с.
4. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Аспект Пресс, 2008. 363 с.
5. Макаренко А. С. Коллектив и воспитание личности. М. : Педагогика, 1972. 136 с.

References

1. Jel'konin D. B. The concept of competence with the position of developmental education. *Modern approaches to competence-oriented education*. Krasnojarsk. 2002. p. 20–29. (In Russ.).
2. Chernilevskij D. V. *Didactic technologies in higher education*. Moscow: JuNITI; 2002. (In Russ.).
3. Rubenshtejn S. L. *Fundamentals of General Psychology*. Moscow: Pedagogy; 1989. (In Russ.).
4. Andreeva G. M. *Social Psychology*. Moscow: Aspekt Press; 2001. (In Russ.).
5. Makarenko A. S. *The team and the education of the individual*. Moscow: Pedagogy; 1972. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. М. Филимонцев – кандидат исторических наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 02.03.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

N. M. Filimontsev – Candidate of Sciences (History),
Docent

The article was submitted 02.03.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 378

АКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВОЕННЫХ ИНСТИТУТАХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Васильевич Бойков¹, Сергей Анатольевич Ермаков²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ bojkovaleksandr353@gmail.com

² mark18072015@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются активные формы обучения как наиболее перспективные направления развития творческих способностей военных специалистов. При этом раскрываются активные методы обучения на основе создания дидактических и психологических условий. Данный материал актуален для профессиональной подготовки преподавателей военных институтов войск национальной гвардии, занимающихся обучением курсантов.

Ключевые слова: военно-профессиональные компетенции, активные методы обучения, военный специалист, активные лекционные формы, ситуация

Для цитирования: Бойков А. В., Ермаков С. А. Активные формы обучения при подготовке специалистов в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 109–114. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/019.pdf>.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

ACTIVE FORMS OF TRAINING IN THE TRAINING OF SPECIALISTS IN THE MILITARY INSTITUTES OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander V. Boikov¹, Sergey A. Ermakov²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops, Saint-Petersburg, Russia

¹ bojkovaleksandr353@gmail.com

² mark18072015@yandex.ru

Abstract. In article discusses active forms of training as the most promising areas for the development of creative abilities of military specialists. At the same time, active teaching methods based on the creation of didactic and psychological conditions are revealed. This material is relevant for the professional training of teachers of military institutes of the National Guard Troops engaged in the training of cadets.

Keywords: military professional competencies, active training methods, military specialist, active lecture forms, situation

For citation: Boikov A. V., Ermakov S. A. Pedagogical Active forms of training in the training of specialists in the military institutes of the National Guard Troops of the Russian Federation // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 109–114. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/019.pdf>.

© Бойков А.В., Ермаков С.А., 2022

Введение

Организация образовательной деятельности в современной педагогической литературе рассматривается с двух сторон: «обучение через информацию и обучение через деятельность». Особую роль при этом в обучении специалистов в военных институтах войск национальной гвар-

дии Российской Федерации (Росгвардия) играют активные формы обучения. Научно-методические положения по применению таких форм в военной педагогике получили название технологии активного обучения [1, с. 26–37].

Основные положения технологий активного обучения сводятся к следующему:

Они опираются как на процессы восприятия, памяти, внимания, так и на творческое мышление, поведение и общение, при этом творческое мышление играет основную роль в процессе подготовки.

В них изменяются как действия преподавателя, так и действия обучающихся. Поэтому при применении активных технологий преподаватель, вместо источника информации, исполняет роль управляющего в ходе процесса формирования необходимых военно-профессиональных компетенций [2, с. 37–41]. Таким образом, учебно-методическая работа преподавателя сводится к разработке и применению активных форм, методических приемов и средств обучения. Такая организация подготовки способствует созданию у обучающихся положительной мотивации, стремлению к самостоятельности, творческой активности в процессе формирования требуемых компетенций. В конечном счете, это приведет к развитию у специалистов способностей прогнозировать стохастические ситуации и принимать решения в условиях неопределенности. Следовательно, роль обучающихся состоит не только в том, чтобы получить нужную информацию, но и использовать ее для освоения всего комплекса элементов профессиональной деятельности в соответствии с предназначением.

Таким образом, для повышения качества подготовки специалистов в военных институтах на основе активных методов обучения необходимо создать психолого-педагогические условия, в которых обучающиеся смогут занимать активную личностную позицию и в ходе обучения проявляться как субъекты учебной деятельности. При этом дидактический принцип активности личности в обучении определяет и систему требований к деятельности, как обучающегося, так и преподавателя в едином процессе подготовки военного специалиста. В систему входят внешние и внутренние элементы, образующие определенные иерархические связи. Их соотношение в конечном счете и определяет: выбор содержания воспитательного процесса; конкретные формы и методы обучения; организацию процесса формирования активной творческой личности.

Основные положения

Наиболее перспективным направлением развития творческих способностей военного специалиста является внедрение в процесс их подготовки активных форм обучения.

Активное обучение является перспективным направлением в военной педагогике. При этом наибольший интерес представляют активные методы обучения на основе создания дидактических и психологических условий, способствующих проявлению активности обучающихся.

Наиболее важные активные методы обучения сводятся к следующему:

анализ конкретных ситуаций "case-study", суть которого состоит в изучении, анализе и принятии решений по ситуации, возникающей в результате событий или определенных обстоятельств на

определенный момент времени. При этом анализ ситуации состоит в детальном исследовании обстановки с целью, выявления ее характерных свойств.

Использование метода позволяет: развивать аналитическое мышление обучающихся; применять системный подход к решению учебной задачи; выделять варианты рациональных решений и выбирать их критерии; устанавливать профессиональные контакты; вырабатывать коллективные решения; устранять конфликты в ходе совместной деятельности.

Метод характеризуется следующим: наличием конкретной ситуации; разработкой (группой или индивидуально) вариантов решения ситуаций; защитой вариантов разрешения ситуаций; подведением итогов и оценкой результатов.

Применительно к профессиональной деятельности категория «ситуация» представляет совокупность фактов, характеризующих определенный период или событие в деятельности подразделения, требующих выработки решения или конкретных действий.

В ходе военно-профессиональной подготовки рекомендуется отрабатывать следующие ситуации:

Ситуация-проблема, то есть описание реальной проблемной ситуации. Цель заключается в выработке решения.

Ситуация-оценка описывает положение, выход из которого найден. Цель состоит в проведении критического анализа принятого решения, дать заключение о его целесообразности.

Ситуация-иллюстрация поясняет причины ее возникновения, описывает процедуру ее разрешения. Цель состоит в оценке ситуации, проведении анализа ее решения, в формулировании вопросов, в выражении согласия или несогласия по его рациональности.

Ситуация-упреждение описывает применение принятых ранее решений и носит тренировочный характер, служит иллюстрацией к изучаемой теме. Цель разрешения состоит в анализе исходных данных ситуации, в выработке решения, с использованием приобретенных теоретических знаний.

Исходя из того, что метод конкретных ситуаций развивает аналитические способности специалистов, его можно применять ко всем дисциплинам военно-профессионального цикла.

Метод игрового проектирования применяется на практических занятиях. Он состоит в выработке решений в игровых условиях, воссоздающих реальную обстановку. Метод отличается высоким сочетанием индивидуальной и совместной работы обучающихся. Создание игрового проекта требует от преподавателя знания технологии проектирования и умения поддерживать межличностные отношения для решения профессиональных вопросов. Метод характеризуется: наличием исследовательской задачи, которую формулирует преподаватель; разделением группы для выработки вариантов решения; докладом решения задачи с его анализом участниками занятия.

Игровое проектирование «деловая игра» может охватывать большой промежуток времени, поэтому его применение может совмещаться с разработкой курсовых задач или других заданий.

Метод имитационного тренинга предполагает отработку навыков и умений по работе с техническими средствами. Он позволяет имитировать обстановку профессиональной деятельности, где «моделью» выступает техническое средство. Профессиональная деятельность воссоздается с помощью реального технического средства или путем имитации условий его применения. Разыгрывание ролей является имитационным игровым методом активного обучения. В его основе лежат проблемы взаимоотношений в коллективе, совершенствования методов управления подразделением. Он характерен следующим: наличием задачи и распределением ролей между участниками; взаимодействием при выработке решений; введением в ходе занятия корректирующих условий; оцениванием результатов обсуждения и подведением итогов игры.

Метод направлен на развитие поведенческих умений профессионального и социального характера. В качестве исходных данных для сценария занятия берутся профессиональные ситуации. Розыгрыш ролей является эффективным методом решения организационных, управленческих задач цикла военно-профессиональных дисциплин.

Все технологии активного обучения по признаку создания условий профессиональной деятельности можно разделить на не имитационные и имитационные [3, с. 137–162]. В не имитационных технологиях не предполагается построения моделей изучаемого явления, процесса или деятельности. При этом активизация обучения достигается за счет: отбора проблемного содержания; особой организации занятия, в том числе, с применением технических средств и обеспечением диалогических взаимодействий. К ним относят: программированное обучение; активные лекции; активные семинары; практические занятия в компьютерных классах; курсовые и выпускные квалификационные работы, стажировки. Все не имитационные технологии позволяют создавать предпосылки для ускоренного формирования военно-профессиональных компетенций.

В основе имитационных технологий лежит моделирование, то есть воспроизведение деятельности в реальной обстановке. Такая организация занятий позволяет отразить различные виды профессиональной деятельности и сформировать у обучающихся определенный профессиональный опыт в исполнении функциональных обязанностей после выпуска. Поэтому при реализации имитационных технологий предполагается игровая методика, т. е. общение обучающихся между собой и с преподавателями в процессе имитации.

Таким образом, все имитационные технологии активного обучения делятся на игровые и не игровые. Не игровые формы представлены большой группой ситуаций, характерных для профессиональной деятельности обучающихся. При

этом выбор видов конкретных ситуаций зависит: от характера целей изучаемой темы; уровня подготовки обучающихся; наличия иллюстрированного материала и технических средств обучения и уровня подготовки преподавателя [4, с. 176–181].

Исходя из изложенного, к не игровым формам активного обучения относятся: проблемные лекции; семинары-игры; семинары с анализом конкретных ситуаций; практические занятия по эксплуатации и ремонту вооружения и техники. К игровым имитационным технологиям следует относить те, в основе которых лежат: стажировки с выполнением должностной роли; имитационные тренинги; разыгрывание ролей.

Стажировка с выполнением должностной роли – форма и метод активного обучения, где «моделью» выступает действительность, а имитация затрагивает исполнение роли «должности». Главное условие стажировки – выполнение под контролем организатора реальных служебных действий. По способу организации работы обучающегося такая стажировка относится к индивидуальному методу обучения. Стажировка обеспечивает полное приближение процесса обучения к реальной действительности.

Методом имитационного тренинга проводятся практические занятия, групповые упражнения и летучки, проводимые на тренажере, с использованием приборов, макетов и электронно-вычислительной техники.

Разыгрывание ролей (инсценировки) представляет собой простую по организации форму активного обучения. К основным видам учебных занятий по такой технологии относятся: семинар-игра; семинар с анализом конкретных ситуаций; летучка.

Методом игрового проектирования проводятся практические занятия по военно-специальным учебным дисциплинам.

В соответствии с основными положениями военной педагогики лекции являются важнейшим видом занятий, основой теоретического обучения и проводятся для формирования фундаментальных научных знаний по дисциплинам военно-профессионального цикла.

Развитие отечественной образовательной системы потребовало разработки активных лекционных форм [5]. К ним относятся: проблемная лекция, визуальная лекция, лекция-пресс-конференция, лекция с допущенными ошибками, лекция вдвоем, лекция-беседа и др. Такие формы дополняют информативную лекцию.

Суть активных форм лекционных занятий сводится к следующему. В ходе проблемной лекции преподаватель создает проблемные ситуации и при участии обучающихся вырабатывает решения, раскрывая логику их формирования. Цель занятия состоит в самостоятельном приобретении знаний. Проблемная лекция включает две-три проблемные ситуации. Для их разрешения, обучающиеся должны применить творческие способности к научному мышлению. Разрешение ситуаций происходит по алгоритму, включающему действия преподавателя и обучающихся: по-

становку проблемного вопроса; формулирование проблемы; выработку решения, его заслушивание и анализ; выбор целесообразного варианта решения; включение выбранного варианта в опыт обучающихся. Работу по формулированию проблем преподаватель выполняет при подготовке к лекции на основе материала, составляющего содержание ее темы. При этом он выделяет положения проблемного обучения; формулирует проблемные ситуации (для каждого положения) и проблемные вопросы по ситуациям; определяет решения по каждому вопросу. Все данные отражаются, как в тексте, так и в плане лекции. Таким образом, обеспечивается прочное овладение материалом обучающимся, демонстрируются приемы творческого поиска, формируются творческие способности и научное мышление у обучающихся. Такие лекции используются при изучении сложных тем.

В ходе лекции-псевдиалога преподаватель по ходу изложения материала ставит проблемные вопросы самому себе, а затем он формулирует учебные проблемы, выдвигает гипотезы решения и выбирает наиболее целесообразные. Таким образом, обучающиеся становятся соучастниками научного поиска и вовлекаются в проблемную ситуацию.

В ходе лекции-визуализации учебный материал передается с использованием визуального представления, что рассматривается как способ активизации мышления и обучения перекодированию информации с помощью разных знаковых систем. Лекция проводится при введении в тему, раздел или учебную дисциплину – как способ создания проблемной ситуации и психологической установки на изучение. Они также проводятся по темам, где визуальная информация способствует и обеспечивает формирование элементов военно-профессиональных компетенций по наглядному моделированию изучаемых процессов. В качестве визуализации используются естественная наглядность («реальные образцы»); изобразительная наглядность («макеты, слайды, видеофильмы»); словесно-образная наглядность («словесные примеры, факты, сравнения, эпитеты, метафоры»); символическая наглядность («условные обозначения»).

В ходе лекции – пресс-конференция преподаватель осуществляет передачу учебного материала по потребности обучающихся. Ее содержание формулируется на основе вопросов обучающихся, которым известна тема лекции. Такая лекция читается наиболее подготовленными специалистами, которые глубоко знают проблемы и противоречия в пределах изучаемой и смежных тем; способны преподнести учебный материал в различных аспектах в соответствии с возможными вопросами обучающихся. Лекция начинается с объявления ее темы, после чего каждый обучающийся формулирует наиболее актуальный вопрос. Преподаватель систематизирует вопросы и добавляет свои, включающие важные научные положения. Во время изложения учебного материала вопросы, заданные обучающимися или

добавленные преподавателем, не зачитываются, но раскрывается их содержание. В лекции применяются различные методы изложения учебного материала, в том числе, диалог с обучающимися.

Лекция-провокация осуществляет передачу учебного материала с намеренно допущенными ошибками. Ошибки планируются на основе тщательного анализа учебного материала с учетом подготовки обучающихся. Лекция носит игровой характер. Предметом игры является преднамеренное искажение содержания, подлежащее его с участием обучающихся. Суть игры состоит в следующем: преподаватель начинает изложение учебного материала после предупреждения о том, что им будут допущены ошибки, указывая их количество и характер; обучающиеся по ходу изложения учебного материала должны выявить и проанализировать допущенные преподавателем ошибки, затем в конце занятия дать правильное понимание каждого положения, преднамеренно изложенного ошибочно.

Таким образом, на этой лекции преподаватель уже с самого начала ее чтения создает для обучающихся проблемную ситуацию и возбуждает у них активную познавательную деятельность для ее разрешения. При этом сам он становится объектом пристального внимания и критики, так как у обучающихся возникает, естественное стремление, найти допущенную преподавателем ошибку. Опасения же того, что ошибочные положения, изложенные преподавателем, могут быть запомнены обучающимися, для данной лекции не существуют, так как действует психологический эффект края: запоминается только тот материал, который изложен в начале и в конце занятия.

Лекцию-провокацию преподаватель начинает с объявления ее темы и перечня учебных вопросов, раскрывающих ее содержание, затем дает краткое введение, в конце которого сообщает обучающимся, сколько он сделает ошибок в ходе занятия и возможный характер, после чего приступает к изложению учебного материала с ошибками.

При изложении учебного материала преподаватель может использовать различные технические средства обучения и виды наглядности, принимать наиболее оптимальные приемы и способы для активизации познавательной деятельности обучающихся. При этом, однако, не следует акцентировать внимание их на те положения, которые в лекции излагаются с преднамеренно допущенными ошибками.

В конце занятия преподаватель предлагает обучающимся сообщить, какие ошибки ими зафиксированы, после чего последовательно по каждой ошибке заслушивает варианты ответов и делает, при необходимости, по ним краткий анализ. На эту работу преподаватель должен отводить 15–20 минут учебного времени. Лекция-провокация читается для хорошо подготовленной аудитории. Она может проводиться как итоговое занятие по разделу или теме. Использование лекции-провокации в образовательной деятельности

позволяет: с высокой вероятностью усвоения доводить учебную информацию; развивать умения оперативно анализировать ситуации, действия и ориентироваться в проблемно представленной информации; осваивать приемы и способы доклада решений.

Таким образом, лекция-провокация вносит разнообразие в образовательный процесс, так как способствует повышению интереса слушателей (курсантов) к ее содержанию, а, следовательно, и к качеству их обучения.

Лекция вдвоем осуществляет передачу учебного материала двумя преподавателями. Она читается наиболее подготовленными, психологически и интеллектуально совместимыми преподавателями, глубоко владеющими лекционным материалом. Она проводится в форме диалога, в ходе которого каждый преподаватель вводит для другого преподавателя такую информацию, которая создает ему условия для последующего изложения учебного материала. Этим обеспечивается стройная последовательность и логичность изложения всего лекционного материала. Для проведения лекции разрабатывается сценарий, в котором дается распределение проблем между преподавателями, устанавливается последовательность и регламент их выступления, указываются правила поведения («изменение поз, жесты, движение и т. д.»), а также порядок использования различных технических средств и видов наглядности. Сценарий разрабатывается на основе анализа всего учебного материала, с учетом индивидуальных способностей и возможностей каждого преподавателя. Содержание лекции вдвоем лучше раскрывается и осваивается обучающимися, если его изложение построено на противоречиях. В этом случае они непроизвольно включаются в активное мышление, вследствие чего у них могут возникнуть другие точки зрения на проблемы, изложенные преподавателем. В этой ситуации целесообразно организовать в ходе занятия свободный обмен мнениями между обучающимися и на его основе добиться правильного понимания ими тех положений, которые вызвали противоречия.

Данная лекция предполагает выполнение следующих требований: разный темп изложения материала; разный тембр голосов преподавателей; рациональная очередность выступлений преподавателей; оптимальное количество применяемых технических средств обучения.

Выполнение этих требований значительно снижает утомляемость аудитории и увеличивает ее активность, что позволяет не только увеличить объем отрабатываемой информации, но и глубину ее изучения.

Лекцию вдвоем в образовательном процессе целесообразно использовать в тех разделах учебной дисциплины, которые информационно перегружены, а учебников и учебных пособий по ним нет или они оказались устаревшими из-за изменения содержания обучения.

Лекция-беседа – это вид лекции, в ходе которой преподаватель осуществляет передачу учебного материала с максимально возможным его

обсуждением с обучающимися. Она является наиболее активной лекцией, так как в ней реализуется принцип обратной связи с опорой на речевое общение преподавателя с обучающимися. Такая лекция имеет несколько разновидностей: лекция-диалог, лекция-дискуссия, лекция-диспут, лекция-семинар.

Лекция-диалог читается обычно с участием одного специально подготовленного обучающегося, который в ходе изменения учебного материала отвечает на все вопросы преподавателя и задает ему уточняющие вопросы, но не выступает его оппонентом.

Лекция-дискуссия предполагает не только использование ответов обучающихся, но и организацию свободного обмена мнениями.

Лекция-диспут предполагает по каждому вопросу превращение аудитории в арену борьбы двух концепций, школ и стилей мышления, а также опору преподавателя на результаты этой борьбы при дальнейшем изложении лекционного материала.

Лекция-семинар проводится методом множества мнений с частью аудитории, заранее подготовленной излагаемым по учебным материалам.

Во всех видах лекции-беседы проводится игра по правилам, установленным преподавателем. Они определяют порядок общения при изложении материала лекции с расчетом, чтобы общение приводило к полному раскрытию содержания темы и обеспечивало достижение поставленных целей.

Лекция-беседа читается опытным преподавателем, владеющим искусством постановки вопросов с прогнозом получаемых ответов. Лекцию-беседу целесообразно читать для небольшой, но хорошо подготовленной аудитории. Она может быть использована в середине или в конце изучения раздела или темы учебной программы.

Таким образом, перечисленные методы лекций являются более активными, чем традиционная лекция. Поэтому в образовательной деятельности при подготовке военных специалистов в военных институтах Росгвардии ни должны дополнять традиционные формы и методы проведения занятий.

Проблема поиска методов активизации учебно-познавательной деятельности обучающихся всегда остро стояла и стоит перед военными преподавателями. В данной статье предложена только часть способов ее решения. Однако, даже ограниченное применение предлагаемых методов позволит в значительной мере повысить уровни сформированности военно-профессиональных компетенций, что является кардинальной целью подготовки специалистов для войск национальной гвардии Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, для повышения качества подготовки специалистов в военных институтах на основе активных методов обучения необходимо создать психолого-педагогические условия, в которых обучающиеся смогут занимать активную личностную позицию и в ходе обучения проявлять

ся как субъекты учебной деятельности. При этом дидактический принцип активности личности в обучении определяет и систему требований к деятельности, как обучающегося, так и преподавателя в едином процессе подготовки военного специалиста. В систему входят внешние и внут-

ренние элементы, образующие определенные иерархические связи. Их соотношение, в конечном счете, и определяет: выбор содержания воспитательного процесса; конкретные формы и методы обучения; организацию процесса формирования активной творческой личности.

Список источников

1. Елисейкин М. М. Технология профессионально-ориентированного обучения. СПб. : ВМА, 2002.
2. Панфилова А. П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение: учебное пособие. М. : Издательский центр «Академия», 2009. 192 с.
3. Полат Е. С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие / Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров; под. ред. Е. С. Полат. М. : Издательский центр «Академия», 2005. 272 с.
4. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 437 с.
5. Якупова Я. Р. Активные формы обучения-фактор интенсификации учебного процесса // Высшее образование сегодня. 2007. № 5. С. 123–145.

References

1. Elisejkin M. M. *Vocational Training Technology*. Sankt-Peterburg: VMA. 2002. (In Russ.).
2. Panfilova A. P. *Innovative pedagogical technologies. Active learning: textbook*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija». 2009. (In Russ.).
3. Buharkina M. Ju., Moiseeva M. V., Petrov A. E. Polat E. S. (eds.) *New Pedagogical and Information Technologies in the Education System: textbook*. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija». 2005. (In Russ.).
4. Chernilevskij D. V. (eds.) *Didactic technologies in higher education: a textbook for universities*. Moscow: JUNITI-DANA; 2002. (In Russ.).
5. Jakupova Ja. R. (eds.) *Active forms of learning – a factor in the intensification of the educational process. Higher education today*. 2007;5: 123–145 (In Russ.).

Информация об авторах

С. А. Ермаков – кандидат военных наук, доцент

Статья поступила в редакцию 01.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

S. A. Ermakov – Candidate of Sciences (Military),
Docent

The article was submitted 01.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья
УДК 378.145.3

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Анатолий Владимирович Костюк¹, Николай Михайлович Епанешников²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ kostyuk.anatoliy.2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5642-2443>

² nik_mihel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2589-9425>

Аннотация. В работе предлагается в качестве одного из инструментов повышения эффективности обучения в системе дополнительного профессионального образования использовать развитие информационно-образовательной среды внедрения инновационных методов и технологий обучения. На основе приведенного анализа, отмечается, что стремительно нарастающий информационный поток и повышающиеся требования к квалификации специалиста требуют развития информационной среды и внедрения инновационных методов и технологий обучения, обеспечивающих передачу слушателям в сжатые сроки больших объемов теоретических и практических знаний, учитывающих особенности профессиональной подготовки специалиста. Авторами отмечается, что развитие единой информационно-образовательной среды обеспечит переход к открытому образовательному пространству и современным образовательным информационным технологиям в ДПО и гармонично объединит традиционные и электронные образовательные материалы, обеспечить необходимые коммуникации участников образовательного процесса. Предлагается развитие информационно-образовательной среды осуществлять в рамках реализации личностно-ориентированного подхода, опираясь на повышение качества образовательного процесса и формирование у слушателей, повышающих свою квалификацию, творческих и исследовательских способностей.

С учетом особенностей и специфики обучаемого контингента слушателей курсов дополнительного профессионального образования вырабатываются рекомендации и предложения по реализации инновационных подходов в организации повышения квалификации специалистов.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, эффективность, познавательная активность, принципы активизации, компетенции

Для цитирования: Костюк А. В., Епанешников Н. М. Повышение эффективности обучения в системе дополнительного профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 115–120. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/020.pdf>.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF VOCATIONAL EDUCATION

Original article

INCREASING THE EFFICIENCY OF LEARNING IN THE SYSTEM ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION

Anatoly V. Kostyuk¹, Nikolay M. Epaneshnikov²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ kostyuk.anatoliy.2015@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5642-2443>

² nik_mihel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2589-9425>

Abstract. The paper proposes to use the development of an information and educational environment for the introduction of innovative teaching methods and technologies as one of the tools to improve the effectiveness of training in the system of additional professional education. Based on the above analysis, it is noted that the rapidly growing information flow and the increasing requirements for specialist qualifications require the development of the information environment and the introduction of innovative teaching methods and technologies that ensure the transfer of large amounts of theoretical and practical knowledge to students in a short time, taking into account the specifics of specialist training. The authors note that the development of a unified information and educational environment will ensure the transition to an open educational space and modern educational information technologies in DPO and harmoniously combine traditional and electronic educational materials, provide the necessary communications for participants in the educational pro-

cess. It is proposed to develop the information and educational environment within the framework of the implementation of a student-centered approach, relying on improving the quality of the educational process and the formation of students who improve their skills, creative and research abilities.

Taking into account the peculiarities and specifics of the trained contingent of students of additional professional education courses, recommendations and proposals are developed for the implementation of innovative approaches in the organization of professional development of specialists.

Keywords: additional professional education, efficiency, cognitive activity, principles of activation, competencies

For citation: Kostyuk A. V., Epaneshnikov N. M. Pedagogical Active forms of training in the training of military specialists in the military institutes of the National Guard Troops of the Russian Federation // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 115–120. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/020.pdf>.

© Костюк А.В., Епанешников Н.М., 2022

Введение

Необходимость дальнейшего повышения эффективности обучения в системе дополнительного профессионального образования в современных условиях обусловлена несколькими обстоятельствами.

Во-первых, интенсивное технологическое и информационное развитие приводит к стремительному увеличению объемов информации и обновлению знаний [1, с. 7]. По оценке специалистов в современных условиях информатизации общества ежегодное обновление практических знаний достигает 20 %. Следовательно, при такой скорости обновления, через 5 лет специалист со «старым багажом знаний» практически утрачивает свою профпригодность. Поэтому каждый специалист должен осознавать невозможность разового получения образования, достаточного для успешной профессиональной деятельности в течение последующего длительного времени.

Во-вторых, следствием продолжающейся модернизации современного общества и усложнением вызовов является рост требований к уровню профессиональной подготовки и квалификации специалиста [2, с. 464].

Основные положения

Приведенные доводы обуславливают необходимость непрерывного обновления компетенций и повышение квалификации современного специалиста. Данная задача решается в системе дополнительного профессионального образования (ДПО). Система ДПО призвана отвечать на современные вызовы, обеспечивать освоение специалистами современных методов решения профессиональных задач на основе обновления ими своих теоретических и практических знаний. В федеральном законе от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об образовании») отмечается, что ДПО направлено «на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды»¹.

Мы поддерживаем мнение исследователей, рассматривающих дополнительное профессиональное образование в качестве образования, способствующего как личному, так и профессиональному росту и развитию человека на протяжении его трудовой жизни.

Дополнительное профессиональное образование является перспективным видом образования, поскольку позволяет использовать различные формы обучения, в том числе и удаленные, внедрять различные педагогические информационные технологии обучения, формировать индивидуальный маршрут обучения на длительный период.

При всех достоинствах системы ДПО необходимо отметить, что одной из ее ключевых проблем является то, что на фоне постоянного обновления знаний как теоретических, так и практических, необходимо повышать эффективность обучения и решать вопросы обучения на будущее, т. е. решать вопросы получения и передачи знаний, в том числе и практических, которые находятся на стадии становления.

Одной из основных особенностей обучения в системе ДПО является то, что в отличие от других форм обучения слушатель в процессе восприятия образовательного контента сравнивает его с уже имеющимися знаниями и опытом, подвергает получаемую информацию сомнению и критической оценке [3, с. 208]. В процессе познания полученную информацию слушатель может отвергнуть, если она входит в противоречие с его убеждениями, знаниями и практическим опытом. Следствием этого является возможность моделирования последующей деятельности, в ходе которой новые получаемые знания рассматриваются как багаж для последующего их применения в профессиональной деятельности [4, с. 89]. Естественно предположить, что если такой когнитивный процесс протекает активно, то эффективность обучения будет достаточно высокой.

Материалы и методы

В качестве одной из ключевых составляющих повышения квалификации специалиста в системе ДПО должно стать нарастающее развитие личности, но для интеграции профессионального и личностного совершенствования следует при-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

держиваться выполнения некоторых условий:

- в обществе, в организации поддерживается, стимулируется и поощряется постоянное повышение квалификации работника;
- профессиональная деятельность способствует возникновению информационных запросов на продолжение обучения;
- профессиональная деятельность способствует воплощению в жизнь потенциала специалиста;
- профессиональная деятельность человека тесно связана с его ценностями и жизненной позицией;
- обучение в системе ДПО происходит в духе сотрудничества, с учетом запросов и потребностей обучающегося [4, с. 90].

Нормативно-правовые акты, регулирующие обновление компетенций и повышение квалификации современного специалиста в системе ДПО, направлены на формирование открытого образовательного пространства, в котором будут не только доводиться сведения теоретического и практического назначения, и совершенствоваться навыки профессиональной деятельности, но и созданы условия, обеспечивающие развитие осознанной самореализации обучающегося.

Поскольку важнейшей целью системы ДПО является «совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации»², то выбор методов обучения для ее достижения необходимо определять исходя от планируемого результата. Основываясь на исследованиях, проведенных психологами [5, с. 139], можно утверждать, что эффективность обучения существенно определяется уровнем активности, проявляемой обучающимися в ходе познавательной деятельности.

Поскольку активная познавательная деятельность слушателей способствует приобретению новых знаний и формированию профессиональных компетенций, то данному виду деятельности следует уделять должное внимание при организации образовательного процесса. Об этом свидетельствует и ФЗ «Об образовании», в котором отмечено, что педагогические работники обязаны «развивать у обучающихся познавательную активность»³ (ст. 48).

Вовлечение слушателей в активную познавательную деятельность улучшает их эмоциональное состояние и работоспособность, оказывает положительное воздействие на процессы усвоения, понимания и запоминания учебного материала, обеспечивает формирование навыков коммуникации.

Принимая во внимание тот факт, что основной задачей дополнительного профессионального образования является формирование умений применения полученных новых знаний в профессиональной деятельности и углубление профессиональных компетенций, другим принципом

является максимальное соответствие учебно-познавательной деятельности слушателей функциональным и практическим задачам. В процессе повышения квалификации слушателей необходимо не только углублять их знания, но и формировать требуемые умения и навыки, позволяющие развить и углубить их профессиональные компетенции. Следовательно, процесс повышения квалификации не должен ограничиваться приобретением знаний, т. е. слушанием и запоминанием. Этому процессу должно сопутствовать обучение практическому применению полученных знаний в профессиональной деятельности [4, с. 90].

Следует отметить, что данный принцип повышения профессиональной квалификации специалиста не означает, что обучение должно сводиться к практическим курсам и ими ограничиваться. Реализация данного принципа предполагает такую организацию образовательного процесса, при которой в максимальной степени реализуется соответствие между учебно-познавательной деятельностью, функциональными и практическими потребностями слушателей, а характер обучения соответствует современной профессиональной деятельности или имитирует ее [6, с. 129].

Анализируемые принципы активизации познавательной деятельности и максимального соответствия учебно-познавательной деятельности слушателей функциональным и практическим задачам способствуют переходу от получения новых теоретических знаний к их прикладному, практическому освоению.

Для активизации мыслительной деятельности слушателей необходимо формирование условий, при которых у обучающегося возникает желание решать задачи, познавать истины, доказывать свою точку зрения или оспаривать утверждение оппонента. Формируемая в подобных условиях познавательная деятельность является и мотивированной, и продуктивной.

Мотивация как один из важных принципов формирования активной познавательной деятельности обучающегося является мощным стимулом в формировании и углублении профессиональных компетенций. Среди возможных мотивов, активизирующих познавательную деятельность необходимо выделить, в первую очередь:

- профессиональную заинтересованность;
- элементы творчества, связанные с профессиональной деятельностью;
- элементы состязательности и игрового характера ведения занятия.

Среди отмеченных мотивов формирования активной познавательной деятельности обучающегося выделяется профессиональная заинтересованность, которую следует в первую очередь учитывать непосредственно на стадии создания учебно-методических материалов, выносимых на занятия, проводимых в активной форме. Это объясняется тем, что нереально заинтересовать слушателя надуманной ситуацией, не имеющей профессиональной значимости и не соответствующей реальной действительности, и наобо-

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

³ Там же.

рот, если в процесс познания включены характерные профессиональные проблемы, с которыми обучающийся либо уже сталкивался или с ней сталкивались его коллеги. В последнем случае познавательная заинтересованность существенно возрастает, поскольку она основывается на личной увлеченности решения поднятой проблемы или задачи, освоении опыта коллег или овладении инновационными технологиями.

Профессиональная заинтересованность в овладении и углублении профессиональных компетенций также возрастает, если познавательная деятельность в профессиональной области носит творческий характер, который, кроме того, оказывает существенное влияние на становление и формирование личности профессионала, способного в профессиональной деятельности эффективно реализовать свой потенциал при решении нестандартных задач. На наш взгляд, именно творчески активный профессионал испытывает потребность к повышению своей квалификации с целью овладеть способностью решать новые задачи, возникающие в его профессиональной деятельности.

Для создания условий возникновения творческого интереса у обучающегося целесообразно, по опыту обучения, совмещать проблемное обучение с исследовательской деятельностью в профессиональной области. Такое совместное использование подталкивает слушателей к творческому активному самостоятельному и коллективному поиску новых знаний. Именно инициированная творческая деятельность увлекает слушателей, заставляет углубить поиск решения проблемы и содействует получению новых знаний об исследуемом объекте.

Особенностью дополнительного профессионального образования в современных условиях является необходимость доведения больших объемов информации в рамках неизменных временных интервалов. Это побуждает на поиск и внедрение новых методов обучения, которые способствуют повышению уровня осмысления обучающимися значительных объемов информации, овладению в короткие сроки доводимых знаний и практическое их освоение. Такие методы базируются на интерактивных стратегиях организации образовательного процесса, они предусматривают ведение диалога, взаимное обучение, формирование и углубление компетентности на основе рефлексии профессионального опыта [6, с. 129].

Основополагающими принципами интерактивного обучения, согласно научной позиции С. Б. Ступиной, являются диалогическое взаимодействие, работа в малых группах на основе кооперации и сотрудничества, активно-ролевая (игровая деятельность) и тренинговая организация обучения.

Стратегии интерактивного обучения возможно реализовать лишь в условиях образовательной среды, в которой не планируется доминирование кого-либо из участников образовательного процесса и реализуются субъект-субъектные отношения [7, с. 76]. В подобных условиях слуша-

тель кардинально изменяет свою роль и становится активным участником образовательного процесса, партнером. Изменившиеся условия стимулируют познавательную деятельность слушателя, предоставляют ему дополнительные свободы и возможности для реализации своих профессиональных запросов, развивают потенциальные способности обучающихся и способствуют получению знаний в той или иной области.

Внедряемые в образовательный процесс технологии обучения должны предварительно проверяться с использованием критериев, к которым можно отнести: оптимальность, степень новизны, высокая производительность и возможность творческого применения инноваций в массовом опыте.

Результаты

Принимая во внимание тот факт, что один метод не может удовлетворить всем требованиям, предъявляемым к качеству подготовки специалистов в системе ДПО, можно рекомендовать современному педагогу решать стоящие задачи, основываясь на системном подходе. На наш взгляд, именно умение реализовать такой подход свидетельствует о наличии профессионализма у преподавателя, поскольку он должен основываться на опыте прошлого, смотреть в будущее, критически оценивать каждый шаг своей работы в настоящем.

Следовательно, преподаватель системы дополнительного профессионального образования для реализации системного подхода в образовательном процессе должен приобрести компетенции, позволяющие ему на системном уровне проводить анализ существующих проблем, оперативно оценивать качество подготовки обучающихся; системно реагировать на изменения социально-педагогических условий; видеть перспективы работы и постоянно заниматься повышением уровня профессиональной подготовки.

Анализ педагогической литературы и имеющийся опыт преподавания позволяет сделать вывод о том, что, в системе дополнительного профессионального образования целесообразно использовать следующую совокупность практико-ориентированных психолого-педагогических инструментов:

- проводимых в форме дискуссии (проблемные ситуации, групповые дискуссии, собеседования, анализ ситуаций, обоснование своего мнения и др.);
- творческих технологий;
- игровых технологий (ролевые игры, управленческие и деятельностные игры), позволяющих моделировать профессиональную деятельность или решать поставленные проблемы;
- проводимых в форме коммуникативных и креативных тренингов [8, с. 9].

Важной задачей преподавателя является выявление степени влияния отмеченных методов интерактивного обучения на развитие личности обучающегося, определение роли интерактивного взаимодействия.

Результаты анализа и опыт использования в

ходе проведения занятий по дисциплинам информационного профиля показывают, что внедрение и использование интерактивных методов обучения в системе дополнительного профессионального обучения требуют от преподавателя более высокого мастерства, более тщательной и детальной подготовки, в сравнении с традиционными методами, но достигаемый результат оправдывает воз-

можные временные и материальные затраты. Только при таком подходе можно обеспечить повышение эффективности процесса профессионального становления высококвалифицированного специалиста. Кроме того, следует отметить, что интерактивные педагогические технологии в системе повышения квалификации являются одним из наиболее эффективных средств развития личности.

Список источников

1. Бобонец С. А., Костюк А. В. Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 6–10.
2. Костюк А. В. Использование информационно-коммуникационных технологий для подготовки офицеров национальной гвардии // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 29 декабря 2016 года). Новосибирск : НВИ войск национальной гвардии, 2017. С. 462–466.
3. Костюк А. В., Бобонец С. А. Особенности активизации учебно-познавательной деятельности слушателей в ходе дополнительного профессионального образования // Научно-педагогическое обозрение. 2018. № 4 (22). С. 206–214.
4. Костюк А. В. Повышение профессиональной компетентности специалистов внутренних войск МВД России в условиях информатизации общества // Междисциплинарные исследования в сфере интеграции образования и науки: сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России. Санкт-Петербург, 2014. С. 88–92.
5. Костюк А. В., Епанешников Н. М., Горшкова Е. Е. Особенности активизации творческой деятельности обучающихся // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2021. № 4. С. 137–143.
6. Бобонец С. А., Костюк А. В. Применение метода проектов в ходе изучения информационных технологий // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сборник научных статей VIII Межвузовской научно-практической конференции с международным участием. 2017. С. 127–130.
7. Бобонец С. А., Костюк А. В. Информационно-образовательная среда как фактор повышения эффективности образовательного процесса // Эффекты реализации исследовательских проектов в военных институтах внутренних войск: материалы научно-методического семинара (г. Санкт-Петербург, 14 апреля 2016 года). Санкт-Петербург: СПВИ внутренних войск МВД России. 2016. С. 74–78.
8. Бобонец С. А., Костюк А. В. Подходы к использованию методов интерактивного обучения // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 2 (11). С. 7–11.

References

1. Bobonets S. A., Kostyuk A. V. Intensification of the educational process as a condition for improving the quality of training. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2020;3(12): 6–10. (In Russ).
2. Kostyuk A. V. Features of activation of educational and cognitive activity of students in the course of additional professional education. In: *Directions and prospects for the development of education in military institutes of the troops of the national guard of the Russian Federation: a collection of scientific articles of the VIII Interuniversity scientific and practical conference with international participation*, Novosibirsk 2017, December 29. Novosibirsk: NVI of the National Guard Troops; 2017. p. 462–466. (In Russ).
3. Kostyuk A. V., Bobonets S. A. Features of activation of educational and cognitive activity of students in the course of additional professional education. *Pedagogical review*. 2018;4(22): 206–214. (In Russ).
4. Kostyuk A. V. Improving the professional competence of specialists of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of informatization of society. In: *Interdisciplinary research in the field of integration of education and science: a collection of scientific papers of the scientific and pedagogical staff of the St. Petersburg Military Institute of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Saint-Petersburg: SPVI of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2014. p. 88–92. (In Russ).
5. Kostyuk A. V., Yepaneshnikov N. M., Gorshkova E. E. Features of activating the creative activity of students. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoy protivopozharnoy sluzhby MCHS Rossii*. Saint-Petersburg; 2021;4: 137–143. (In Russ).
6. Bobonets S. A., Kostyuk A. V. Application of the project method in the study of information technology. In: *Directions and prospects for the development of education in military institutes of the troops of the national guard of the Russian Federation: a collection of scientific articles of the VIII Interuniversity scientific and practical conference with international participation*, Novosibirsk 2017, December 29. Novosibirsk: NVI of the National Guard Troops; 2017. p. 127–130. (In Russ).

7. Bobonets S. A., Kostyuk A. V. Information and educational environment as a factor in improving the efficiency of the educational process. In: *Effects of the implementation of research projects in the military institutes of the internal troops: materials of the scientific and methodological seminar, Saint-Petersburg, 2016, April 14*. Saint-Petersburg: SPVI of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2016. p. 74–78. (In Russ).

8. Bobonets S. A., Kostyuk A. V. Approaches to the use of interactive learning methods. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii*. 2020;2(11): 7–11. (In Russ).

Информация об авторах

А. В. Костюк – кандидат военных наук, доцент
Н. М. Епанешников – кандидат военных наук,
доцент

Статья поступила в редакцию 21.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали
эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

Contribution of the authors

A. V. Kostyuk – Candidate of Sciences (Military), Docent
N. M. Epaneshnikov – Candidate of Sciences (Military),
Docent

The article was submitted 21.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

Научная статья
УДК 37

СТЕНДОВЫЙ МОДЕЛИЗМ И СОЗДАНИЕ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИХ МИНИАТЮР КАК ФОРМА ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Сергей Алексеевич Воронов

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, voronov-sci@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4034-9517>

Аннотация. В статье обозначается роль государства в развитии движений, занимающихся воспитанием молодежи. Автором рассматривается такая форма военно-патриотического воспитания, как занятие стендовым моделизмом и создание военно-исторических миниатюр. Приводится аргументированная связь познания исторических событий и фактов через занятия стендовым моделизмом. В статье описывается практическая значимость развития и поддержки подобного рода форм воспитания среди молодежи на примере реализации проекта «Подвигу верны!».

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, стендовый моделизм, военно-исторические миниатюры, позитивизация образа Росгвардии

Для цитирования: Воронов С. А. Стендовый моделизм и создание военно-исторических миниатюр как форма военно-патриотического воспитания // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 121–124. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/021.pdf>.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

BENCH MODELING AND THE CREATION OF MILITARY-HISTORICAL MINIATURES AS A FORM OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION

Sergey A. Voronov

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia, voronov-sci@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4034-9517>

Abstract. The article indicates the role of the state in the development of movements involved in the education of young people. Such a form of military-patriotic education as poster modeling and the creation of military-historical miniatures is given. The author gives a reasoned connection to the knowledge of historical facts through bench modeling. The article describes the practical significance of supporting this kind of form of education among young people on the example of the implementation of the project "Faithful to the Feat!".

Keywords: military-patriotic education, poster modeling, military-historical miniatures, positivization of the image of the National Guard Troops

For citation: Voronov S. A. Bench modeling and the creation of military-historical miniatures as a form of military-patriotic education // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 121–124. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/021.pdf>.

© Воронов С.А., 2022

Введение

Одним из ключевых аспектов современной системы образования Российской Федерации является патриотическое воспитание молодого поколения. В самом широком смысле подлинными гражданами Отечества, людьми со стойкими убеждениями смогут стать те представители молодежи, в системе воспитания которых присутствует идеологическая составляющая. Необходимо особо подчеркнуть, что главной задачей всей воспитательной работы является формирование культуры каждого человека. Это подтверждается и в Программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.», где в качестве основной цели указана необходимость обеспечения необходимых условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, вовлечение граждан в процесс защиты, сбережения и укрепления могущества Российской Федерации, обеспечение преемственности поколений россиян, укрепление чувства солидарности граждан к истории и культуре России. Также функционирует Федеральный проект «Патриотическое воспитание», направленный на развитие воспитательной работы в образовательных организациях общего и профессионального образования, проведению мероприятий патриотической направленности, а в 2020 году внесены поправки к закону «Об образовании в Российской Федерации»², Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, который предложил расширить понятие воспитания обучающихся так, чтобы оно было направлено на формирование «чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа, к природе и окружающей среде».

Основные положения

Уже сейчас на основе принятой концепции патриотического воспитания молодежи созданы и во многих регионах успешно работают Центры дополнительного образования, военно-спортивные школы, Дома творчества. Одной из важнейших задач этих учреждений является патриотическое воспитание подростков через совершенствование их физического, духовного и образовательного развития.

Одним из методов патриотического воспитания является исследование жизни личностей воинов, прославивших город, воинское подразделение, страну, которые могут служить примером для подражания у молодого поколения и объектом гордости соотечественников. Одним из инструментов, с помощью которого можно достичь поставленных целей воспитания, является приобщение к истории через занятие военно-историческим моделированием [1].

Создание военно-исторических миниатюр – это не только творческий процесс, связанный с конструированием и росписью, но он напрямую влияет на получение новых знаний в изучаемой области и истории. Невозможно создать достойную масштабную модель без знания прототипа и исторического контекста, в котором он появился или использовался. Каждый раз, создавая новую модель, человек погружается в новую историческую эпоху, познает новые тонкости и аспекты. В подобном случае история оживает. Таким образом, моделизм можно считать одним из методов идеологического воспитания [2], а идеологией современного воспитания выступает патриотизм. Только говорить о патриотическом воспитании – недостаточно, необходимо демонстрировать молодому поколению образы и примеры для подражания. Сформированное политическое сознание укрепляет нравственную позицию молодого поколения, помогает аргументированно отстаивать свои взгляды, добиваться поставленных целей и проявлять общественно-политическую активность во всех сферах деятельности [3]. Гипотеза исследования заключается в том, что через занятия стендовым моделизмом повышается эффективность усвоения патриотических ценностей. Цель работы заключается в повышении интереса профильных лиц к такому методу военно-патриотического воспитания как стендовый моделизм.

Моделизм стал в последнее время популярным не только у отдельной категории взрослых, но и у детей и подростков. Этому во многом способствовало бурное развитие производства компонентов для модельного творчества. В настоящее время промышленность предлагает компоненты для создания стендовых моделей самолетов, танков, военных кораблей, ракет, автомобилей и другой военной и гражданской техники.

Сама специфика занятия стендовым моделизмом включает в себя конечный результат: изготовление модели, ее историческое соответствие реальному объекту. Это предполагает изучение чертежей, снимков, выбор одного из вариантов окраски, расположению опознавательных знаков (рисунок 1). Работая с литературой, моделист узнает о боевом применении интересующего его типа техники или подразделения: где, кто и когда воевал, боевые эпизоды и т. д.

Большое воспитательное действие на подростков оказывают армейские и трудовые традиции, заключающиеся в их убедительном примере, который побуждает новое поколение идти по стопам старших. В процессе работы над военно-историческими миниатюрами детально изучаются музейные и архивные фонды, происходит общение с участниками тех или иных операций, военными специалистами, ветеранами боевых действий.

Так, опираясь на идею патриотического воспитания и позитивизацию образа Росгвардии, начиная с 2018 года, проводятся работы по созданию военно-исторических миниатюр и развитию проекта «Подвигу верны!», посвященных славной истории применения войск правопорядка и современным образцам техники, находящейся на вооружении войск национальной гвардии (рисунок 2).

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. II), ст. 2123.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. I), ст. 7598.

Рисунок 1 – Примеры моделей военной и специальной техники

Figure 1 – Examples of models of military and special equipment

Рисунок 2 – Военно-историческая миниатюра, посвященная выполнению служебно-боевых задач в период проведения контртеррористической операции

Figure 2 – Military-historical miniature dedicated to the performance of combat missions during the counter-terrorism operation

Значение результатов для практики. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, объединяющие всех любителей стендового моделизма. Проводимые мероприятия организуются в формате экспозиций или в онлайн-формате на базе тематических информационных ресурсов или в сообществах в социальных сетях. На примере представленного проекта посетители экспозиций или пользователи интерактивных выставок знакомятся как с техническим развитием вооружения и военной техники подразделений войск

национальной гвардии, так и с судьбами людей, связанных со славной историей Росгвардии. Во время освещения своих работ, в ходе дискуссий или обсуждений происходит обмен информацией о истории войск, их применению, традициях, создании и эксплуатации боевой техники, о героях войск правопорядка. Это является одной из целей создания проекта – заинтересовать историей отечества, историей участия внутренних войск НКВД, внутренних войск МВД, войск национальной гвардии в значимых исторических событиях.

Популярной формой взаимодействия и обменом информацией среди молодежи выступают сообщества в социальных сетях. Охват аудитории сообществ по тематике моделизма только в одной социальной сети «ВКонтакте» в совокупности превышает сотни тысяч человек в месяц. Помимо социальных сетей, освещение представительских мероприятий, выставок, конкурсов, обсуждение процесса создания военно-исторических миниатюр проходит и на других интернет-площадках: форумах, информационных ресурсах с такой же высокой посещаемостью. Несмотря на то, что на указанных ресурсах публикуются материалы периода второй мировой войны и локальных конфликтов на территории России, освещению событий, связанных с участием подразделений войск национальной гвардии (внутренних войск МВД, НКВД), внимание уделяется крайне мало или представлено единичными сообщениями и примерами работ.

Поэтому целью данного проекта является привлечение внимания моделистов, участников и посетителей выставок к славному и давней истории войск правопорядка, охватывающую различные временные периоды, используемым образцам военной техники и примерам подлинного героизма. Так, в качестве одного из примеров популяризации работ, освещающих историю войск правопорядка,

служат экспозиции на выставках различного масштаба, проводимые в городе Санкт-Петербурге в музее им. А. В. Суворова в 2019 году и 2021 году, а также в онлайн формате на различных конкурсах начиная с 2018 года. Ряд работ по достоинству были оценены профессиональным жюри и номинированы на призовые места. В состав жюри входят не только признанные мастера стендового моделизма, но и известные историки, руководители поисковых отрядов и творческих клубов по работе с молодежью. Впервые в марте 2022 года, в рамках всероссийской выставки военно-исторических миниатюр «Масштабный мир 2022 года», учреждена специальная номинация, посвященная технике специальных подразделений силовых структур и подразделениям по борьбе с терроризмом. Победители всех возрастных категорий будут награждены ценными подарками и сувенирами.

Заключение

Положительный опыт проведения подобного рода выставок и соответствующая поддержка заинтересованных организаций позволяет в перспективе планировать развитие проекта, расширение охвата представительских мероприятий и мотивации участников как среди молодежи, так и среди профессиональных моделистов.

Список источников

1. Стендовый моделизм в системе дополнительного образования / Ротанова В. А., Власова А. А., Торопова А. И., Рыбина Е. А. [и др.] // Современные научные исследования и инновации. 2020. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2020/04/92907> (дата обращения: 20.01.2022).
2. Авилова Н. А. Современные формы патриотического воспитания студенческой молодежи // Вестник ВГУ. 2016. № 1. С. 21–23
3. Петрова Л. А. Формирование патриотизма // Психология, социология и педагогика. 2012. № 3. URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/03/349> (дата обращения: 19.01.2022).

References

1. Rotanova V.A., Vlasova A.A., Toropova A.I., Rybina Ye.A., Sochneva A.S. Bench modeling in the system of additional education. *Modern research and innovation*. 2020;4. Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2020/04/92907> [Accessed 20th January 2022]. (In Russ).
2. Avilova N. L. Modern forms of patriotic education of student youth. *Problemy vysshego obrazovaniya. VSU Bulletin*. 2016;1: 21–23. (In Russ).
3. Petrova L. A. Formation of patriotism. *Psychology, sociology and pedagogy*. 2012; 3. Available from: <https://psychology.snauka.ru/2012/03/349> [Accessed 20th January 2022]. (In Russ).

Информация об авторе

С. А. Воронов – кандидат педагогических наук

Статья поступила в редакцию 25.02.2022;
одобрена после рецензирования 20.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Contribution of the author

S. A. Voronov – Candidate of Sciences (Pedagogy)

The article was submitted 25.02.2022;
approved after reviewing 20.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

Научная статья
УДК 378.1

РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И ЦЕННОСТЕЙ БУДУЩЕГО КОМАНДИРА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ В ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Викторович Кравченко¹, Сергей Владимирович Орлов²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ kravcov12011974@mail.ru

² sportorel37@mail.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ опыта и возможных перспектив развития управленческих навыков будущих командиров через использование возможностей компетентностного подхода. В статье говорится о том, что совершенствование управленческих навыков будущего командира невозможно вне развития его личности, без постоянной работы над собой, без стремления добиться высот профессионального мастерства. В связи с этим в статье важная роль отводится духовным ценностям обучаемых.

Ключевые слова: военно-профессиональные компетенции, ценности, профессиональная деятельность, войска национальной гвардии, будущие командиры

Для цитирования: Кравченко А. В., Орлов С. В. Роль личностных качеств и ценностей будущего командира в процессе обучения курсантов в военной образовательной организации высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 125–129. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/022.pdf>.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

THE ROLE OF PERSONAL QUALITIES AND VALUES OF THE FUTURE COMMANDER IN THE PROCESS OF TRAINING CADETS IN A MILITARY EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

Alexander V. Kravchenko¹, Sergey V. Orlov²

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ kravcov12011974@mail.ru

² sportorel37@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the experience and possible prospects for the development of managerial skills future commanders through the use of the capabilities of a competency-based approach. The article says that the improvement of managerial skills the future commander is impossible outside the development of his personality, without constant work on himself, without the desire to achieve the heights of professional excellence. In this regard in the article an important role is given to the values of the trainees.

Keywords: military-professional competencies, values, professional activity, the National Guard Troops, future commanders

For citation: Kravchenko A. V., Orlov S. V. The role of personal qualities and values of the future commander in the process of training cadets in a military educational organization of higher education // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1 (18): 125–129. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/022.pdf>.

© Кравченко А.В., Орлов С.В., 2022

Введение

В 2022 году считается, что каждый преподаватель должен увидеть и воплотить в своей педагогической деятельности воспитательную работу, направленную через формирование общекультурных компетенций обучающихся – будущих командиров к управлению личным составом подразделений. Это предполагает, как совершенствование содержания определенных ценностных блоков учебного курса, так и применение новых педагогических технологий, направленных на развитие у будущего командира творческого подхода к решению организационно-управленческих задач и, самое главное, на обеспечение подготовки офицера, готового управлять личным составом подразделения в любой сложившейся обстановке.

Сегодня в военной педагогике предпринимаются попытки реформирования содержания и сущности высшего военного образования. Однако глубинные процессы при этом затрагиваются мало. Процессы демократизации требуют поиска нового содержания обучения и воспитания будущих командиров, что обусловлено изменением характера отношений в воинской среде.

Поэтому проблеме совершенствования управленческих навыков в учебном процессе военных образовательных учреждений высшего образования необходимо уделять повышенное внимание. Возможности и значение компетентного подхода в этом процессе еще не в полной мере изучены и реализованы.

Особое внимание при внедрении практико-ориентированных технологий вызывает проблема формирования общекультурных компетенций, в рамках которых необходимо осуществлять формирование профессионально-педагогической компетентности будущих командиров к управлению личным составом подразделений. Будущий командир призван реализовать себя не только в узкой профессиональной области, но и в сложной и многогранной системе социальных и межличностных связей и отношений.

О.И. Дониная указывает на то, что реальная социальная функция образования состоит в социализации личности и зависит от субъективного фактора – от подготовленности людей к решению глобальных, локальных и индивидуальных проблем [1, с. 95].

Прежде всего, необходимо отметить, что общекультурные компетенции формулируются по-разному, в зависимости от специфики профессионального направления подготовки и от приоритетов, определяемых в конкретной области профессиональной деятельности. Однако, несмотря на самостоятельность, можно утверждать, что общекультурные компетенции отражают общее, характерное требование к выпускнику военного образовательного учреждения высшего образования независимо от области профессиональной деятельности. Общекультурные компетенции – это социальное ожидание того, что молодой компетентный военный специалист, вступая в социальную жизнь, разделяет ценности, гос-

подствующие в нашем обществе: патриотизм и гражданственность, ценности гуманизма и экологического сознания, имеет высокие морально-нравственные характеристики, общую, языковую, правовую культуру. Общекультурные, общечеловеческие ценности, которые необходимо сформировать в мировоззренческой системе военного специалиста, выпускника военных образовательных учреждений высшего образования, представляют собой результат и одновременно стратегическое направление в осуществлении воспитательной работы в военной образовательной организации высшего образования (ВООВО) [2].

Методы и организация исследования

Военная служба является особым видом трудовой деятельности, поэтому следует обратить особое внимание на формирование духовно-нравственных ценностей среди курсантов ВООВО. Одной из важных, непреходящих ценностей и духовным достоянием личности, отражающим уровень ее развития, является патриотизм. Вопросы формирования патриотизма, его роль в духовно-нравственном становлении по-прежнему остаются крайне актуальными [3].

В ФГОС высшего образования по всем специальностям закреплены общекультурные компетенции. Их формирование сможет обеспечить правильно подобранный содержательный блок формирования общекультурной компетентности курсантов ведомственных ВООВО [4]. Формирование и достижение цели в виде общекультурной компетентности курсантов ведомственных ВООВО рассматривается в качестве основной составляющей их будущей профессиональной деятельности.

Результаты и их обсуждение. В Санкт-Петербургском военном ордена Жукова институте войск национальной гвардии Российской Федерации (СПВИ войск национальной гвардии) было проведено тестирование среди 25 курсантов первого и 25 курсантов четвертого курсов факультета командного. Использовалась методика, тест ценностных ориентаций известного американского психолога Милтона Рокича [5]. Данная методика является одной из наиболее популярных опросников для диагностики ценностно-смысловой сферы личности. Она позволяет исследовать направленность личности, определить ее отношение к окружающему миру, к другим людям, восприятие мира. Респонденту необходимо проранжировать, оценить значимость 36 ценностей из 2 групп (по 18 в каждой). К первой группе относятся так называемые терминальные ценности, то есть убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования с личной и общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться. Ко второй относятся инструментальные ценности в виде убеждений в том, что какой-то образ действий (например, честность) является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Задача респондентов расположить ценности по

порядку значимости для себя, при этом самому важному присваивается номер 1 и так далее, под номером 18 будет находиться ценность наименее значимая для отвечающего. Полученная в результате исследования индивидуальная

иерархия ценностей может быть разделена на три равные группы: предпочитаемые ценности (ранги с 1 по 6), индифферентные, безразличные (7–12), незначимые (13–18). Результаты исследования приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Терминальные ценности по контрольным группам

Table 1 – Terminal values by control groups

Место	Балл	Ценность (1 курс)	Балл	Ценность (4 курс)
1	112	Здоровье (физическое и психическое)	54	Здоровье (физическое и психическое)
2	112	Счастливая семейная жизнь	95	Счастливая семейная жизнь
3	162	Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	141	Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)
18	370	Творчество (возможность творческой деятельности)	369	Творчество (возможность творческой деятельности)
17	367	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	366	Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)
16	338	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	357	Счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)

Таблица 2 – Инструментальные ценности по контрольным группам

Table 2 – Instrumental values by control group

Место	Балл	Ценность (1 курс)	Балл	Ценность (4 курс)
1	123	Воспитанность (хорошие манеры)	92	Воспитанность (хорошие манеры)
2	131	Честность (правдивости искренность)	152	Ответственность (чувство долга, умение держать слово)
3	152	Ответственность (чувство долга, умение держать слово)	165	Честность (правдивость, искренность)
18	400	Непримиримость к недостаткам в себе и других	331	Непримиримость к недостаткам в себе и других
17	389	Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	323	Высокие запросы (высоте требования к жизни и высоте притязания)
16	313	Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы; обычаи, привычки)	287	Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)

1. В ходе исследования было замечено резкое увеличение значимости ценности «Здоровье» как у курсантов первого курса (112 баллов), так и у курсантов четвертого курса (54 балла). Данная

тенденция может указывать на то, что в ходе службы курсанты больше осознают ценность собственного здоровья как ключевого ресурса для успешной реализации дидактических и педагогических задач.

ческих задач. Это может быть связано как с необходимостью сдачи физических нормативов, так с успешной реализацией академических задач.

2. Вторая по распространенности терминальная ценность – «Счастливая семейная жизнь». Балльное отличие в обеих группах не столь существенно (первый курс – 112 баллов, а четвертый курс – 95 баллов). Данное отличие может указывать, что осознание семьи как ценности не меняется в ходе службы и сохраняет свою мотивационную силу на протяжении периода обучения.

3. Третье место в ранге терминальных ценностей занимает «Развитие» (первый курс – 162 балла) и «Любовь» (четвертый курс – 141 балл). Данное различие может указывать на то, что у начинающих обучение курсантов есть больший потенциал стараться, развиваться, так как они еще не до конца осознают, что их ждет в процессе учебы; им предстоит больше стараться и упорно работать в новой для них среде.

Курсанты четвертого курса уже успели реализоваться во многих сферах военной жизни; более того, в ходе службы они могли осознать, что одной из главных целей индивидуальной реализации является умение ценить собственное окружение, что выражено в смещении ценностей в сторону более коллективной ценности «любовь», то есть умение ценить и эффективно взаимодействовать с кем-то другим помимо себя.

4. Наименее приоритетными терминальными ценностями в обеих группах является «Творчество», «Красота природы и искусства», «Счастье других». Низкая ценность творчества может быть объяснена тем, что педагогическая и дидактическая среды носят специфический характер, где от курсантов требуется скорее дисциплина и реализация конкретных задач. По этой же причине остальные два параметра могут казаться курсантам слишком абстрактными.

Первое место в иерархии инструментальных ценностей занимает «Воспитанность» (первый курс – 123 балла, четвертый курс – 92 балла). Ведущее место этой ценности у испытуемых может быть объяснено тем, что они проводят большое количество времени вместе, в коллективе. Именно в коллективе от того, насколько корректно люди общаются, зависят социальный климат, эффективность совместной и индивидуальной работы.

Второе и третье место занимают у первого курса «Ответственность» (152 балла) и

«Честность» (131 балл). Во второй группе ценность «Ответственность» набрала также 152 балла, тогда ценность «Честности» чуть ниже – 165 баллов. Ответственность всеми участниками исследования может оцениваться как необходимое качество, так как её практическая реализация способствует академической успеваемости и соответствует требованию учебного заведения. Высокие баллы в параметре «Честность» могут указывать на то, что испытуемые считают построение отношений на доверии эффективными и это способствует здоровым отношениям в учебном коллективе.

Наиболее непопулярными терминальными ценностями являются «Непримиримость к недостаткам других», «Высокие запросы», «Широта взглядов», что может характеризовать курсантов как людей, которые терпимо переносят слабости других и склонны договариваться, а не осуждать, строят реалистичные запросы и сфокусированы на конкретной цели. Существенно от этих категорий отличается только критерий «Эффективность в делах», что может указывать на то, что курсанты четвертого курса более нацелены на процесс, а не на результат. Эти данные могут показывать, что ответственность является необходимым критерием для успешной реализации в конкретной образовательной среде.

Заключение

На основании полученных результатов можно сделать вывод о том, что в целом выводы коррелируют с известными исследованиями. Специфика анкетирования в условиях ВООВО, несомненно, откладывает отпечаток на иерархию ценностей курсантов.

Особенно важно то, что в процессе изучения военных дисциплин и реализации полученных знаний на практике создаются максимально благоприятные условия воспитания у курсантов боевых, профессиональных качеств. Итак, теоретический анализ влияния компетентностного подхода и опыта военно-профессиональной направленности процесса обучения на подготовку будущих командиров к профессиональному управлению личным составом подразделений и изучение опыта работы, в СПВИ войск национальной гвардии, показывают, что сегодня имеется как теоретическая база, так и практическая потребность, и необходимость научного осмысления этого процесса.

Список источников

1. Современное высшее образование: теория и практика: коллективная монография / А. Ю. Нагорнова, Г. И. Роголева, О. И. Дониная [и др.]; отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск : Изд-во «Зебра», 2020. 602 с.
2. Правоохранительные органы (административно-правовые основы в определениях и схемах): учебно-наглядное пособие. / Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Кивич Ю. В. [и др.]. Новосибирск, 2020. 180 с.
3. Никифоров Н. Г. Взаимоотношения в воинском коллективе и возможности конфликтных явлений // Международный электронный научный журнал. URL: <http://pnojournal.wordpress.com/archive/8/18-04/> (дата обращения: 01.01.2022).
4. Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З. Морально-нравственный аспект субъективной конкурентоспособности молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 186–200.

5. Шипит'ко А. Б., Райкова А. Н. Междисциплинарная интеграция как основополагающий принцип обучения высококвалифицированного специалиста войск национальной гвардии Российской Федерации / Редкол.: О. Н. Широков [и др.] // Новые подходы в научных исследованиях: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары : ООО Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2021. С. 105–109.

References

1. Nagornova A. Ju. (eds.) *Sovremennoe vysshee obrazovanie: teorija i praktika: kollektivnaja monografija*. Ul'janovsk : Izd-vo «Zebra». 2020. (In Russ.).
2. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Ju., Kivich Ju. V. [i dr.]. *Pravoohranitel'nye organy (administrativno-pravovye osnovy v opredelenijah i shemah): uchebno-nagljadnoe posobie*. Novosibirsk, 2020. (In Russ.).
3. Nikiforov N. G. *Relationships in the military team and the possibility of conflict phenomena. International electronic scientific journal*. Available from: <http://pnojurnal.wordpress.com/archive/18-04/> [Accessed 1st January 2022]. (In Russ.).
4. Shafranov-Kucev G. F., Efimova G. 3. The Moral Aspect of the Subjective Competitiveness of Youth. In: *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;13;2: 186–200. (In Russ.).
5. Shipit'ko A. B., Rajkova A. N. Interdisciplinary Integration as a Fundamental Principle of Training a Highly Qualified Specialist of the National Guard Troops of the Russian Federation. In: Широков О. Н. (eds.) *Exploring methods in information literacy*. Cheboksary: ООО Centr nauchnogo sotrudnichestva «Interaktiv pljus»; 2021. p.105–109. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 25.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали
эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта
интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed
equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (ПО ОБЛАСТЯМ И УРОВНЯМ ОБРАЗОВАНИЯ)

Научная статья
УДК 378.147.88

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПОПУТНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ТРЕНИРОВКИ ПРИ ПЕРЕДВИЖЕНИИ КУРСАНТСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ В ПУНКТ ВРЕМЕННОЙ ДИСЛОКАЦИИ

Владимир Викторович Прокопенко¹, Виталий Викторович Ефимов²

¹⁻² Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ vvbars@yandex.ru

² efimov083@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса, раскрывающего особенности организации и проведения попутных физических тренировок с курсантами военного института войск национальной гвардии в ходе передвижения курсантских подразделений из пункта постоянной дислокации образовательного учреждения в пункт временной дислокации в разные периоды обучения. Качественная подготовка, организация и методика проведения попутной физической тренировки будут способствовать формированию и совершенствованию физических и специальных качеств, профессионально-прикладных навыков у курсантов.

Ключевые слова: попутная физическая тренировка, пункт временной дислокации, курсанты, военный институт, войска национальной гвардии, средства, физические и специальные качества, военно-прикладные навыки

Для цитирования: Прокопенко В. В., Ефимов В. В. Особенности организации и проведения попутной физической тренировки при передвижении курсантских подразделений в пункт временной дислокации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 130–137. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/023.pdf>.

THEORY AND METHODOLOGY OF EDUCATION (BY FIELDS AND LEVELS OF EDUCATION)

Original article

PECULIARITIES OF ORGANIZING AND CONDUCTING PHYSICAL TRAINING DURING THE MOVEMENT OF CADET UNITS TO THE POINT OF TEMPORARY DEPLOYMENT

Vladimir V. Prokopenko¹, Vitaly V. Yefimov²

¹⁻² Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

¹ vvbars@yandex.ru

² efimov083@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue revealing the peculiarities of organization and carrying out passing physical trainings with cadets of the Military Institute of the National Guard Troops during transfer of cadet units from the point of permanent deployment in the temporary deployment point during different training periods. High-quality preparation, organization and methodology of the incident physical training will contribute to the formation and improvement of physical and special qualities, professional-applied skills of the cadets.

Keywords: incident physical training, point of temporary deployment, cadets, military institute, National Guard Troops, means, physical and special qualities, military-applied skills

For citation: Prokopenko V. V., Efimov V. V. Peculiarities of organizing and conducting physical training during the movement of cadet units to the point of temporary deployment // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 130–13. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/023.pdf>.

© Прокопенко В.В., Ефимов В.В., 2022

Введение

В образовательной деятельности военного института войск национальной гвардии физическая подготовка курсантов занимает немаловажное место, которая в разных своих формах проведения в соответствии с установленными квалификационными требованиями решает учебно-воспитательные задачи по формированию, развитию и совершенствованию у курсантов специальных знаний, основных физических и специальных качеств, профессионально-прикладных навыков и умений, необходимых выпускникам военной образовательной организации высшего образования (ВООВО) для успешности в профессиональной деятельности в войсках по предназначению.

Наиболее действенной, практической формой физической подготовки курсантов в ходе пятилетнего обучения в ВООВО, приближенной по двигательным характеристикам к практической деятельности военнослужащих и сотрудников войск национальной гвардии, является такая форма, как «физическая тренировка в процессе служебно-боевой деятельности военнослужащих и служебной деятельности сотрудников», в содержание которой входят: попутная физическая тренировка; отработка боевых приемов в ходе проведения инструктивных занятий (инструктажей) перед выполнением служебно-боевых задач (учебно-боевых задач – для курсантов); физические упражнения в условиях дежурств (боевых дежурств); физические упражнения при передвижении транспортными средствами [1, с. 21; 2, с. 238].

В данной статье раскрыты особенности планирования, содержания и методики организации и проведения попутных физических тренировок с курсантами военного института войск национальной гвардии при передвижении учебных подразделений на военно-транспортной технике из пункта постоянной дислокации ВООВО в пункт временной дислокации (в учебный центр военного института), а также в процессе передвижения курсантских подразделений на учебные занятия по военно-профессиональным дисциплинам и при возвращении с занятий.

Показаны варианты проведения попутной физической тренировки с курсантами с одновременным решением в ходе тренировки различных, достижимых для курсантов тактико-специальных задач.

Основные положения

Попутная физическая тренировка с курсантами организуется и проводится при передвижении учебных подразделений к местам занятий по военно-профессиональным дисциплинам и при возвращении с занятий, в ходе практических занятий по другим предметам обучения, а также при передвижении курсантских подразделений из пункта постоянной дислокации военного института в пункты временной дислокации.

Как правило, передвижение курсантских подразделений из пункта постоянной дислокации военного института в пункты временной дислокации (в учебный центр и т. п.) занимает относи-

тельно длительное время: от полутора часов до трех часов и более, что как раз и позволяет более продуктивно использовать содержание попутной физической тренировки для формирования и совершенствования у курсантов физических и специальных качеств, профессионально-прикладных навыков и умений, поддержание физической работоспособности их организма.

Данная форма физической тренировки позволяет на практике совершенствовать функциональные и адаптационные возможности организма курсантов к повышенной мышечной деятельности в условиях воздействия негативных факторов внешней среды и других факторов, обусловленных особенностями образовательной и повседневной жизнедеятельности военного института войск национальной гвардии [1; 3].

В процессе попутной физической тренировки также решаются и специальные задачи физической подготовки курсантов, которые определяются в соответствии с учебной программой на текущем курсе обучения.

Специальными задачами попутной физической тренировки для курсантов 1–2 курсов обучения, являются:

- преимущественное развитие общей, силовой и скоростной выносливости, силы, быстроты, ловкости и пространственной ориентации, воспитание смелости и настойчивости;
- овладение навыками в индивидуальных и коллективных действиях при передвижении по пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах с преодолением естественных и искусственных препятствий;
- овладение навыками в метании гранат на точность и дальность;
- овладение навыками в прикладном плавании в облегченной экипировке;
- овладение навыками во владении боевыми приемами и действиями в средствах индивидуальной бронезащиты и активной обороны;
- равномерное развитие общих и специальных физических качеств, прикладных двигательных навыков;
- формирование специальных знаний и организаторско-методических умений и навыков по физической подготовке в объёме требований, предъявляемых к командиру отделения.

Специальными задачами попутной физической тренировки для курсантов 3–5 курсов обучения являются:

- преимущественное развитие общей и силовой выносливости, силы, быстроты, ловкости и пространственной ориентации, воспитание смелости и настойчивости при действиях в сложных ситуациях;
- овладение навыками в индивидуальных и коллективных действиях при передвижении по пересеченной местности в полной экипировке с оружием, в пешем порядке и на лыжах с преодолением естественных и искусственных препятствий;
- владение навыками в метании гранат на точность и на дальность в полной экипировке;
- овладение навыками в прикладном плава-

нии в облегченной и полной экипировке с использованием плавательных и подручных средств;

- в формирование готовности к ведению боевых схваток с численно превосходящим противником, в средствах индивидуальной бронезащиты и со средствами активной обороны, в условиях ограниченного пространства;

- воспитание сплоченности и совершенствование навыков в коллективных действиях на фоне больших физических и нервно-психических нагрузок;

- формирование необходимого уровня развития физических и морально-психологических качеств, прикладных двигательных навыков, требуемых для обеспечения профессиональной деятельности в объеме требований, предъявляемых к командиру взвода, роты [2, с. 10; 3].

Основными средствами для проведения попутной физической тренировки с курсантами являются:

- ускоренное передвижение и марши по пересеченной местности в пешем порядке и на лыжах в обмундировании с оружием (снаряжением), как составе учебного подразделения, так и индивидуально;

- марш-броски по пересеченной местности и в населенных пунктах в облегченной экипировке и в полной экипировке;

- преодоление естественных и искусственных препятствий полевого и городского типа, горных и высотных препятствий, завалов, в том числе в условиях ограниченного пространства и ограниченной видимости в облегченной экипировке и в полной экипировке;

- метание гранат на дальность и точность в полной экипировке с оружием;

- плавание в обмундировании с оружием, в том числе с использованием подручных средств, преодоление водных преград в обмундировании с оружием, действий на воде и под водой в обмундировании с оружием;

- выполнение боевых приемов на различной местности, в различных условиях, в том числе в условиях ограниченного пространства, с вооруженным и численно превосходящим противником в облегченной экипировке и в полной экипировке;

- выполнение боевых приемов в специальных средствах защиты и со средствами активной обороны, как индивидуально, так и в составе подразделения [2, с. 64].

Для максимальной эффективности каждой попутной физической тренировки и повышения профессиональной подготовленности курсантов, в ходе проведения попутной тренировки в ее содержание включается выполнение курсантами ранее изученных и доступных тактико-специальных приемов и действий, входящих в учебные программы по военно-профессиональным дисциплинам.

Важной составляющей организации и проведения попутной физической тренировки с курсантами на высоком учебно-методическом уровне, является ее тщательное планирование и подготовка.

Содержание организации попутной физической тренировки с курсантами, включает: определение маршрута попутной тренировки и его подготовка, разработка инструкции и схемы маршрута, разработка вариантов проведения попутной тренировки, определение наиболее оптимальных методов проведения попутной тренировки, определение величины физической нагрузки – объема и интенсивности с учетом подготовленности личного состава учебного взвода, подготовка и инструктаж соответствующих должностных лиц: начальников факультетов и их заместителей, профессорско-преподавательского состава кафедры физической подготовки и задействованной кафедры по военно-профессиональной дисциплине, командиров рот, взводов, сержантского состава, специалистов медицинской службы, и при необходимости – водителей военно-транспортной техники и бронетехники [2, с. 121; 3].

Порядок проведения попутной физической тренировки с курсантами и содержание вариантов, определяются заместителем начальника ВО-ОВО, а содержание для каждого варианта попутной физической тренировки и контрольные нормативы для ее проведения, разрабатывает начальник кафедры физической подготовки и спорта – начальник физической подготовки и спорта военного института.

В содержание попутных физических тренировок, проводимых с курсантами 1–5 курсов без экипировки и в полной экипировке, в разных периодах обучения включаются:

- марши, комбинированные марши и марш-броски;

- передвижение на лыжах (при наличии снежного покрова) с попутным преодолением искусственных и естественных препятствий, выполнением боевых приемов с лыжами и на лыжах;

- тренировка в посадке в военно-транспортную технику и бронетехнику и высадке из нее;

- тренировка боевых приемов в полной экипировке;

- специальные физические упражнения в сочетании с выполнением доступных для курсантов тактико-специальных действий, другие приемы и действия, входящие в учебные программы подготовки курсантов по специальности обучения [4, с. 218].

Средствами попутной физической тренировки курсантов также могут быть и отдельные специальные приемы, тактические действия, предусмотренные темой предстоящего занятия по военно-профессиональной дисциплине [1, с. 20].

При проведении попутной физической тренировки с курсантами в виде комбинированного марша в облегченной или в полной экипировке, необходимо учитывать и определенные особенности его проведения: в местах относительной близости от пункта временной дислокации (учебного центра), комбинированный марш осуществляется за автомобилем ВАИ на местности, параллельно автомобильной дороге на расстоянии от края дороги 3–10 метров, обеспечивающем соблюдение требований безопасности (рисунок 1).

Рисунок 1 – Комбинированный марш с курсантами при передвижении в пункт временной дислокации

Figure 1 – Combined march with cadets when moving to a temporary deployment point

В иных условиях проведение комбинированного марша по грунтовой, проселочной или автомобильной дороге с односторонним движением, осуществляется в виде периодического спешивания курсантов с военно-транспортной техники и последующего передвижения курсантов в середине движущейся с безопасной скоростью колонны военно-транспортной техники на дистанции 30–50 метров от впереди и сзади идущих автомашин с выставлением «оцепления» в движении впереди и сзади колонны из двух автомобилей ВАИ (рисунок 2) [3, с. 124].

В зимний период эффективным средством попутной физической тренировки курсантов при передвижении на военно-транспортной технике в пункт временной дислокации или при следовании курсантского подразделения из пункта временной дислокации на учебное занятие по военно-профессиональной дисциплине или при возвращении с занятия, будет проведение попутной физической тренировки (на заранее обозначенном и безопасном участке местности) в виде передвижения на лыжах по пересеченной местности, с попутным преодолением естественных препятствий, в тренировке подъемов и спусков на лыжах, боевых приемов на лыжах в сочетании с выполнением доступных тактико-специальных действий по вводным

командам руководителя занятия и при обязательном соблюдении необходимых мер безопасности и предупреждения травматизма (рисунок 3).

При передвижении курсантского подразделения на военно-транспортной технике в пункт временной дислокации, а также при нахождении курсантского подразделения в пункте временной дислокации (в учебном центре) в ходе его передвижения на занятие на войсковое стрельбище или на тактическое поле с использованием военно-транспортной техники и (или) бронетехники, по вводным руководителя занятия проводится попутная физическая тренировка в посадке в военно-транспортную технику (в бронетехнику) и высадке из машин (бронетехники).

Для разностороннего и устойчивого формирования навыков в быстром и правильном выполнении действий при посадке в военно-транспортную технику (бронетехнику) и высадке из машин (бронетехники), данное упражнение по ходу передвижения курсанты выполняют многократно и с очередной сменой вида транспортного средства [3, с. 158].

При выполнении упражнения курсантами, руководитель занятия и его помощники осуществляют визуальный контроль за правильностью технико-тактических действий курсантов, при необходимости исправляют ошибки (рисунок 4).

Рисунок 2 – Вариант организации попутной физической тренировки с курсантами при передвижении в пункт временной дислокации

Figure 2 – The option of organizing an accompanying physical training with cadets when moving to a temporary location

Рисунок 3 – Организация попутной физической тренировки с курсантами в передвижении на лыжах с преодолением естественных препятствий, подъемов и спусков в полной экипировке

Figure 3 – Organization of accompanying physical training with cadets in skiing with overcoming natural obstacles, ascents and descents in full equipment

Рисунок 4 – Организация тренировки курсантов в посадке в машины и высадки из машин

Figure 4 – Organization of training for cadets in getting into cars and disembarking from cars

В ходе проведения попутных физических тренировок в обязательном порядке необходимо комплексно отрабатывать вопросы тренировки физических и специальных упражнений с тематическими вопросами предстоящего учебного занятия по военно-профессиональной дисциплине в виде выполнения доступных (ранее изученных) тактико-специальных действий и приемов.

Например, курсанты выполняют высадку из машин, перебежки или переползания на указанный рубеж обороны, тренировку в изготовке для стрельбы с колена или лежа, переход из обороны в наступление, перестроение учебного подразделения в походный строй в движении, а также другие упражнения, приемы и действия, входящие в содержание учебных программ по военно-профессиональным дисциплинам и по физической подготовке для курсантов данного курса обучения (рисунок 5).

Данные практические действия курсантов, выполняемые в сочетании с вводными командами руководителя занятия, также будут для курсантов высокой эмоциональной составляющей, характеризующей их приближенность к реальным боевым условиям, что несомненно будет способствовать более эффективному формированию и совершенствованию у курсантов специ-

альных профессиональных качеств и военно-прикладных навыков и умений [3, с. 169].

Необходимо отметить, что порядок организации и проведения каждого варианта попутной физической тренировки с курсантами в разные периоды обучения, определяются заместителем начальника военного института по учебной работе, а содержание упражнений, приемов и действий, методика проведения, перед каждой предстоящей попутной физической тренировкой с курсантами, рассматриваются и уточняются на межкафедральном совещании с профессорско-преподавательским составом кафедр военно-профессиональных дисциплин и кафедры физической подготовки и спорта.

Вариантов попутной физической тренировки с комплексированием специальных физических прикладных упражнений, тактико-специальных приемов и действий, должно быть разработано для каждого курса обучения в полном объеме учебных программ указанных выше дисциплин.

Здесь важно учитывать следующее: содержание всех специальных физических упражнений и тактико-специальных приемов и действий, планируемых для использования в ходе проведения попутной физической тренировки, должны быть предварительно изучены курсантами и выполняться

ся с объемом и интенсивностью (которые регулируются руководителем занятия) с учетом индивидуальной подготовленности курсантов, при обяза-

тельной возможности обеспечения необходимых мер безопасности и предупреждения травматизма в процессе тренировки [3, с. 184].

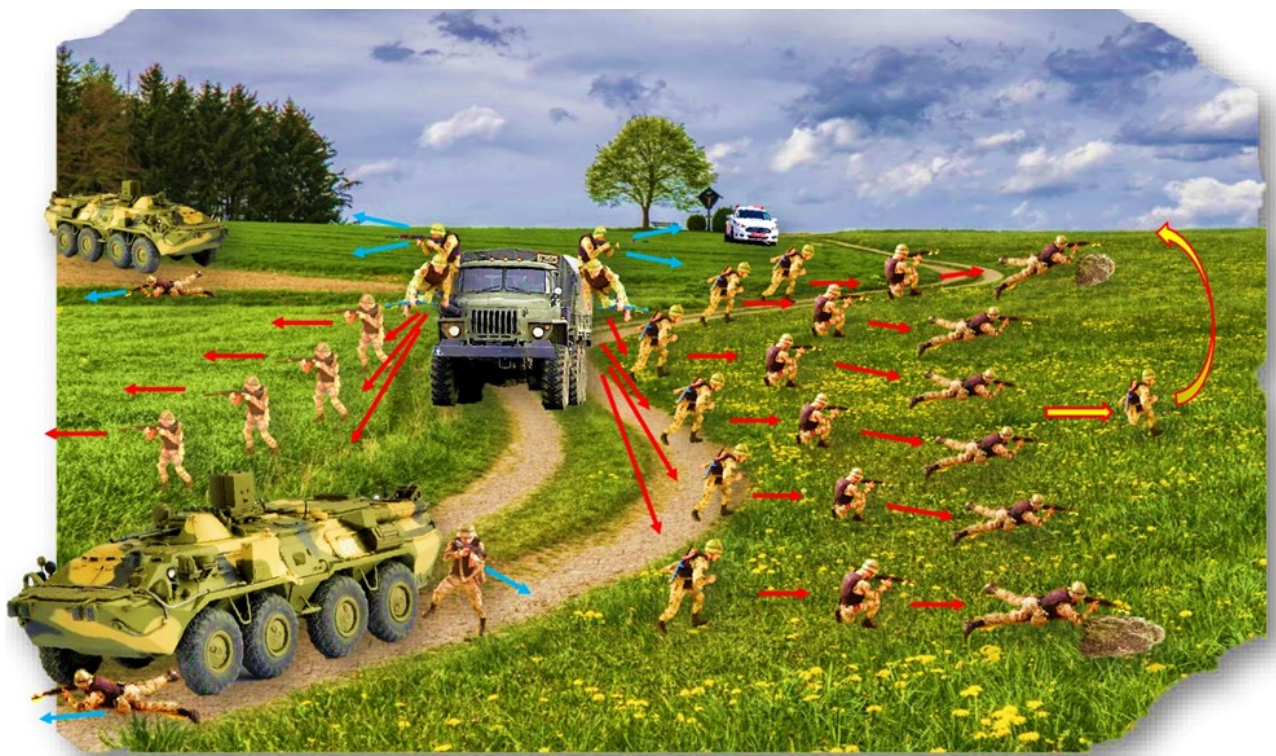

Рисунок 5 – Организация попутной физической тренировки в сочетании с выполнением доступных для курсантов тактико-специальных действий

Figure 5 – Organization of accompanying physical training in combination with the performance of tactical and special actions available for cadets

Заключение

Грамотное планирование содержания вариантов, методически правильная организация и проведение каждой попутной физической тренировки с курсантами при передвижении подразделений на военно-транспортной технике из пункта постоянной дислокации военного института в пункт временной дислокации, в виде комплексной отработки в процессе передвижения

учебных вопросов по физической подготовке с учебными вопросами по тематике одной из военно-профессиональных дисциплин, будет способствовать более эффективному формированию у курсантов физических и специальных качеств, военно-прикладных навыков и умений, схожих по двигательным характеристикам с профессиональными действиями по предназначению в войсках национальной гвардии.

Список источников

1. Наставление по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М., 2018. 70 с.
2. Руководство по физической подготовке в войсках национальной гвардии Российской Федерации. М., 2018. 311 с.
3. Прокопенко В. В., Ефимов В. В., Цирульников Н. Н. Специальная профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов ВООВО войск национальной гвардии: монография. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 227 с.
4. Прокопенко В. В., Ефимов В. В., Цирульников Н. Н. Ускоренное передвижение и легкая атлетика: учебное пособие. СПб. : Изд-во СПВИ войск национальной гвардии, 2021. 284 с.

References

1. Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (eds.). *Manual on physical training in the National Guard Troops of the Russian Federation*. Moscow; 2018. (In Russ.).
2. Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation (eds.). *Manual on physical training in the National Guard Troops of the Russian Federation*. Moscow; 2018. (In Russ.).

3. Prokopenko V. V., Efimov V. V., Tsiulnikov N. N. (eds.). *Special professional-applied physical training of cadets of the military educational organization of higher education of the National Guard Troops: monograph*. Saint-Petersburg: SPVI Publishing House of the National Guard Troops. 2021. (In Russ.).

4. Prokopenko V. V., Efimov V. V., Tsiulnikov N. N. (eds.). *Acceleration and Athletics: a study guide*. Saint-Petersburg: SPVI Publishing House of the National Guard Troops. 2021. (In Russ.).

Информация об авторах

В. В. Прокопенко – кандидат педагогических наук, доцент

В. В. Ефимов – кандидат педагогических наук, доцент

Статья поступила в редакцию 04.02.2022;
одобрена после рецензирования 21.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

V. V. Prokopenko – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

V. V. Efimov – Candidate of Sciences (Pedagogy), Docent

The article was submitted 04.02.2022;
approved after reviewing 21.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ИНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ, ОКАЗАВШИХСЯ В ЗАЛОЖНИКАХ

Андрей Сергеевич Косарев¹, Арина Романовна Пучкова²

¹⁻² Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ andrei.kos1977@yandex.ru

² arina.puchkova@icloud.com

Аннотация. Захват заложников является одним из самых опасных преступлений против общественной безопасности и общественного порядка. В статье раскрываются формы захвата в заложники, типичные ситуации поведения захваченных лиц, а также их психологические особенности.

Ключевые слова: захват заложников, терроризм, жертва, стресс, психологические особенности

Для цитирования: Косарев А. С., Пучкова А. Р. Психологические особенности лиц, оказавшихся в заложниках // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 138–141. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/024.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE HOSTAGES' PERSONALITY

Andrey S. Kosarev¹, Arina R. Puchkova²

¹⁻² Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ andrei.kos1977@yandex.ru

² arina.puchkova@icloud.com

Abstract. Hostage taking is one of the most dangerous crimes against public safety and public order. This article reveals the forms of hostage-taking, typical situations of behavior of captured persons, as well as their psychological characteristics.

Keywords: hostage taking, terrorism, victim, stress, psychological characteristics

For citation: Kosarev A. S., Puchkova A. R. Psychological characteristics of the hostages' personality // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 138–141. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/024.pdf>

© Косарев А.С., Пучкова А.Р., 2022

Введение

Согласно Международной конвенции о борьбе с захватом заложников, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в Нью-Йорке 17 декабря 1979 г., захват заложников определяется как захват или удержание лица, угроза убить его, нанести повреждение или продолжать удерживать с целью заставить третью сторону (международную организацию, государство, какое-либо юридическое или физическое лицо) выполнить определенные действия или воздержаться от них в качестве прямого или косвенного условия освобождения захваченных лиц [1]. Чаще всего захват заложников происходит при совершении террористических актов. Цели захватов

Основные положения

весьма разнообразны.

Чаще всего преступники руководствуются корыстными мотивами: требуют выплатить им определенную денежную сумму, предоставление право уехать из страны, а также террористы могут требовать освобождения своих сподвижников. Так, 14 мая 1974 года в городе Маалоте, который находится на севере Израиля, трое палестинских боевиков из «Демократического фронта освобождения Палестины» захватили школу «Нетив Меир». Как раз в это время в школе остановилась группа школьников, приехавших на экскурсию с сопровождающими. В заложниках оказались 85 детей, две учительницы и два представителя

медицинского персонала. Власти Израиля отказались выполнить требования террористов об освобождении 26 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах.

На следующий день спецназ провел операцию по освобождению заложников. Во время операции террористы забросали заложников гранатами. Погибли 22 школьника и трое взрослых, 40 детей получили ранения разной степени тяжести. Террористы были уничтожены. Данный теракт вошел в историю как «Резня в Маалоте» [2]. В этой ситуации мы можем наблюдать, что отказ израильских властей об освобождении 26 палестинцев привёл к гибели большого количества людей. Можно привести противоположный пример, который показывает, что органы государственной власти, стремясь сохранить жизнь ни в чем не повинных граждан, идут на все уступки преступникам. 29 мая 2014 года в Сирии боевики группировки «Исламское государство»¹ захватили 153 курдских мальчика, которым было по 13–16 лет. Они возвращались после сдачи экзаменов из Алеппо в Кобани. С июня по сентябрь 2014 года большинство школьников были освобождены, часть из них – в обмен на арестованных экстремистов. 29 октября 2014 года были отпущены последние 25 заложников [2].

Формы захвата заложников весьма разнообразны, рассмотрим несколько из них. Адресный захват, то есть захват конкретного лица. Он происходит в том случае, если преступник знает, кого конкретно он будет захватывать, и какие требования будет выдвигать. Такие захваты планируются заранее, преступник разрабатывает план захвата, выбирает сообщников, распределяет роли между ними, изучает образ жизни и поведение будущего заложника.

Другая форма захвата – безадресный захват, осуществляемый преступником спонтанно, когда он не знает своей жертвы. Такой захват может происходить в самолетах, поездах, другом транспорте. Как правило, при этой форме захвата жертвами становятся сразу несколько десятков человек. 26 мая 1994 года в районе населенного пункта Кинжал Ставропольского края четверо вооруженных бандитов захватили автобус со школьниками, их родителями и учителями – всего около 30 человек. Террористы потребовали 10 миллионов долларов, вертолет, наркотики и оружие. После переговоров с властями они отпустили всех детей и несколько взрослых. 27 мая вертолет с террористами поднялся в воздух и взял курс на Дагестан, но из-за нехватки горючего совершил вынужденную посадку в Чечне, где бандиты были обезврежены. 4 августа того же года главарь банды – Магомед Бициев, был приговорен к высшей мере наказания, затем оно было заменено на пожизненное заключение. Темур Али Мажаев, Ахмед Махмаев и Алауди Вахидов получили по 15 лет лишения свободы [2].

¹ ИГИЛ признано террористической организацией в России (с 29 декабря 2014 г.). Её деятельность на территории страны запрещена.

Анализ практики показывает, что существуют три категории жертв при захвате в заложники: непосредственная, косвенная и сопричастная. К непосредственной жертве относится то лицо, которое захватили в заложники и лишили свободы. Косвенная жертва – это жертва, к которой преступники предъявляют свои требования (международные организации, органы власти, предприятия, учреждения и др.). К сопричастным жертвам относятся лица, чьи интересы при захвате заложников могут быть затронуты и нарушены. Сопричастными жертвами являются родственники, друзья, знакомые заложника.

Оказавшись в заложниках, люди ведут себя следующим образом:

1. Выделяется группа отчаянных (как правило, их количество составляет не более 0,5 % от общего числа заложников). Женщины в критических ситуациях склонны к истерикам, рыданиям и воплю, тогда как противоположный пол наоборот становится агрессивным. Мужчины отвечают злобой на всякое давление со стороны преступников. Чаще всего такое поведение заканчивается смертью заложников.

2. 5–10 % людей от общего числа заложников стараются сохранить самообладание в сложившейся ситуации. Они морально поддерживают других и помогают им пережить заточение.

3. Среди заложников основную часть составляют мечущиеся лица. Их доля составляет от 50 до 60 %. Они психологически подавлены, их страдания, чувство страха, беспомощность заглушают все другие эмоции. Чем большее психологическое давление оказывается на заложников, тем больше возрастает процент данной категории жертв.

4. Остальную часть заложников составляют лица, которые обладают расчетливым умом и стараются приблизиться к террористам. Их доля от общего числа заложников составляет от 25 до 30 %. Чем дольше продолжается их нахождение рядом с террористами, тем сильнее они ощущают «родственную» близость с захватившими их, разделяя с ними их переживания.

Психологическая реакция, при которой жертва начинает испытывать симпатию к преступнику, называется «стокгольмским синдромом». В данной ситуации жертвы «переходят» на сторону преступников, что проявляется в их действиях и мыслях. Сначала это делается для спасения своей жизни, во избежание пыток, далее жертва начинает искренне симпатизировать преступнику, выполняя все его приказы и распоряжения.

«Стокгольмский синдром» усиливается, если группу заложников разделили на микрогруппы, которые не позволяют людям контактировать друг с другом. Для того, что данный синдром полностью сформировался необходимо наличие нескольких обстоятельств:

1. Психологический шок и фактор внезапности. Человек, только что обладавший свободой, вдруг оказывается в зависимости от террористов, которые в любую минуту могут лишить его само-

го ценного – жизни.

2. Продолжительное удержание заложников, когда они подвергаются сильнейшему психологическому давлению со стороны захватчиков. Фактор времени на стороне террористов, и с течением времени растет вероятность все большего подчинения чужой воле.

3. Проявления психологической защиты. Любой стресс погружает человека в депрессию, у него появляется чувство паники и уязвимости и чем сильнее стресс, тем сильнее переживание, испытываемое заложником.

Данное явление было исследовано многими психологами. Все они сходятся на едином мнении, что «стокгольмский синдром» – это форма психологической защиты организма человека при воздействии на него стрессовой ситуации. Заложник становится похожим на беспомощного маленького ребенка, который ждет защиты, находит её в преступнике и начинает всеми способами приспосабливаться к обидчику. Жертве этот синдром во многих случаях помогает выжить во время страшных событий, сохранить психическое здоровье. Причем возникновение этого синдрома сам человек в подавляющем большинстве случаев предсказать не может, все происходит помимо воли человека, на подсознательном уровне.

Механизм возникновения данного синдрома весьма интересен и включает в себя несколько этапов. Первым этапом возникновения так называемой привязанности к преступнику выступает стресс лица, попавшего в заложники. Необычное событие, которое в несколько десятков раз превышает уровень тех переживаний, которые человек испытывает в повседневной жизни. Вторым этапом является депривация – время пребывания в изоляции с агрессором, ситуация, при которой единственным источником контакта с внешним миром для заложника выступает преступник.

Следующим этапом идет импринтинг. Это своеобразное впадение человека в детство или подростковый возраст. Данное явление происходит вследствие того, что человеческий организм

оказывается не способным перенести такой большой стресс. Далее жертва понимает, что её жизнь находится в руках агрессора и начинает считать его проблемы своими. Крайний этап стокгольмского синдрома может продолжаться не одно десятилетие. На нём жертва продолжает помнить своего мучителя даже спустя годы. Обычно здесь имеет место быть незавершенный гештальт, так как лучше всего человек в своей жизни запоминает те вещи, которые когда-то не доделал или не закончил, например, не дочитал книгу или не досмотрел фильм [3].

Заключение

Таким образом, мы выяснили, что стили поведения при захвате лица в заложники весьма разнообразны. Психика лиц, оказавшихся в такой ситуации, не всегда выдерживает тот объем стресса, который испытывает человек в данный момент. Большинство людей при захвате в заложники испытывают чувство подавленности, лишь малая часть пытается мыслить рационально. Некоторые поддаются стрессовой ситуации, начинают испытывать определенную симпатию к преступникам и считают их проблемы своими.

На наш взгляд, предупреждение такого рода преступлений должен осуществляться не только на общесоциальном, но и на групповом и индивидуальном уровнях. Комплекс профилактических и предупредительных мер, направленных на повышение готовности граждан к их возможному захвату следующий: определение категорий лиц, которые могут представлять интерес для террористов, разработка памяток и правил о поведении граждан случае захвата в заложники, организация обучения специалистов в возможных районах совершения террористических актов с последующим захватом заложников, также необходимо обеспечить пропаганду антитеррористических настроений, которые будут провозглашать жизнь и свободу человека высшей ценностью, которой нельзя распоряжаться по своему усмотрению.

Список источников

1. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников (Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г.). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://base.garant.ru/2541135/> (дата обращения: 17.12.2021).
2. Крупнейшие террористические акты с захватом заложников в мире // ТАСС [Сайт]. URL: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/680580> (дата обращения: 17.12.2021).
3. Стокгольмский синдром. Что это, как он возникает, и кто становится его жертвами // b17 [Сайт]. URL: <https://www.b17.ru/article/stockholmsyndrome/> (дата обращения: 17.12.2021).

References

1. International Convention Against the Taking of Hostages [New York, December 17, 1979]. Legal reference system "ConsultantPlus". Available from: <https://base.garant.ru/2541135/> [Accessed 17th December 2021].
2. The largest hostage taking attacks in the world. TASS. Available from: <https://tass.ru/spravochnaya-informaciya/680580> [Accessed 17th December 2021].
3. Stockholm Syndrome. What is it, how does it arise, and who becomes its victims? b17. Available from: <https://www.b17.ru/article/stockholmsyndrome/> [Accessed 17th December 2021].

Информация об авторах

А. С. Косарев – кандидат педагогических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях

А. Р. Пучкова – заместитель командира взвода факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений

Статья поступила в редакцию 02.02.2022;
одобрена после рецензирования 09.03.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

A. S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Activities of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions

A. R. Puchkova – Deputy Platoon Commander of the Faculty of Training Specialists in the Investigation of Economic Crimes

The article was submitted 02.02.2022;
approved after reviewing 09.03.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ИННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 343.9.02

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ПОВЕДЕНИЯ ТОЛПЫ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВООПОРЯДКА НА МАССОВЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Максим Владимирович Молдавский¹, Олег Викторович Тепляков²

¹⁻² Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Муринское городское поселение, Россия

¹ moldavskymv@yandex.ru

² otvspb@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену толпы, её психологическому влиянию на человека. Констатируется общественная опасность и действия не поддающейся контролю толпы людей и создание напряженной обстановки в определенном районе. Авторами сделана попытка дать ответы на вопросы на ряд дискуссионных вопросов, связанных с практикой психологически-предупредительных мер органов внутренних дел, направленных на борьбу с массовыми беспорядками на публичных мероприятиях.

Ключевые слова: массовые беспорядки, толпа, общественный порядок, общественная безопасность, квалификация преступлений, погромы, психологические аспекты

Для цитирования: Молдавский М. В., Тепляков О. В. Психологические аспекты использования психологических аспектов поведения толпы при обеспечении правопорядка на массовых общественно-политических мероприятиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 142–145. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/025.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

THE USE OF PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CROWD BEHAVIOR IN LAW ENFORCEMENT AT MASS SOCIO-POLITICAL EVENTS

Maksim V. Moldavskij¹, Oleg V. Teplyakov²

¹⁻² Leningrad Regional Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Murinsky urban settlement, Russia

¹ moldavskymv@yandex.ru

² otvspb@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the crowd, its psychological influence on a person. It states the public danger and the actions of an uncontrollable crowd of people and the creation of a tense situation in a certain area. The authors have made an attempt to answer questions on a number of controversial issues related to the practice of psychological preventive measures of internal affairs bodies aimed at combating mass riots at public events.

Keywords: mass riots, crowd, public order, public safety, qualification of crimes, pogroms, psychological aspects

For citation: Moldavskij M. V., Teplyakov O. V. The use of psychological aspects of crowd behavior in law enforcement at mass socio-political events // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 142–145. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/025.pdf>.

© Молдавский М.В., Тепляков О.В., 2022

Введение

Деятельность сотрудников полиции и военнослужащих Росгвардии неразрывно связана с решением задач по обеспечению правопорядка, в том числе и при проведении массовых мероприятий [1].

В последнее время существенно возрастает количество несанкционированных массовых мероприятий, во время проведения которых наибольшее распространение приобретают правонарушения и преступления, предусмотренные статьей 19.3 Кодекса Российской Федера-

ции об административных правонарушениях¹ (КоАП РФ), статьями 318 и 319 Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ), совершаемые лицами, ранее не допускавшими противоправные проявления, фактически не способных в дальнейшем объяснить свои действия, охарактеризовать мотив своих проявлений или ищущих себе оправдания в рефлексорных действиях. Со стороны, может показаться, что действия зрелых и развитых лиц относятся к категории ребячества или злой выходки ребенка.

Фактически речь идет о том, что какой-то момент рождается коллективное ЭГО, при котором есть тысячи людей, обладающие индивидуальностью и самостоятельным ЭГО. При этом тысячи людей начинают приобретать коллективное самлюбие, отличное от собственных убеждений, установок и личностных моральных ограничителей.

Основные положения

Для того, чтобы разобраться в данной проблеме, целесообразно разбить ее на этапы формирования толпы из еще недавно и дифференцированных друг другу лиц, подчиненных едиными идеями и сообща осуществляющим целенаправленные действия, выражающиеся от выкриков общих лозунгов до бегства в одном направлении.

Общая вера, общая страсть, общая цель – такова жизненная основа этого странного живого существа, которое мы называем толпа [2, с. 361]. При этом указанные цели постепенно достигаются толпой по мере ее подготовки и проработки инициаторами массовых мероприятий.

Принципиальная задача указанной «триосновы толпы» – создать такое психическое состояние у массы (критического объема индивидуумов входящих в нее – не менее 30 %), когда она обретает свойство повиноваться любому импульсу исходящему от его лидера. Последнее фактически невозможно без приемов массового гипнотического состояния у большей части индивидуумов, составляющих основу толпы.

Для выбора полицейской тактики воздействия на толпу, повышения эффективности влияния с целью минимизации негативного воздействия на толпу («частные эгоизмы») путем предотвращения его усиления и напряжения, путем помножения родственных чувств сотен и тысяч ЭГО, необходимо признать толпу социальным организмом, возможно, и низшего порядка, и уже от этой данности отталкиваться в выборе инструментария работы с нею.

Понимая, что толпа – это единый организм, мы экстраполируем свойства индивида и вычленим негативные факторы возможного воздействия с задачей их нейтрализации.

Зарождение и поддержание общей веры «в идею» характеризуется мнимой гармонией отношений между участниками массового мероприятия, кажущееся единодушие является порождением

их стремления к общим жестам, лозунгам, а иногда и песням. Можно сказать, что данная цель образует первый этап формирования толпы. Следует отметить: в настоящее время реализация данного этапа практически полностью протекает в интерактивной форме в среде Интернет. Публикуемые на видеохостингах ролики последовательно раскрывают все основополагающие моменты будущей идеи, доводят до аудитории взгляды и установки. Буквально через несколько просмотров формируется либо признание идеи, либо ее отрицание. При этом отрицание идеи ведет к банальной отписке от источника информации. В то время как ее признание ведет к активизации полемики в чатах и комментариях, переходя к этапу зарождения общей *страсти к явлению или проблеме*.

Уже в Интернете, после поддержки комментария лайками, зарождается потребность к временному могуществу и эфемерного величия. Этого же чувства индивидуальность ожидает ощутить на массовом мероприятии. Будучи уверенной, что если она сумеет достичь ощущение «временного опьянения» в интерактиве, то при активном взаимодействии с лидером (вождем) это состояние многократно увеличится.

Фактически индивидуальность начинает испытывать потребность показать себя как он самостоятельно познал материал и научился подражать лидеру. Желает получить одобрение окружающих и высокую оценку умения быть одержимым идеей и «блестеть» на фоне других, не одобряющих общий взгляд на проблему. При этом индивида будет устраивать даже молчаливое одобрение, а за награду будет приниматься возможность громко выкрикнуть лозунг. За этой *целью*, как ему представляется, он пришел на массовые мероприятия.

В то же время третий этап формирования толпы, подразумевающей формирование *общей цели*, по-разному воспринимается участниками толпы и ее лидерами участниками. Если у первых доминирующей целью выступает самлюбие в мнимой или реальной идее, то у лидеров целью является установление состояния контроля и руководства действиями толпы, которое также может быть иллюзорным.

В любом случае отнесение подготовительных этапов в интерактивное состояние посредством Интернета обеспечивает сжатие процесса перехода от сбора массового скопления людей к состоянию подчиненности личного обаяния лидера (вождя).

При этом в основах процесса подчинения толпы лозунгам личности, а попросту ее внешнему управлению лежат все те же возможности массового гипнотического воздействия. Тем проще лидеру занять позицию, чем больше авторитета он занял в умах своих почитателей.

Фактически следует учитывать параллельно с этапами формирования толпы в интерактивном режиме, осуществляется психологическая обработка индивидуумов для последней стадии мас-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

сового гипноза.

Не случайно многие агитационные ролики, размещенные в Интернете, имеют озвучивание измененными монотонными механическими голосами и начинаются со слоганов, больше подходящих на лозунги, произносимые на площади.

Факультативными целями указанных видеоматериалов, скрывающихся за ознакомлением как можно большего числа индивидуумов с существующей проблемой, является переживание лицом первых двух стадий гипнотического состояния характеризующихся снижением тонуса мозга, привязки слоганов на уровне смысловой галлюцинации, а по возможности формирования искажения реалистичности восприятия на уровне слуховых, а в единичных случаях и визуальных иллюзий [3].

Таким образом, создаются предпосылки к третьей стадии включения лидером массового гипнотического состояния толпы:

1) подготовительные стадии пройдены факультативно;

2) достигнуто определенное состояние внушаемости (подтверждением этому служит сбор по призыву лидера);

3) наличие «авторитета лидера», позволяющему последнему применить инструменты шокового ввода в транс.

Признаками начала третьей стадии практики гипнотизирования толпы являются наличие визуального раздражителя в виде мелькающих флагов, сменяемых плакатов, повторяемых громких лозунгов. На начало коллективного раппорта³ [4] может указывать уплотнение толпы к центру (ближе к лидеру – вождю).

При установлении состояния раппорта минимум с 20–25 % представителей толпы данная масса людей становится управляемой, так как через дальнейшие межличностные связи заражаются подражанием находящиеся рядом граждане. После данного заражения толпа не только готова выполнить установки лидера, но и действовать в условиях кажущейся самостоятельности, в том числе выплескивая перегрузку собственного ЭГО в отношении лиц, не входящих в круг комфорта толпы. Как правило, на месте указанных раздражителей оказываются сотрудники правоохранительных органов.

После установления лидером контроля над толпой, дальнейшей его целью является создание, пусть и временного, своеобразного корпоративного духа. Цементирующим стержнем указанного процесса выступает чувство солидарности с действующей, зачастую фиктивной установкой – несправедливость, допущенная к одному из нас, есть несправедливость, допущенная ко всем. Вот поэтому, ближайшее окружение лидера (вождя) выискивает ситуацию, вернее триггер

³ Раппорт – термин в психологии, подразумевающий установление специфического контакта, включающего определенную меру доверия или взаимопонимания с человеком или группой людей, а также состояние такого контакта.

[5] – для запуска процесса солидарности. При этом фактически нахождение в толпе и было источником стрессового состояния, а просмотренные до этого видеоматериалы могли нанести определенное травмирование психики человека.

Наиболее знакомой иллюстрацией, знакомой нам с детства, крик «наших бьют» – дает понимание применения подобного «триггера солидарности» для временного и скоротечного объединения.

С учетом психологических особенностей формирования и функционирования толпы (массы людей) можно сформировать организационно-тактические начала в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии.

В зависимости от стадии формирования толпы (массы людей) можно последовательно определить соответствующие задачи противодействия противоправным проявлениям на первоначальном:

Выявление на основе анализа материалов видеохостингов в сети Интернет асоциальных установок:

1) выявление речевых оборотов, построенных со встроенными повторяющимися слоганами;

2) установление потенциальных лидеров (будущих вождей), использующих или опирающихся на данные слоганы;

3) отслеживание в заявках на проведение массовых мероприятий поданных на согласование лозунгов построенных на основе слогана или ранее использовавшихся видеоматериалов;

4) анализ числа и качества видеоматериалов в системе Интернет по тематике массовых мероприятий;

5) контроль деятельности возможных лидеров (вождей) массовых мероприятий (с возможным

Вывод

наблюдением), в целях выявления и фиксации ближайших контактов, участия в тренингах.

Указанные материалы позволяют сделать вывод о применении в отношении будущих участников массовых мероприятий технологий психологического внушения и создания предпосылок до будущего массового гипнотического состояния.

В случае если массовое мероприятие (разрешенное или несанкционированное) уже состоялось, следует отслеживать психологическое состояние участников, для чего в состав задействованных сил и средств включать практических психологов целью которых будет являться своевременное обнаружение признаков психологического воздействия на толпу. При выявлении указанных признаков единственным действенным мероприятием будет являться захват и изоляция лидера и его ближайших контактов, при этом не допустить возможности использовать ими свое задержание в качестве триггера, что обеспечивается либо игровой непринужденной формой проведения задержания, либо быстрыми и жесткими действиями, не дающими времени на обращение к толпе.

Список источников

1. О полиции : федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февр. 2011 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 14.12.2021).
2. Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступность толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2009. Т. VIII. 389 с.
3. Ермошин А. А. Вещи в теле. М. : Класс, 1998. 320 с.
4. Российская социологическая энциклопедия / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. ; под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1998. 664 с.
5. Голдсмит М., Рейтер М. Триггеры. Формируй привычки – закаляй характер / пер. с англ. А. Логвинская. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 256. с.

References

1. Reference and legal system "ConsultantPlus". About the police. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ [Accessed 14th December 2021].
2. Tard G., Ovchinskogo V.S. (eds.). *Criminal and crime. Comparative crime. Mob crime*. Moscow: INFRA-M; 2009. (In Russ.).
3. Ermoshin A. A. *Things in the body*. Moscow: Klass; 1998. (In Russ.).
4. Osipov G. V. (eds.). *Russian sociological encyclopedia*. Moscow: NORMA-INFRA-M; 1998. (In Russ.).
5. Goldsmith M., Reiter M. *Triggers. Creating Behavior That Lasts – Becoming the Person You Want to Be*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2016.

Информация об авторах

М. В. Молдавский – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин
О. В. Тепляков – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры специальных дисциплин

Статья поступила в редакцию 18.01.2022;
одобрена после рецензирования 07.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

M. V. Moldavskij – Candidate of Sciences (Law), Lecturer of the Department of Special Disciplines
O. V. Teplyakov – Candidate of Sciences (Political), Docent, Associate Professor of the Department of Special Disciplines

The article was submitted 18.01.2022;
approved after reviewing 07.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Дмитрий Владимирович Никитин¹, Диана Дмитриевна Одиноцова², Александр Алексеевич Яковлев³

¹⁻² Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

³ Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия

¹ nik.dv.2018@bk.ru

² d2002@yandex.ru

³ altvr0270v@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается тема личности преступника совершающего преступления в сфере преступлений против собственности.

Ключевые слова: преступления, преступник, личность, собственность

Для цитирования: Никитин Д. В., Одиноцова Д. Д., Яковлев А. А. Психологический портрет личности преступника, совершающего преступления против собственности // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 146–148. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/026.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO COMMITS CRIMES AGAINST PROPERTY

Dmitryi V. Nikitin¹, Diana D. Odintsova², Alexander A. Yakovlev³

¹⁻² Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

³ Tver Branch of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tver, Russia

¹ nik.dv.2018@bk.ru

² d2002@yandex.ru

³ altvr0270v@yandex.ru

Abstract. The article reveals the topic of the identity of the criminal who commits crimes in the field of crimes against property.

Keywords: crimes, criminal, personality, property

For citation: Nikitin B. V., Odintsova D. D., Yakovlev A. A. The Psychological portrait of the personality of a criminal who commits crimes against property // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 146–148. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/026.pdf>.

© Никитин Д.В., Одиноцова Д.Д., Яковлев А.А., 2022

Введение

Человек, являясь биосоциальным существом, воплощает в себе совокупность трёх сфер: духовная, физическая, природная. Личность же представляет собой определенный набор социально значимых качеств, приобретаемых в процессе социализации человека.

Лишь благодаря полноценному развитию всех сфер в человеке позволяет нам говорить о полноценной сформировавшейся личности, однако можно встретить случаи отклоняющиеся, а именно личность с девиантным поведением, которая может причинить вред общественным отношениям.

Основные положения

Девиантная личность отличается не полным развитием психологической и социальной сфер, наличием каких-либо травмирующих психику факторов, которые могут находить в дальнейшем своё отражение в мыслях и действиях человека. Зачастую личность с девиантным поведением становится на преступный путь и возникает такое понятие как личность преступника, представляющая собой совокупность качеств и свойств человека, которые совместно с криминообразующей обстановкой благоприятствует совершению преступления.

Однако не справедливо было бы сказать, что все

преступники не зависимо от классификации деяния соответствуют одному психологическому портрету личности преступника, поэтому возникает вопрос: по каким основаниям возможно разделение преступников для составления более правильного портрета личности преступника?

Одной из возможных классификаций может быть классификация по видовому объекту преступных посягательств [1], так как этих людей определяет несколько общих признаков, таких как объект и цель, мотив [2]. Для классификации был выбран именно видовой объект состава преступления, потому как он охватывает более общие отношения нежели непосредственный объект и более узко открывает цель и мотив нежели родовой объект.

За последние десятилетия в Российской Федерации, согласно статистическим данным, более 60 % всех преступлений составляют преступления против собственности [3], в силу того, что экономическая ситуация в стране ещё является достаточно напряженной и постепенно нормализуется. Поэтому, я считаю необходимым рассмотреть психологический портрет личности преступника именно в сфере преступлений против собственности, закреплённых в Уголовном кодексе Российской Федерации¹ [4] (УК РФ).

Преступления против собственности в целом носят вид хищения, которое обладает такими основными признаками как корыстная цель, имущественный ущерб собственнику или другому владельцу имущества, обращение имущества, а также имущественных прав в свою сторону или в пользу третьих лиц. Однако, касаясь психологических особенностей лиц, совершающих преступления против собственности, можно отметить, что они обладают следующими признаками [5]:

- устойчивость корыстной направленности, а именно каждый субъект данного вида преступлений совершает его соответственно с целью присвоения предмета: движимого имущества и прав собственности на недвижимое имущество;

- готовность применения физической силы или огнестрельного оружия для достижения поставленной цели, что находит свое отражение в статье 162 УК РФ («Разбой»);

- особая роль мотива: особенные обстоятельства возникновения мотива и способ его реализации в реальности;

- правовой оппортунизм, безразличное отношение к нормам закона и защищаемым этим законом права и свободы человека и гражданина.

Можно сделать вывод о том, что каждый человек, совершающий преступление против собственности с психологической стороны не является уникальным, в основе его деяния лежат однотипные корыстные мотивы и направленность на присвоение чужого имущества.

По статистическим данным разбойные нападения и иных преступления, направленные против

собственности, в основном совершаются именно лицами мужского пола [6], данный факт можно объяснить тем, что мужчина издревле считался добытчиком, охотником в семье, поэтому не смотря на то что прошло уже множество веков эти устои не изменились, именно мужчина идёт на риск, чтобы прокормить себя и свою семью любым, в том числе и не законным путём.

Также стоит отметить, что среди всех преступлений против собственности в основном совершаются низшими слоями населения в силу того, что они находятся в непростой экономической ситуации и не могут самостоятельно ее изменить в лучшую сторону, а именно к этой категории статистика относит рабочих.

Опаснейшим правовым явлением является рецидив преступления, который так же возрос до 40 % [3], вся суть этой проблемы заключается в том что мера применённая к преступнику после совершения им данного деяния не выполнила возложенные на неё функции, а именно перевоспитание и осознание противоправности своего поведения в прошлом [5], поэтому суть данной проблемы кроется в том числе в недостаточном регулировании и применении настоящим законодательством мер которые должным образом не воздействуют на данное лицо.

Заключение

Таким образом, из всего вышесказанного следует вывод, что лица, совершающие преступления против собственности, разделены на несколько психологических типов [7], а именно:

1) «случайный» преступник: к данной категории относятся лица, совершающие противоправное деяние в первые или относящиеся к несовершеннолетним. В данном случае корыстный мотив может быть отодвинут на второй план, главенствующую роль в целях занимает хвастовство, показывание другим насколько он «крут»;

2) «ситуационный» преступник – лицо, совершающее преступные деяния лишь в силу той причины, что окружающая его обстановка способствует этому. В основном к такому типу принято относить несовершеннолетних, в силу того, что они желают завладеть какой-либо вещью, но не понимают значение и последствия своих действий, думая только о желаемом;

3) «зlostный» преступник, к этой категории можно отнести тех лиц, у которых есть судимость, также они обладают какими-либо специальными знаниями и умениями в данной области, при этом преступная деятельность является необходимой частью их жизнедеятельности и также приносит им значительную часть дохода.

Можно заключить, что все лица, совершившие преступное деяние, направленное против преступлений против собственности, подходят под один из трёх типов. Однако, зная типологию психологического портрета преступника, можно с помощью законодательства увеличить количество категорий преступлений и рецидивов.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

Список источников

1. Логинова К. Ю. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетних, совершивших имущественные преступления // Вестник российского университета кооперации. 2018. № 16 (48). С. 54–58.
2. Иванова О. М. Криминологические особенности личности преступника, совершившего преступления против собственности // Вестник российского университета кооперации. 2017. № 4 (30). С. 108–112.
3. Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://crimstat.ru/> (дата обращения: 12.12.2021).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://base.garant.ru/2541135/> (дата обращения: 17.12.2021).
5. Бродченко О. И., Логунова О. А. Разработка психологического портрета преступников, совершивших разбойные нападения // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4 (31). С. 58–64.
6. Шалагин А. Е., Гребенкин М. Ю. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 2 (4). С. 74–82.
7. Логинова К. Ю. Криминологическая характеристика имущественных преступлений несовершеннолетних: региональный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 2 (12). С. 66–74.

References

1. Loginova K. Ju. Criminological characteristics of the personality of minors who have committed property crimes. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2018;16(48): 54–58. (In Russ.).
2. Ivanova O. M. Criminological features of the personality of a criminal who has committed crimes against property. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2017;4(30): 108–112. (In Russ.).
3. Legal Statistics Portal. *General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. Available from: <https://crimstat.ru/> [Accessed 12th December 2021] (In Russ.).
4. Criminal Code of the Russian Federation. *Reference and legal system "ConsultantPlus"*. Available from: <https://base.garant.ru/2541135/> [Accessed 17th December 2021] (In Russ.).
5. Brodchenko O. I., Logunova O. A. Development of a psychological portrait of criminals who committed robberies. *Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2007;4(31): 58–64. (In Russ.).
6. Shalagin A. E., Grebenkin M. Ju. Criminological and criminal law characteristics of crimes against property. *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017;2(4): 74–82. (In Russ.).
7. Loginova K. Ju. Criminological characteristics of juvenile property crimes: regional aspect. *Bulletin of Tomsk State University*. 2014;2(12): 66–74. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. В. Никитин – старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях

Д. Д. Одинцова – курсант факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений

А. А. Яковлев – преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки

Статья поступила в редакцию 19.01.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

D. V. Nikitin – Senior Lecturer of the Department of Activities of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions

D. D. Odintsova – cadet of the faculty of training specialists in the investigation of economic crimes

A. A. Yakovlev – Lecturer of the department of tactical-special, fire and physical training

The article was submitted 19.01.2022;
approved after reviewing 22.01.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 159.953.5

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Арина Романовна Пучкова¹, Андрей Сергеевич Косарев²

¹⁻² Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹ arina.puchkova@icloud.com

² andrei.kos1977@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается одна из самых актуальных проблемы современного общества – особенности личности лица, совершающего террористический акт. Приводятся примеры психологических типов личности террористов.

Ключевые слова: преступление, терроризм, террорист-смертник, психологические особенности, идея превосходства

Для цитирования: Пучкова А. Р., Косарев А. С. Психологические особенности личности террориста // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 149–152. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/027.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE TERRORIST'S PERSONALITY

Arina R. Puchkova¹, Andrey S. Kosarev²

¹⁻² Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹ arina.puchkova@icloud.com

² andrei.kos1977@yandex.ru

Abstract. This article discusses the current problems of modern society – the personality characteristics of a person committing a terrorist act. Examples of psychological personality types of terrorists are given.

Keywords: terrorism, suicide bomber, crime, psychological characteristics, the idea of superiority

For citation: Puchkova A. R., Kosarev A. S. Psychological characteristics of the terrorist's personality // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 149–152. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/027.pdf>.

© Пучкова А.Р., Косарев А.С., 2022

Введение

Согласно статье 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определяется как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1].

На сегодняшний день терроризм является одной из самых актуальных проблем современного общества и мира в целом. В связи с этим, на наш взгляд, для понимания сущности данного явления необходимо изучить личность человека, совершающего данное деяние.

Основные положения

Анализируя научную и научно-методическую литературу, можно прийти к выводу, что степень изучения данной проблематики довольно высока. Широко известны научные исследования В. В. Витюка, Т. А. Нестика., В. А. Сосина.

В. В. Витюк считает, что личности террориста присущи определенные качества, отличающие их в других граждан. Первым таким качеством автор называет некое противостояние определенному режиму, группе или какой-либо идее. Вторым качеством является стирание границ между прошлым настоящим и будущим человека, данное лицо находится в состоянии некой неопределенности во времени и пространстве. Третьим качеством автор называет некий нарцис-

сизм, который может присутствовать как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Нарциссизм, по мнению автора, представляет собой убеждение об исключительности, превосходности собственной нации, страны, религии, культуры. Из данного мировоззрения выделяется замысел «спасения, очищения мира» от людей, не похожих на идеал. Следующим качеством, по мнению В. В. Витюка, является четкое деление людей на «плохих» и «хороших». Формируется идеология «малого стада», группы людей, живущих в злом мире, наполненном «лишними людьми». Все вышеприведенные качества являются основой для будущей террористической деятельности, детерминантами, толкающими лицо на совершение преступления [2].

Террорист, совершая преступление, выступает своеобразной «машиной», не имеющей чувств и эмоций. В научной литературе выделяются несколько типов личности данной «машины»: «Синдром зомби», «Синдром Рембо», «Синдром Шахэде».

«Синдром зомби» проявляется в постоянной готовности лица к войне и боевым действиям. Данные лица не могут в силу своих психологических особенностей, внутреннего состояния находиться в мире и спокойствии. Они постоянно создают ситуации конфликта, противостояния. Для таких людей – оружие их любимая «игрушка», владение которой находится на безупречном уровне. В террористических структурах «Зомби» являются образцовыми исполнителями своих обязанностей, своеобразными «роботами», которым чужды человеческие чувства и эмоции. В мирное время такие люди тяжело находят контакт в общении, в особенности с противоположным полом.

Термин «Синдром Рембо» возник и стал известным после того, как на киноэкраны вышел фильм с одноименным названием, главный герой которого – американский ветеран войны. Он вернулся домой, но не смог найти себя в мирной и спокойной жизни, вследствие чего стал террористом. «Синдром Рембо», как считают специалисты, представляет собой противостояние человека самому себе. Он совершает преступные действия и сам противится им, испытывает чувство вины и отвращения к самому себе. Такие люди ощущают себя исполнителями миссии, необходимой для спасения человечества, но в то же время ощущают на себе тяжелое бремя, ответственность. Они считают, что жертвуют собой ради спасения человечества. Данные лица всегда выступают добровольцами, склонны к ограничению, безотказны и совестливы. Иногда бывают чрезвычайно навязчивыми в плане предложения своей помощи.

«Синдром Шахэде» представляет собой особую исламскую разновидность террористов-смертников. Данный тип личности любит свою жизнь, полон сил и энергии, уверен в исключительности своей миссии в этом мире. Многие террористы, вполне вменяемые в повседневной жизни, стремятся к самопожертвованию и смерти, вследствие чего представляются для общества

как психически не уравновешенные и не устойчивые люди. Их поведение не поддается рациональному анализу, соответственно и описать психологические особенности данных лиц – достаточно трудновыполнимая задача. При этом можно констатировать, что предотвратить преступные действия террориста-смертника практически невозможно. Ярким примером террористов-смертников являются четверо друзей и соседей, взорвавших поезд метро и автобус в Лондоне 7 июля 2005 года. 22-летний Шезад Танвир взорвал себя рядом со станцией "Aldgate". 19-летний Хасиб Хусейн из города Бистон подорвал себя на втором этаже автобуса № 30. 30-летний Мохаммед Садик Хан из Дюсбери назван полицией третьим смертником. Мужчина совершил теракт-самоубийство в тоннеле рядом со станцией "Edgware Road". Мохаммед Сидик Хан был женат, у него остался 8-месячный ребенок. Четвертый смертник, который совершил самый разрушительный теракт рядом с "King's Cross", по сей день остается безымянным. Известно только, что на момент совершения преступления ему было не больше 20 лет [3]. Террористы-смертники – это не только лица мужского пола. Женщины также идут на смерть, причиняя её всем людям, находящимся рядом. Так, например 29 марта 2010 года в 7.52 во втором вагоне поезда, прибывшем на второй путь станции метро «Лубянка» в Москве, произошел взрыв. В 8.36 в третьем вагоне поезда, прибывшем на второй путь станции «Парк Культуры» Сокольнической линии, произошел второй взрыв. Погибли 40 человек, еще почти сто получили ранения и увечья. Бомбы взорвали две террористки-смертницы. Также целью многих террористов-смертников является убийство представителей власти, сотрудников правоохранительных органов. Утром 17 августа 2010 года смертник с «поясом Шахида» подошел со стороны Ингушетии к контрольному посту милиции № 105 Пригородного района Республики Северная Осетия-Алания и привел в действие взрывное устройство. Его мощность, по данным следствия, составляла от 600 до 800 грамм в тротиловом эквиваленте, бомба была начинена поражающими элементами. В результате взрыва сотрудник милиции погиб, трое получили ранения.

Анализ террористических актов, которые произошли в мире в последнее время, позволяет выделить шесть наиболее распространенных типов террористов-смертников: 1) террористы «зомби»; 2) террористы из мести; 3) террористы «патриоты»; 4) террористы за деньги; 5) террористы «поневоле»; 6) террористы «маньяки».

Террорист «Зомби». Зомбирование означает, что с человеком провели определенную работу с помощью гипноза или психотропных веществ, вследствие чего он получил установку совершить какое-либо действие или противоправный поступок. Таким образом, террористический акт совершается лицом, не осознающим, что он делает, его поведением управляет другой человек. Зомбированию могут быть подвергнуты как люди со здоровой психикой, так и люди страдающие

различными заболеваниями психики. Отличительными признаками террориста «зомби» являются отрешенный взгляд, однообразные движения, невыразительная жестикуляция, отсутствие контакта с другими людьми, вялая речь и интонация.

Террорист «мститель». Среди таких террористов большую часть занимают женщины, потерявшие своих отцов, мужей, детей и близких родственников. Оставшись одни, они подвергаются мощному психологическому воздействию и представляют основную массу «шахидок». Также их называют «черными вдовами», «невестами Аллаха». Их месть может быть направлена на органы государственной власти, правоохранительные органы, а также на конкретных лиц. Они готовы на все, чтобы восстановить справедливость, чтобы убить тех, кого они считают виновными в смерти своих самых близких людей.

Террорист «патриот». Данный тип является самым распространенным. У него сформировано фанатичное убеждение в своей вере, идеях, превосходстве над другими. Совершение террористического акта он воспринимает как «джихад» против «неверных», своеобразный подвиг во имя своей веры, во имя своего народа. К окружающим его людям данный человек относится подозрительно и недоверчиво. При случайном контакте с людьми вспыльчив, агрессивен, неуравновешен.

Террорист «за деньги». Данное лицо идет на совершение теракта из корыстных побуждений, характеризуется безразличием к окружающим и отсутствием идейных побуждений. Он испытывает внутреннее напряжение, часто облизывает губы при разговоре или сглатывает слюну. Голос такого террориста чаще всего высокий, речь быстрая и прерывистая.

Террорист «поневоле». Данного человека подталкивают к совершению преступления путем шантажа, угроз в отношении его близких родственников, а также путем разглашения данных, позорящих честь и достоинство человека. Такой человек почти всегда молчит, а если все-таки начинает разговаривать, то старается говорить как можно тише, не смотрит в глаза своему собеседнику. Часто отвлекается от сути разговора, так как погружен в собственные мысли.

Террорист «маньяк» – это террорист-одиночка, который страдает различными видами психических отклонений. В силу своей психической неустойчивости он постоянно жаждет славы, уничтожения врагов, а также кардинального переустройства мира. Отличительные признаки: замкнутость, агрессивность, истеричность, суеверность, самолюбие, желание произвести впечатление.

Заключение

Таким образом, несмотря на наличие общих психологических характеристик, говорить о существовании единого типа личности террориста не представляется возможным. Исходя из типов личности террористов, наиболее опасным типом является террорист-смертник. Его мир сосредоточен лишь на террористической деятельности и желании очистить этот мир от «мусора» [4].

На наш взгляд, противостояние терроризму, это часть жизни общества, которая обязательно должна начинаться с профилактических мер. Данная деятельность должна обеспечиваться высокоорганизованной работой органов государственной власти, общественных и религиозных объединений, а также других общественных институтов. Также, на наш взгляд, необходимо усилить контрольные функции государства в телекоммуникационных сетях, так как именно там сконцентрирован основной объем информации, именно там происходит вербовка законопослушных граждан, осуществляется изменение их мировоззрения, настроений, установок. Критические настроения появляются у граждан в период 13–14 лет, когда их психика неустойчива к проблемам и неприятностям современных реалий. Бернар Вебер говорил, что террористом нельзя родиться, а все люди, ставшие террористами, неправильно воспитаны. Каждый из нас рождается свободным и равным в правах, изначально обладает генетически равным капиталом. Исходный материал один и тот же. За все отвечают родители. Поэтому, считаем необходимым пресекать зарождение террористических мыслей еще в первичных институтах социализации человека.

Список источников

1. О противодействии терроризму: федер. закон Рос. Федерации от 6 июня 2006 г. №35-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 февр. 2006 г.: одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 1 марта 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 25.12.2021).
2. Смертниками, совершившими теракты в Лондоне, были трое подростков и молодой отец // NEWSru.com [Сайт]. URL: https://www.newsru.com/world/13Jul2005/terror_kids.html (дата обращения: 25.12.2021).
3. Психологические основы терроризма и антитеррористической деятельности в современных условиях : учебно-методическое пособие // Лепешкин Н. Я., Василин В. Г., Обирин А. И., Талынев В. Е.; под ред. И. Ф. Ярулина. Хабаровск : Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2008. 348 с.
4. Кудрявцева И. С. Психологические особенности личности террориста // Вестник таганрогского института имени А. П. Чехова. 2017. № 1. С. 53–57.

References

1. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii. O protivodejstvii terrorizmu. 2006. Available from: <http://global.factiva.com/> [Accessed 25th December 2021]. (In Russ.).

2. The suicide bombers in London were three teenagers and a young father. *NEWSru.com*. Available from: http://www.newsru.com/world/13Jul2005/terror_kids.html [Accessed 25th December 2021]. (In Russ.).

3. Lepeshkin N. Ja., Vasilin V. G., Obirin A. I., Talynev V. E., Jarulina I. F. (eds.) *Psichologicheskie osnovy terrorizma i antiterroristicheskoy dejatel'nosti v sovremennyh usloviyah*. Habarovsk : Habarovskij pogranichnyj institut FSB Rossii; 2008. (In Russ.).

4. Kudrjavceva I. S. Psychological characteristics of the personality of a terrorist. *Vestnik taganrogskego instituta imeni A. P. Chehova*. 2017;1: 53–57. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Р. Пучкова – заместитель командира взвода факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений

А. С. Косарев – кандидат педагогических наук, доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях

Статья поступила в редакцию 18.01.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

A. R. Puchkova – Deputy Platoon Commander of the Faculty of Training Specialists in the Investigation of Economic Crimes

A. S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Activities of the Internal Affairs Bodies in Special Conditions

The article was submitted 18.01.2022;
approved after reviewing 22.01.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ПРАВО, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Научная статья
УДК 343.9.02

АФГАНСКИЙ НАРКОТЕРРОРИЗМ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА СТРАНАМ-ЧЛЕНАМ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Олег Викторович Тепляков¹, Максим Владимирович Молдавский²

¹⁻² Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Мушинское городское поселение, Россия

¹ otvspb@yandex.ru

² moldavskymv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено такое явление, как афганский наркотерроризм, как современная угроза странам-членам Содружества Независимых Государств. Показана стратегия государств-членов СНГ вокруг Афганистана и совместные шаги международных акторов в интересах стабилизации обстановки в Афганистане и в регионе в целом.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Афганистан, Талибан, наркотерроризм

Для цитирования: Тепляков О. В., Молдавский М. В. Афганский наркотерроризм как современная угроза странам-членам Содружества Независимых Государств // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2022. № 1 (18). С. 153–159. URL: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/028.pdf>.

OTHER SOCIAL AND HUMANITIES (LAW, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SCIENCES)

Original article

AFGHAN DRUG TERRORISM AS A MODERN THREAT TO THE MEMBER COUNTRIES OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Oleg V. Teplyakov¹, Maksim V. Moldavskij²

¹⁻² Leningrad Regional Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, Murinsky urban settlement, Russia

¹ otvspb@yandex.ru

² moldavskymv@yandex.ru

Abstract. The article considers such a phenomenon as Afghan drug terrorism as a modern threat to the member countries of the Commonwealth of Independent States. The strategy of the CIS member states around Afghanistan and the joint steps of international actors in the interests of stabilizing the situation in Afghanistan and in the region as a whole are shown.

Keywords: extremism, terrorism, Afghanistan, Taliban, narco-terrorism

For citation: Teplyakov O. V., Moldavskij M. V. Afghan drug terrorism as a modern threat to the member countries of the commonwealth of independent states // Vestnik of Saint-Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. 2022;1(18): 153–159. (In Russ.). Available from: <https://vestnik-spvi.ru/2022/03/028.pdf>.

© Тепляков О.В., Молдавский М.В., 2022

Введение

«Если Вы не интересуетесь мировой войной, то может быть она, интересуется Вами?» – риторически вещал когда-то Председатель Петросовета Лев Давидович Троцкий. Сегодня мир находится в ситуации, когда мировая война в лице наркотерроризма уже интересуется нами. С этих позиций: наркотик – война – дестабилизация обстановки, т. е. наркобизнес, способствовал развитию сложившейся сложной наркоситуации

и ухудшению террообстановки в различных уголках мира.

«Ярким примером может служить Афганистан, где присутствует тесная связь между терроризмом и наркопреступностью. При этом необходимо учитывать, что в сознании народов Афганистана сохранились вековые родоплеменные структуры, обладающие сводом господствующих в его этнической группе неписанных законов, которым они следуют наравне с идеологией

исламизма» [1, с. 68].

«Корни такой ситуации уходят глубоко в народную культуру, для которой характерно наличие трех основных компонентов: ясные и обязательные для соблюдения чести и самоуважения как необходимая основа для самобытности и ценности личности; желание жить в соответствии с местными, весьма разнообразными обычаями и традициями; вера в ислам. Единственным инструментом, с помощью которого удалось в определенной степени объединить эти разрозненные силы, оказался исламизм. Эта идеология политического ислама провозглашала непримиримую войну с неверными и ратовала за создание «истинного исламского государства» [1].

Основные положения

На примере Афганистана хорошо видно, что потенциал исламизма стал силой способствующей созданию международными реакционными силами движения «Талибан»¹ («ДТ»). Образование «ДТ» можно назвать искусственным новообразованием созданным руками спецслужб США, Великобритании и Пакистана, которые в 1981 году подписали совместный документ о разработке проекта носящего название «Программа-М». Эта программа финансировалась Саудовской Аравией, США помогала советниками и оружием вместе с Китаем, Египтом и другими странами Персидского залива и НАТО.

Процесс становления неправительственной религиозно-политической организации (НРПО) возлагался на пакистанскую межведомственную разведку (МБР). Таким образом, было созданы НРПО «Джамаат и ислам» и «Джамаат улема и ислам»² на которых были возложены обязанности заниматься становлением «ДТ», которые отбирали афганских подростков из лагерей беженцев и обучали их в деобандистских медресе, прежде всего в «Хаккани» [1].

В идеологическом плане «ДТ» стало наследником деобандизма³ и пуштунвалая⁴ и одновременно последовательным сторонником ханафитского мазхаба и матуридистского калама.

Сегодня сформировалось два главных центра управления «ДТ». Это «Совет Кветты» (Шура-е Кветта) и «Совет Пешавара» («Шура-е Пешавор») [2].

Кветта Шура (Совет лидеров) был сформирован в мае 2002 года в городе Кветта расположенном в пакистанской провинции Белуджистан, который формально возглавляет «повелитель правоверных» (высший титул в «Талибанах») маулави Хайбатулла Ахундзада, однако реальная власть принадлежит главе военной комиссии «ДТ» мулле Мохаммаду Якубу, сыну основателя движения талибов муллы Мохаммада Омара. Кро-

ме того, заметную роль в «Кветтской шура» играет руководитель политического офиса «Талибана» в Катаре мулла Абдул Гани Барадар [2].

«Шура-е Пешавор» являющаяся соперником в борьбе за власть «Кветтской шура» расположен в столице пакистанской провинции Хайбер-Панхтунхва и полностью контролируется лидером террористической «сети Хаккани»⁵ Сираджуддином Хаккани вождь племени дуррани [2].

Представленные «советы» «ДТ» находятся под контролем МБР, особенно прокси – инструментом является «сеть Хаккани», через которую полностью реализуются стратегические планы Пакистана.

В XXI веке наркотерроризм стал острой международной проблемой и имеет широкое воздействие на национальную безопасность, общественное здоровье и личную свободу [3].

Это понятие вошло в обиход на Западе в 1983 году, когда перуанский президент Белаунде Терри представил концепцию «наркотерроризм» для обозначения нападений подобных террористическим против наркополицийских в его стране. Наркопреступники использовали методы политических противников, чтобы влиять на политику в стране, осуществляя террор и препятствуя отправлению правосудия. Позже идеологически направленные террористические организации приняли незаконную торговлю наркотиками в качестве источника дохода [3].

Самым простым способом описания наркотерроризма является формулировка Макаренко – это континуум, где одна конечная точка занята специализированными наркопреступлениями с коммерческими мотивами, а другая конечная точка специализированными действиями с идеологическими мотивами [4, с. 130].

С полной ответственностью «ДТ» можно назвать наркотеррористической организацией, которая в настоящее время вынуждает перестраивать глобальный рынок наркотиков, включая мексиканские наркокартели. По мнению мексиканской журналистки и публициста Анабель Эрнандес несмотря на исторические, географические и религиозные отличия Мексики и Афганистана, у них имеются общие черты: обе организации зависят от торговли наркотиков; расширяют подконтрольные им территории и свое политическое влияние с помощью насилия.

Сегодня на Мексику, Афганистан и Мьянму приходится до 95 % производства наркотиков из опиумного мака. В настоящее время 50 % ВВП Афганистана приходится на наркотики.

Официально «ДТ» имеет двойственное отношение к наркотикам. Потребление их запрещено, а производство и торговля разрешено. Согласно докладу Государственного департамента США с 2019 по 2020 год сельскохозяйственные площади, засеянные опиумным маком, увеличились с 163 до 224 гектаров.

В сфере «наркотерроризма» присутствуют следующие операторы – **организованные пре-**

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

² Террористическая организация, запрещенная в России.

³ Деобандизм – радикальное учение, возникшее в XIX веке среди мусульман Британской Индии, продвигающее учение призывающее к воссозданию единого исламского халифата со строгой жизнью в соответствии со средневековыми нормами.

⁴ Пуштунвалай – это свод неписанных законов (адат) направленных на сохранение племенных законов замешанный на религиозном национализме пуштунов.

⁵ Террористическая организация, запрещенная в России.

ступные формирования. Наркокартели специализированные наркоорганизации обладающие свободно связанным типом в виде гибкой сети, имеющие значение в распространение наркотиков до конечного потребителя; террористические организации. Религиозно-политические организованные группировки во времена гражданской войны в Таджикистане 1991–1997 гг. военачальники финансировали свои силы с помощью контрабанды наркотиков. Например, суммарный доход от наркобизнеса для движения типа «Аль-Каида»⁶ был оценен ООН в 2,4 млрд долларов США. Государственные власти и их разведывательные службы могут быть вовлечены в «наркотерроризм». Специальные службы МИ-6 (Великобритания), ЦРУ (США), МВР (Пакистан), этими службами организовывались чартерные рейсы коммерческих авиакомпаний из Багрмана вывоз наркотиков в Европу. Точкой доставки являлась военная база в Испании Морон-де-ла-Фронтера, в Косово – Кэмп-Бондстил, в Германии – Рамштайн. Концепция «наркогосударства» подразумевает влияние наркокартелей с помощью экономической, политической и военизированной силы на осуществление властных полномочий со стороны центрального правительства [3].

По мнению некоторых британских экспертов и специального инспектора США по Афганистану, до 60 % дохода «ДТ» обеспечивает именно торговля героином [5].

Компетентные органы государств-участников СНГ, установили около 700 объектов наркопроизводства, дислоцированных только на севере Афганистана и являются производственным кластером, специализирующимся на северном направлении. Из этого следует, что активность трансграничных криминальных группировок, а также борьба за контроль над потоками контрабанды, особенно, наркопотоками по «Северному маршруту» из Афганистана представляет угрозу государствам-членам СНГ. Последнее особенно важно в связи с тем, что террористическая деятельность финансируется, в том числе за счет наркодоходов [6].

В Афганистане интересы транснациональной криминальной экономики, а именно наркобизнеса переплетается с геостратегическими и геополитическими интересами. Как отмечает Питер Дейл Скотт, «наркомафия сегодня превратилась во влиятельный фактор, определяющий ход политических процессов на всех континентах Земли. Раз за разом США задействуют одну и ту же схему, по которой для ведения войны в том или ином богатом нефтью регионе задействуется потенциал различных союзников, так или иначе связанных с незаконным наркобизнесом», которые фактически становятся «наркосюзниками» США» [7].

Усиливающим фактором к перечисленным проблемам для государств-членов СНГ является распространение экстремистской идеологии на афганско-среднеазиатском направлении с использованием передовых технологий средств массовой коммуникации. Мишенью пропаганды

религиозно-политической пропаганды является зашкаливаемый уровень коррупции светской власти государств Средней Азии, очень высокая степень нищеты, безработица, разрушение советской системы социального обеспечения, образования и здравоохранения, огромная плотность населения. Трайбализм, являющийся основой государственной власти («несостоявшихся государств» Средней Азии привел их к возвращению исторической традиции авторитарного правления построенного на кланово-земляческих и родоплеменных принципах. Соответственно подобная модель государственного управления в странах Туркестана привела к деструктивным религиозно-политическим, национальным и клановым конфликтам.

Следовательно, нынешняя государственная власть в странах Средней Азии представляет собой «двуликого Януса», где присутствует параллельность официальных и неофициальных институтов управления общественными отношениями. То есть теневая система управления общественными процессами, не представленная в официальных органах политической власти, оказывают прямое воздействие на принятие важнейших политических решений и влияет напрямую на социально-политическое и экономическое развитие этих стран. Эти особенности государственного управления в государствах Туркестана накладывают определенный отпечаток, создающий все условия для радикализации общества и создание «группы риска» наиболее подверженной исламистской пропаганде в Средней Азии.

Указанные деструктивные процессы в среднеазиатских республиках происходят при активном участии спецслужб США и Великобритании и других стран ЕС, которые направлены на разрушение государственных устоев и укрепление связей с экстремистско-криминальными структурами, создающие хаос в социуме. Под видом экспорта демократии и свободы в среднеазиатский регион западные страны осуществляют ослабление государственных институтов и вовлечение силового и правоохранительного блока в наркотерроризм.

Представленные общественно-политические и социально-экономические факторы особенно характерны для Ферганской долины, где особенно популярны различные виды исламистских идеологий, где их активную пропаганду проводят иностранные проповедники-эmissары НРПО.

Почему именно Ферганскую долину в качестве плацдарма исламизма выбрали США и их союзники?

Во-первых, население региона гораздо более религиозное, чем в других регионах Средней Азии. Уже в советский период действовала целая сеть подпольных медресе и мечетей. Во-вторых, высокая плотность населения порождала серьезные социальные проблемы в виде дефицита земли, воды, огромной безработицы и бедности. В-третьих, по трассе Хорог-Ош проходит наркотрафик, который доставляет наркотики в Ферганскую долину, откуда через Кыргызстан, Узбеки-

⁶ Террористическая организация, запрещенная в России.

стан и Казахстан переправлялся в Россию и далее в страны Европы. Важным фактором, использования этого маршрута, является его география: где две трети трассы Хорог-Ош-Андижан проходят на высоте свыше 3000 м над уровнем моря, здесь имеется множество глухих ущелий, горных троп, по которым легко обойти все посты и маршруты патрулирования силовых структур [8].

Эти причины заставляют страны Средней Азии отнести к «хрупким государствам» создающие потенциал «несостоявшихся государств». Особенно наличие серьезных межгосударственных конфликтов в Ферганской долине на границах между Таджикистаном, Киргизией и Узбекистаном, которые приводили эти страны к масштабным межнациональным столкновениям [8].

Разжиганию этих «горячих точек» способствуют специальные службы США и Великобритании, чтобы продвигать американские интересы в регионе на создание двух военных плацдармов. Один должен обеспечивать Восточный выход на Кангаз, Восточный Синьцзян, Восточный Туркестан – это две части Синьцзяна. Второй плацдарм ориентирован на юг, на Афганистан и горные районы Пакистана и Ирана [8].

В процессе функционирования разведсообщества США в Средней Азии активно ведет собственную полевую работу по сбору информации по причине не доверия формальной информации присутствующей в информационном пространстве. Для этих целей в южнокиргизском городе Ош действует под прикрытием НКО⁷ «Центр Международной группы по предотвращению кризисов» (International Crisis Group), прикрывающий разведывательную полевую работу по Ходженту (по таджикской территории Ферганской долине), по Андижанской, Наманганской и Ферганской областям Узбекистана, Баткенской, Джалал-Абадской и Ошской областям Киргизии, по Памиру и Горно-Бадахшанской области Таджикистана [8, с. 128–129].

Американцы в режиме реального времени снимают адекватную картинку всех объектов этого обширного в географическом смысле и узлового в мировой политике региона. Этот центр владеет ситуацией в конкретных кишлаках и махаллях таджикско-узбекского, узбекско-киргизского, узбекско-таджикского, киргизско-таджикского, китайско-киргизского приграничья. Детально владея информацией о местных конфликтах и их потенциале, где существуют конфликты по воде, где конфликт по мечетям, где конфликт имеет хозяйственно-экономические предпосылки, а где конфликт близок к насилию, к насильственным действиям, к небольшой войне и т. д. [8]. В разведывательно-полевой работе «первую скрипку» играют специалисты разведывательного сообщества США, местные эксперты выступают в роли источников информации.

По имеющимся данным, до вывода из Афганистана международных сил содействия безопасности (МССБ) разведсообщество США ак-

тивно использовали афганскую площадку для развертывания разведывательной деятельности против государств-участников СНГ. По данным специальных служб государств-участников СНГ на территории провинции Баграм функционировал разведывательный центр. Данное секретное заведение комплектовалось бывшими и действующими сотрудниками афганских органов безопасности, которые изучали в нем русский язык, обычаи, традиции народов России и Средней Азии. По окончании разведывательного центра его выпускники забрасывались в республики Средней Азии с целью создания «спящих ячеек» террористического характера.

В реальности получается следующая картина. США, прикрываясь стратегией борьбы с наркотерроризмом в Средней Азии, усиливают деятельность американских сил в регионе с целью установления гегемонии США.

Тайное соглашение между командованием МССБ и местными наркокартелями были сформулированы в докладе исследовательской службы конгресса США: «Коалиционные силы в интересах обеспечения региональной безопасности и борьбы с терроризмом могут полагаться на сотрудничество с полевыми командирами, лидерами племен и представителями местных властей, которые могут быть замешаны в торговле наркотиками». Впервые в Афганистане появился наркокартель из шести-семи ключевых полевых командиров. В результате число людей, вовлеченных в опиумный бизнес, резко возросло до 3,5 млн чел., а доля наркобизнеса в ВВП страны достигла 40–50 % [9].

Организация подобных каналов наркотрафиков – стандартная американская схема поддержки самофинансирования различного рода боевых незаконных формирований, применяемая по всему миру. Контролируемый американцами ресурс должен дать возможность, усилив эти кланы, препятствовать формированию в странах Средней Азии сильной власти и поддерживать политическую систему и систему государственного управления республик в разбалансированном состоянии. Следовательно, приоритет США – это создание перманентной нестабильной социально-политической обстановки в республиках Средней Азии [9]. Суть этой концепции это элемент посредников в реализации плана «построения потенциала партнеров» (*Partner Capacity Building*), чтобы осуществлять глобальное присутствие блока НАТО.

Таким образом, США решают следующие задачи: создают автономную самофинансирующуюся посредническую силу (*проху*) в лице экстремистской организации, чтобы с помощью её осуществлять свои военные, политические и экономические интересы в стране и регионе; реализуют возможность дестабилизировать общественно-политическую обстановку в стране, где осуществляется спецоперация с помощью коррумпированности власти, проведения пропагандистско-информационных мероприятий с целью подрыва веры в общественном сознании в силу

⁷ НКО – некоммерческая организация.

государства и лишения народа воли к сопротивлению, ведения подпольных и карательных акций против инакомыслящих; проведения тайных операций спецслужбами США с помощью контролируемых экстремистских и криминальных сетей.

По сути, современное общество среднеазиатского региона разочаровано светскими институтами власти и традиционным духовенством. В сложившейся ситуации создание «ДТ» теократического государства в Афганистане может оказаться примером для соседних государств СНГ. Именно с помощью «мягкой силы» будут продвигаться идеи исламизма в государства СНГ.

В сложившейся ситуации на мусульманском пространстве СНГ возникает новый деструктивный тренд, не имеющий разрыва с местной исламской традицией. То есть «ДТ» пришло к власти, не меняя своего традиционного религиозно-социального мировоззрения и уклада жизни в Афганистане.

В данном случае отсутствует элемент отрыва от традиционных национальных корней и местных мусульманских традиций с присоединением к панисламизму – салафизму. Пример «ДТ» показывает, что установление всеобъемлющей исламистско-шариатской системы в отдельном мусульманском анклав возможен на основе традиционных мазхабов (религиозно-правовых школ). Таким образом, отсутствует необходимость адептам порывать с традиционной религией присущей местным традициям Средней Азии и России, и перестраивать свое мировоззрение, основываясь на новых теологических базисах.

Из этого следует, что, создаются условия для возникновения НРПО опирающихся на традиционные теологические школы характерные для мусульман Средней Азии и создается гипотетическая обширная социальная база для местных кланов активно участвовать в политических процессах постсоветских стран Средней Азии.

Помимо «ДТ» опасность для государств СНГ исходит от других НРПО базирующихся в Афганистане «Джамаат Ансоруллах», «Исламского движения Узбекистана» присягнувших на верность ИГИЛ.

Представленные исламистские организации имеют свои наркотрафики, проходящие по территории среднеазиатского региона и России, с соответствующими криминальными связями на местах. Нельзя исключать вариант, что местный криминал вовлечен в вооруженное подполье представленное «спящими ячейками» разбросанными по территории республик Средней Азии. Одновременно в приграничных районах среднеазиатских республик с Афганистаном заранее подготовленные эмиссары ведут информационно-диверсионную работу, направленную на создание сепаратистских и радикальных настроений среди местного населения.

Ранее указанные предположения начинают сбываться. В настоящее время границу с Таджикистаном со стороны Афганистана охраняют боевики НРПО «Джамаат Ансоруллах», которую в 2010 году создал погибший в 2015 году полевой

командир объединенной таджикской оппозиции времен гражданской войны 1992–1997 гг. Мулла Амридинн. После его смерти эту террористическую организацию возглавил этнический таджик Махди Арсалон имеющий намерения создать на территории современного Таджикистана теологическое государство по образцу Афганистана.

По схожему сценарию складывается обстановка на других участках границы Афганистана с Узбекистаном и Туркменией.

Отдельно следует обратить внимание на НРПО «Катиба Таухидваль-Джихад» («Батальон единобожия и джихада») действующей в сирийской Идлибской зоне деэскалации, где собраны вместе боевики со всей Средней Азии. За громким названием этой НРПО скрывается обширная сеть вербовки боевиков из Средней Азии, обладающая сетью учебных центров в нескольких странах. Эта организация стоит за террористическими актами в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 года, в столице Швеции Стокгольме и Киргизии. Во главе НРПО «Катиба Таухид Валь-Джихад» стоял Абу Салах аль-Узбеки организовавший вербовку боевиков с помощью Сети интернет в основном из числа мигрантов работающих за пределами своих стран.

С выведением проблемы связанной с приходом к власти «ДТ» в Афганистане на международную плоскость тематика борьбы с этим террористическим образованием стала приоритетным направлением компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ.

За последний год вызовы и угрозы исходящие из Афганистана существенно трансформировались, в связи, с чем прежние меры противодействия им становятся малоэффективными. Все эти факторы формируют новые условия деятельности компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ по защите их суверенитета и территориальной целостности, иных государственных и общественных интересов.

С учетом названных факторов, совершенно очевидно, что обеспечить на должном уровне коллективную безопасность государств-членов СНГ невозможно лишь путем проведения консультаций и совместных учений.

Актуален переход на новый, более конкретный организационно-тактический уровень сотрудничества и координации усилий. Соответствующие руководства, разработки и практические совместные операции компетентных органов и вооруженных сил государств-членов СНГ по ключевым направлениям взаимодействия кардинально повышают уровень противодействия угрозе исходящей из Афганистана.

В рамках компетентных органов и министерств обороны государств-членов СНГ происходит переосмысление подходов к организации работы в сфере антитеррора с учетом событий происшедших в Афганистане.

Обеспечения коллективной безопасности государств-членов СНГ определяется компетенцией ее субъектов в процессе подготовки и проведении совместных и скоординированных меропри-

ятий в рамках правоохранительных органов, специальных служб и вооруженных сил.

В части деятельности компетентных органов государств-членов СНГ предусмотрено проведение следующих совместных действий:

- обмен оперативно-розыскной и иной информацией, создание и использование совместного информационного банка, а также механизма систематизации и обмена проверенными сведениями о террористических и экстремистских организациях, их лидерах и участниках;
- выявление и постановка на учет в Межгосударственном информационном банке (МИБ) лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость, из числа особо опасных рецидивистов, занимающих высшее положение в преступной иерархии, иных лидеров и авторитетов уголовно-преступной и экстремистско-террористической среды, периодически пересекающих границы государств-членов СНГ с Афганистаном;
- совместная разработка и реализация оперативно-розыскных разработок компетентными органами государств-членов СНГ в целях защиты приграничных территорий с Афганистаном с целью защищенности национальной и межгосударственной безопасности СНГ;
- активизировать развитие совместной информационной системы обеспечения оперативно-розыскной деятельности;
- выявление и перекрытие в ходе скоординированных оперативно-розыскных мероприятий и действий каналов поступления из Афганистана на территорию государств-членов СНГ наркотиков, оружия, незаконных мигрантов, вербовки и переброски граждан в зону вооруженного конфликта, финансирование терроризма и экстремизма, торговли людьми; выполнение запросов на проведение оперативно-розыскных мероприятий компетентными органами в рамках государств-членов СНГ;
- координации проведения оперативно-розыскных мероприятий и действий, в рамках обеспечения действий Коллективных сил по поддержанию безопасности на рубежах границы государств-членов СНГ с Афганистаном;
- создание объединенных оперативно-розыскных групп с целью планирования и координации оперативного-розыскного противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в государствах-членах СНГ связанных с событиями в Афганистане.

Заключение

Поддержание мира и обеспечение безопасности на рубежах границы республик Средней Азии с Афганистаном является одним из приоритетных направлений деятельности вооруженных

сил государств-членов СНГ. Операции по поддержанию мира и межгосударственной безопасности на границе с Афганистаном включает в себя проведение специальных операций с использованием военных, полицейских (национальные гвардии) подразделений направленных на предотвращение, сдерживание и прекращение военных действий на приграничной территории государств-членов СНГ с Афганистаном и способствующих поддержания мира и безопасности.

Также вооруженные силы государств-членов СНГ в соответствии с межгосударственными договорами в рамках СНГ и ОДКБ и двухсторонними соглашениями готовы осуществлять операции по поддержанию мира и безопасности на границе с Афганистаном следующим образом:

- созданием демилитаризованных зон; недопущением и предотвращением вооруженных столкновений на южных рубежах государств-членов СНГ;
- формированием «зоны безопасности» в приграничье с Афганистаном путем обеспечения видимого присутствия Коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ или двухсторонних вооруженных сил государств-членов СНГ;
- осуществлением совместного патрулирования приграничья с Афганистаном совместными нарядами армейских и полицейских подразделений государств-членов СНГ, чтобы контролировать военно-политическую обстановку и поведение местного населения в режимной «зоне безопасности», а также не допускать строительство оборонительных сооружений, заграждений и минных полей незаконными вооруженными формированиями;
- осуществление инженерно-технических мероприятий на заминированных участках местности и объектах вооруженными силами государств-членов СНГ, обеспечение безопасности на жизненно важных объектах;
- оказание содействия местным компетентным органам и армейским подразделениями государств-членов СНГ по обеспечению безопасности транзита всех видов транспорта и функционирования коммуникаций, контроль перевозок, пресечение противоправного ввоза и вывоза боевой техники, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ на границе с Афганистаном.

Вывод МССБ из Афганистана способствует возникновению определенных рисков, в виде вторжения международных террористических организаций на территорию государств-членов СНГ является серьезной потенциальной угрозой. В связи со сложившейся тревожной обстановкой вокруг Афганистана страны-члены СНГ заинтересованы поддерживать режим безопасности в этом регионе.

Список источников

1. Тепляков О. В. Религиозный фактор в террористических организациях: монография. СПб. : СПб ИПКР ФСИН России, 2006.
2. Серенко А. В «Талибане» обострились внутренние конфликты // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/world/2021-04-26/100_153526042021.html (дата обращения: 10.12.2021).

3. Хартелиус Ю. Наркотерроризм. СПб. : СПбГУ, 2010. 47 с.
4. Makarenko T. The Crime – Terror Continuum: Tracing the Inter play between Transnational Organized Crime and Terrorism // *Global Crime*. 2004. Vol. I (6). № 1. P. 129–145.
5. Плотников Н. Наркоситуация в Афганистане обостряется // *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19906> - / (дата обращения: 10.12.2021).
6. Казанцев А. А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года // *Аналитические доклады ИМИ МГИМО*. 2013. Вып. 2 (37).
7. Скотт П. Д. Наркотики, нефть и война : США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. М.: Кучково поле, 2012. 302 с.
8. Средняя Азия: андижанский сценарий? : сборник / сост.: М. М. Мейер ; предисл. В. В. Наумова. М. : Европа, 2005. 183 с.
9. Князев А. Борьба США и НАТО с афганскими угрозами? Опыт Средней Азии // НАТО: мифы и реальность. Уроки для России и мира: материалы Международной конференции (г. Москва, 15 мая 2021 года). URL: <https://userdocs.ru/pravo/22196/index.html> (дата обращения: 10.12.2021).

References

1. Teplyakov O. V. *The Religious Factor in terrorist organizations: a monograph*. Saint-Petersburg: SPb IPKR FSIN Rossii. 2006. (In Russ.).
2. Serenko A. Internal conflicts escalate within the Taliban. In: *Independent newspaper*. Available from: https://www.ng.ru/world/2021-04-26/100_153526042021.html [Accessed 10th December 2021]. (In Russ.).
3. Hartelius Ju. *Narkoterrorizm*. Saint-Petersburg: SPbGU. 2010. (In Russ.).
4. Makarenko T. The Crime –Terror Continuum: Tracing the Inter play between Transnational Organized Crime and Terrorism. In: *Global Crime*. 2004;1(6);1: 129–145.
5. Plotnikov N. The drug situation in Afghanistan is escalating. In: *International life*. Available from: <https://interaffairs.ru/news/show/19906> - / [Accessed 10th December 2021]. (In Russ.).
6. Kazancev A. A. Scenarios and trends in the evolution of the situation in the Central Asian region of collective security of the CSTO after 2014. In: *Analytical reports by IMI MGIMO*. 2013;2(37). (In Russ.).
7. Skott P. D. *Drugs, Oil, and War: The US in Afghanistan, Colombia, and Indochina*. Moscow: Kuchkovo pole; 2012. (In Russ.).
8. Mejer M. M. (eds.). *Central Asia: the Andijan scenario?: a collection*. Moscow: Europe; 2005. (In Russ.).
9. Knjazez A. US and NATO struggle against Afghan threats? Experience of Central Asia. In: *NATO: myths and reality. Lessons for Russia and the World: Proceedings of the International Conference; Moscow; 15th May 2021*. Available from: <https://userdocs.ru/pravo/22196/index.html> [Accessed 10th December 2021]. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Тепляков – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры специальных дисциплин

М. В. Молдавский – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин

Статья поступила в редакцию 18.01.2022;
одобрена после рецензирования 07.02.2022;
принята к публикации 22.03.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

O. V. Teplyakov – Candidate of Sciences (Political), Docent, Associate Professor of the Department of Special Disciplines

M. V. Moldavskij – Candidate of Sciences (Law), Lecturer of the Department of Special Disciplines

The article was submitted 18.01.2022;
approved after reviewing 07.02.2022;
accepted for publication 22.03.2022.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Главный редактор:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционно-издательский совет:

А.А. Утюганов – доктор психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Г.Ю. Авдиенко – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Н. Бережнова – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.М. Большакова – кандидат юридических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Т.А. Бороненко – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
К.С. Гбоко – кандидат педагогических наук (Буаке, Кот-д'Ивуар)
А.А. Дерюгин – кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
М.А. Дёмина – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
С.У. Дикаев – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Л.Г. Дмитриева – доктор психологических наук, доцент (Уфа, Россия)
А.А. Дьячков – кандидат психологических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
Ю.А. Евстратова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Н.М. Жаринов – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Б.А. Жетписбаева – доктор педагогических наук, профессор (Караганда, Казахстан)
Н.Г. Закревская – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.И. Захарцев – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)
Р.В. Зелепукин – кандидат юридических наук, доцент (Тамбов, Россия)
А.В. Зобков – доктор психологических наук, доцент (Владимир, Россия)
В.А. Зобков – доктор психологических наук, профессор (Владимир, Россия)
А.А. Карпов – профессор Российской академии образования, доктор психологических наук, доцент (Ярославль, Россия)
М.М. Кашапов – доктор психологических наук, профессор (Ярославль, Россия)
Е.П. Кораблина – доктор психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Косарев – кандидат педагогических наук (Нижний Новгород, Россия)
А.О. Кособуцкий – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Г.Н. Крижановская – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.И. Курдуманова – доктор педагогических наук, профессор (Омск, Россия)
А.А. Лебедев – доктор биологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Ю. Лебедев – доктор юридических наук, доцент (Новосибирск, Россия)
А.П. Легаев – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
К.В. Лосев – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
С.Г. Лысенков – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Т.В. Маркелова – доктор психологических наук, доцент (Нижний Новгород, Россия)
Т.И. Миронова – доктор психологических наук, доцент (Кострома, Россия)
Т.Г. Мухина – профессор Российской академии наук, доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.И. Назаров – доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор (Иваново, Россия)
И.С. Назарова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Д.А. Никонов – кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Д.В. Новокшинов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф.В. Повшедная – доктор педагогических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
С.А. Погорелов – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Г.М. Погорелова – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Б. Полушина – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
О.Л. Поминаева – доктор педагогических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Прокофьева – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Ф. П. Приосс – доктор педагогики, профессор (Грайфсвальд, Германия)
С.А. Роганов – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
В.Б. Романовская – доктор юридических наук, профессор (Нижний Новгород, Россия)
В.П. Сальников – член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
С.А. Стельмах – кандидат психологических наук, ассоциированный профессор (доцент) (Усть-Каменогорск, Казахстан)
К.А. Стоноженко – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Н.Н. Суртаева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Р.А. Терехин – кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)
А.С. Турчин – доктор психологических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
И.А. Федосеева – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
А.Г. Хабибуллин – доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)
Ю. Ци – кандидат педагогических наук (Чэнду, Китай)
А.П. Шарухин – доктор педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Т.Г. Шарухина – доктор педагогических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
С.М. Шингаев – доктор психологических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
В.А. Юматов – кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург, Россия)
О.Г. Яткевич – кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Учредитель:

федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-69495 от 25 апреля 2017 г.

Редакторы:

Р.Е. Артамонов
Е.А. Голик
И.А. Калмыков
Е.Ю. Юпатова

Дата выхода в свет 31.03.2022

Издатель:

СПВИ войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:

198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1
(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии);
тел.: (812) 337-40-50 (доб. 24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

12+

Founder:

Federal State Official Military
Establishment of Higher Education
«Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops
of the Russian Federation»

Mass media is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Informational
Technologies and Media Control
(certificate Jel No FS77-69495
of 25 april 2017)

Editors:

R.E. Artamonov
E.A. Golik
I.A. Kalmykov
E.Ju. Jupatova

Date of publishing 31.03.2022

Publisher:

Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops

Address of editorial and publisher:

1, Letchika Pilyutova str.,
Saint-Petersburg, 198206,
Russian Federation
(Saint-Petersburg Military
Order of Zhukov Institute
of the National Guard Troops);
Tel.: (812) 337-40-50 (24-58)
(812) 744-70-14
e-mail: vestnik@spvi.ru

Editor in Chief:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)

Editorial and Publishing Council:

A.A. Utjuganov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
G.Ju. Avdienko – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
L.N. Berezhnova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.M. Bol'shakova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
T.A. Boronenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
K.S. Gboko – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Bouake, Côte d'Ivoire)
A.A. Deryugin – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
M.A. Dyomina – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
S.U. Dikaev – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
L.G. Dmitrieva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.A. D'jachkov – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
Ju.A. Evstratova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
N.M. Zharinov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
B.A. Zhetpisbaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Karaganda, Kazakhstan)
N.G. Zakrevskaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.I. Zaharcev – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Docent (Moscow, Russia)
R.V. Zelepukin – Candidate of Sciences (Law), Docent (Tambov, Russia)
A.V. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Vladimir, Russia)
V.A. Zobkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Vladimir, Russia)
A.A. Karpov – Professor of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Yaroslavl, Russia)
M.M. Kashapov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Yaroslavl, Russia)
E.P. Korablina – Doctor of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Kosarev – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Nizhny Novgorod, Russia)
A.O. Kosobuckij – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
G.N. Krizhanovskaya – Candidate of Sciences (History), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.I. Kurdumanova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Qmsk, Russia)
A.A. Lebedev – Doctor of Sciences (Biology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
N.Yu. Lebedev – Doctor of Sciences (Law), Docent (Novosibirsk, Russia)
A.P. Legaeve – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
K.V. Losev – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
S.G. Lysenkov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
T.V. Markelova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
T.I. Mironova – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Kostroma, Russia)
T.G. Muhina – Professor of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, (Nizhny Novgorod, Russia)
V.I. Nazarov – Doctor of Sciences (Psychology), Candidate of Medical Sciences, Professor (Ivanovo, Russia)
I.S. Nazarova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
D.A. Nilonov – Candidate of Sciences (Law) (Saint-Petersburg, Russia)
D.V. Novokshonov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Nizhny Novgorod, Russia)
F.V. Povshednaya – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
S.A. Pogorelov – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
G.M. Pogorelova – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.B. Polushina – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
O.L. Pominova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Prokofeva – Candidate of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
F. P. Prjuss – Doctor of Pedagogy, Professor (Grafsval'd, Germany)
S.A. Roganov – Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
V.B. Romanovskaja – Doctor of Sciences (Law), Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
V.P. Sal'nikov – Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, Doctor of Sciences (Law), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.A. Stel'mah – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor (Docent) (Us't-Kamenogorsk, Kazakhstan)
K.A. Stonozhenko – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
N.N. Surtaeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
R.A. Terehin – Candidate of Sciences (Psychology) (Saint-Petersburg, Russia)
A.S. Turchin – Doctor of Sciences (Psychology), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
I.A. Fedoseeva – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
A.G. Habibullin – Doctor of Sciences (Law), Professor (Moscow, Russia)
Ju. Ci – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Chjendu, China)
A.P. Sharuhin – Doctor of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
T.G. Sharuhina – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Saint-Petersburg, Russia)
S.M. Shingaevev – Doctor of Sciences (Psychology), Docent (Saint-Petersburg, Russia)
V.A. Jumatov – Candidate of Sciences (Pedagogy) (Saint-Petersburg, Russia)
O.G. Jatkevich – Candidate of Sciences (Law), Docent (Saint-Petersburg, Russia)